

Потерянные Короли МК Книга #1

МЕДЛЕННОЕ возгорание

VK.COM / FASHIONABLE_LIBRARY

Отэм Джонс Лейк

Оригинальное название: *Autumn Jones Lake «Slow Burn»*

(Lost Kings MC #1), 2014

Отэм Джонс Лейк «Медленное возгорание»

(МК «Потерянные Короли» #1), 2017

Переводчик: *Иришка Дмитренко (с 4 главы),*

Полина Соколова (1–3 главы).

Редактор и сверщик: *Лела Афтенко-Аллахвердиева*

Обложка: *Врединка Тм*

Часть 1

Глава 1.

Рок.

Это не было любовью с первого взгляда, когда я встретил её. Похоть? Определённо. Я не думаю, что верил в любовь в то время, но один взгляд на её прекрасное лицо, и всё плохое вокруг меня таяло. Непростой подвиг для парня в наручниках.

Кто-то такой же невинный, как она, не должен находиться рядом с таким, как я. Под невинностью я не имею в виду, что она была наивной восемнадцатилетней девственницей. Нет, когда мы встретились, она была тридцатиоднолетней замужней женщиной. Когда я использовал слово «невинная», это означало, что она никогда никого не убивала. Никогда не видела, как кто-то умирает на её глазах. Никогда не нарушала закон.

Настоящее насилие никогда не касалось её жизни.

Я и насилие были лучшими друзьями на протяжении большей части моей жизни. Наряду с криминалом. И смертью. Я использовал насилие в качестве инструмента для сохранения порядка в моём мире, часто находящемся в хаосе, в то время как она применяла закон, чтобы держать вещи в упорядоченном виде в её чёрно-белом мире.

Она была юристом. Я был преступником. Она была замужем за приличным, трудолюбивым, честным парнем. А я трахал любых девушек, которые вешались на меня в моём клубе, и зарабатывал на жизнь нечестными способами.

Она была доброй. Я едва ли знал хороших женщин. Не знал ни одной с тех пор, как умерла моя мама, вскоре после моего восьмого дня рождения. Я почти ничего не помню о ней, но те оставшиеся воспоминания были тёплыми и приятными.

Ни одну из шлюх мой отец не привёл домой после её смерти, испытывая каплю сострадания к потерявшему мать выродку. Стриптизёрши, танцевавшие в моём клубе, казалось, модели с каждым днём. Многие из них были циничными королевами драмы, и чем старше я становился, тем меньше находилось терпения для их эмоциональных сцен. Девушки, обслуживающие членов моего мотоклуба, опустили до простого траха, не более того. Вот как они мне нравились.

Мы встретились в зале суда. Я сидел на месте, предназначенном для заключённых. Наручники сковывали мои руки и ноги. Одетый в щегольской оранжевый комбинезон я прошаркал в зал, вдоль моей спины большими белыми буквами был нанесён логотип компании исправительных работ — на случай, если кто-то думал, что я страдал от плохого чувства стиля.

Она сидела в первом ряду. Я не опустил голову, когда зашёл. Стоял гордый и высокий, оглядывая комнату. Некоторые из моих братьев стояли вдоль задней стены, ждали, чтобы увидеть, если я получу освобождение под залог.

Я не мог найти своего адвоката в море людей. Его большой, блестящий, лысый купол можно было легко обнаружить. Мой взгляд то и дело блуждал к девушке на первом ряду. Длинные, прямые, рыжевато-коричневые волосы струились по её плечам. Прямая чёлка поперёк лба обрамляла блестящие зелёные глаза. Даже оттуда, где сидел, я увидел веснушки, рассыпанные по её носу. Темно-зелёный костюм подчеркнул бархатистость её кожи. Перила, отделяющие преступников от простого народа, блокировали мой обзор ниже её плеч, но её ангельское лицо мгновенно поразило меня.

Шериф наклонился ко мне и прошептал.

— Ваш адвокат звонил, чтобы сказать, что он опаздывает.

Я кивнул и пробормотал «спасибо», не отрывая глаз от девушки. Был ли её старик заперт? Была ли она свидетелем преступления? Явится ли мой адвокат-мудак сюда, чтобы я получил свободу и смог поговорить с этой девушкой?

— Ещё сообщения? — спросил я заместителя Брауна.

Он был порядочным парнем, насколько им может быть легавый. Относился ко мне с уважением, не пытался разбить мою голову обо что-нибудь и даже принёс мне пончик перед тем, как отвести в зал суда. Он не получил возможности ответить, так как судебный пристав устроил грандиозное шоу, говоря мне заткнуться. Высокомерный придурок не был достаточно хорош, чтобы быть даже копом, но он уверенно вёл себя именно как первый. Я имел с ним дело прежде.

Мой взгляд вернулся к девушке. Она сидела, терпеливо и внимательно ожидая своей очереди. Один или два раза посмотрела на часы. Только едва заметное подёргивание губ выдавало её раздражение.

После того, что показалось вечностью, судебный пристав объявил следующее дело, и девушка встала. Она перекинула через плечо потрёпанную сумку и прошла через ограждение к столу, напротив которого я сидел.

Святое дерьмо.

Если бы я находился в любом другом месте мира, я бы присвистнул, чтобы выразить восторг от прекрасных изгибов её тела. Юбка, в которую она была одета, опустилась ей на колени, но прильнула ко всем нужным местам и продемонстрировала фантастические икры. Стук скромных каблучков о деревянный пол привлёк моё внимание к стройным лодыжкам. Я был так занят, пуская слюни по ней, что пропустил тот момент, когда она назвала своё имя.

Мудак-пристав принёс стул и в самом деле улыбнулся ей. Она вежливо поблагодарила его. Судья начал болтать с ней, и она испустила девичий смешок. Люди, казалось, знали её. Как и она.

— Адвокат Кендалл?

— Да, Ваша честь.

Она встала. Ах, она была адвокатом. Это объясняло их болтовню. Она обсуждала какие-то гражданские дела. Я ничего не понял, и меня это не волновало. Я слушал, как она делает своё дело, а затем наблюдал, как она садится. У её противника не было адвоката. Он мямлил и вообще сделал из себя дурачка. Она слушала с покорным выражением лица, а затем отстаивала свою позицию снова. Судья вынес приговор в её пользу.

Я хотел её. Во многих смыслах после её выступления. Зал суда практически опустел.

Мои ребята до сих пор занимали задний ряд, но на этом всё. Если мой адвокат не появится в ближайшее время, я взорвусь.

Я толкнул локтем заместителя Брауна.

— Может ли она представлять меня?

— Я не думаю, что она адвокат по уголовным делам.

— Только для предъявления обвинения. Чтобы вытащить меня отсюда.

— Я спрошу.

Заместитель знаком показал приставу следить за мной и пошёл поговорить с секретарём. Она кивнула и, когда судья поймал момент, шепнула ему на ухо.

Блядь. Девушка убрала свои вещи и собралась уходить. Я действительно хотел её. Имею в виду, я хотел трахнуть её, конечно. Но я так же хотел, чтобы она представляла меня. Кажется, людям она нравилась, они уважали её. Я достаточно долго находился внутри и за пределами системы уголовного правосудия, чтобы понять, что избавление от неприятностей иногда зависит меньше от того, что ты знаешь, и больше от того, кого знаешь. Я нуждался в ней.

— Адвокат Кендалл, пожалуйста, не могли бы вы остаться для предъявления обвинений? — судья попросил остановить запись.

У неё отвисла челюсть, и кровь отхлынула от лица.

— Ох, я адвокат не по уголовным делам, Ваша честь, — она запнулась.

— Это довольно просто. Адвокат мистера Норта задерживается. Не вынуждайте меня назначать вас, — поддразнивал он.

— Ну, эм, но исключительно с целью этого обвинения? — спросила она с нотками надежды в голосе.

— Вот и замечательно.

Судья махнул мне на место рядом с ней. Её большие глаза расширились от удивления, пока я неуклюже двигался с той стороны. Я был, мягко говоря, оскорблён. Она действительно не замечала меня всё то время, что я сидел здесь?

— Я могу заплатить вам, — прошептал я, наклонившись к ней.

Она выглядела удивлённой.

— Всё нормально. С чем мы имеем дело?

Мне понравилось, как она сказала "мы".

— Травка.

Она одарила меня озадаченным взглядом.

— Марихуана. Поймали с парой косячков, — действуя по хреновой наводке одного из многочисленных врагов клуба, полицейские надеялись пришить мне большую часть целой преисподней. Вот почему вместо того, чтобы игнорировать травку, как и большинство полицейских делают в эти дни, я стою здесь в кандалах и оранжевом комбинезоне.

— О Боже, — она закатила глаза. Из-за меня или обвинения, я не был уверен.

— Есть ли у вас официальный отчёт?

— Около мили длиной.

Это остановило её. Она начала всматриваться в моё лицо, пытаясь отыскать истину. Видимо, решив, что никто не будет шутить об этом, она кивнула.

— Вы можете внести залог? Вы работаете? У вас есть семья?

— Да, да и да.

Она не стала спрашивать, какого типа работа. И не спросила о семье к тому же.

— Ваша честь, я переговорила со своим клиентом.

— Очень хорошо. Позовите его.

Его секретарь встала и зачитала:

— Народ штата Нью-Йорк против Роклана (прим.: в оригинале Rochlan) Норта, — посмотрите на это, старая дева даже произнесла моё имя правильно.

Моя девочка посмотрела на меня снова. Мои манеры были дерьмовыми. Никогда не утруждался представляться, я считаю.

Судья опустил свой председательский молоток. Первый раз я услышал его утром. Резкий звук удара прервал состязание по переглядыванию, в которое были вовлечены мой симпатичный адвокат и я.

— Вы бы хотели услышать чтение обвинений, советник?

Она колебалась в течение минуты, и судья прикрыл микрофон рукой:

— Обычно адвокаты отказываются от публичного чтения, мисс Кендалл.

— Я знаю, Ваша честь. Спасибо. Да, я откажусь от него. Могу ли я иметь копию обвинения для моего дела, правда?

— Да, конечно. Вы хотите слушание, чтобы выйти под залог?

— Да, Ваша честь. Мой клиент уверяет, что он может заплатить разумную сумму. Он работающий семьянин, так что это в интересах общества позволить ему продолжать работать и обеспечивать свою семью, пока он ждёт, чтобы снять ложные обвинения.

Я гордо могу сказать, что удерживал строгое выражение лица во время всего происходящего. Она поразила меня своей сообразительностью. Адвокат по уголовным делам или нет, но она была умна. У меня пристрастие к умным. Умные люди помогают выжить.

Милая и умная. Мне следует попадать за решётку чаще.

— Очень хорошо. Залог устанавливается в размере пятисот долларов наличными. Если ваш клиент имеет возможность внести его прямо сейчас, то он может оплатить его на нижнем этаже вместо того, чтобы возвращаться в окружную тюрьму.

Она посмотрела на меня и подняла бровь. Я кивнул и жестом направил моих ребят вперёд.

— Это приемлемо. Спасибо, Ваша честь.

— Остановите запись, — сказал судья стенографисту. Он посмотрел вверх на моего адвоката. — Видите, это было не так уж и трудно, мисс Кендалл, — лицо судьи исказилось волчьей ухмылкой, я не воспринял её любезной. В моей голове я уже предъявил права на эту женщину, имени которой ещё не знал.

Шериф подошёл и схватил меня за локоть.

— Разве вы не можете устранить ограничения уже сейчас? — спросила она шерифа с широко открытыми, умоляющими глазами.

Сказать, что её просьба меня ошеломила, значит, ничего не сказать. Никто никогда не беспокоился о моём стеснённом положении.

Шериф не выглядел удивлённым. Он ответил мягко.

— Нет, адвокат, только после того, как он внесёт залог. Вы можете встретить нас внизу, — он кивнул в сторону ребят, стоящих у перил. — Его отряд может показать вам путь.

Она колебалась, и я прочитал выражение на её лице чётко и ясно. Она не хотела следовать за моими ребятами куда-либо. На самом деле она выглядела так, будто хочет убежать.

— Идите, со мной всё будет в порядке, — я оценил её попытку помочь. Шерифы не

нарушают протокол, неважно, как она воздействует своими невинными совиными глазами. Несомненно, это завело меня. Может быть, это был тот самый момент, когда я влюбился в неё.

Хоуп.

Я не могла унять дрожь в моих руках. Это были просто нервы из-за обработки предъявления обвинений на месте в первый раз. Я почти заставила себя поверить в это, но мои руки предавали меня. Реакция на этого парня была смешна, я уж не говорю о том, как она неуместна.

Профессиональный преступник, очевидно. Мастер заговаривать зубы. Сексуальный в самых непристойных и опасных смыслах. Отвратительного оранжевого комбинезона недостаточно, чтобы скрыть мощное тело. Тем не менее, когда мои глаза стали путешествовать дальше, у меня перехватило дыхание. Я не уверена, что когда-либо встречала такой изысканный пример мужественности раньше.

Озабоченно уставившись, я, вероятно, выглядела как полная дура. Но мне нужно принять его всего. Короткие, светло-песчаные волосы, острые скулы, решительная угловатая челюсть и идеально прямой нос. По какой-то причине я ожидала увидеть у такого человека, как он, кривой нос, сломанный один или два раза за всю его жизнь. Он излучал силу и едва контролируемую жестокость.

Я была на пути к тому, чтобы переступить через себя, и не только в работе над повышением квалификации.

Наши взгляды столкнулись, и я втянула побольше воздуха в лёгкие. Глубокие, спокойные глаза впивались в меня. Я никогда не видела никого с такими серыми глазами прежде, поэтому продолжила смотреть на него, чтобы узнать, не изменится ли цвет глаз с другого ракурса. Мне понадобилось некоторое время, чтобы оторваться от изучения его необычной радужки.

Я сжала пальцы вокруг ручки моего портфеля и сделала шаг назад. Последнее, что я хотела бы, это следовать куда-нибудь за его жуткими друзьями. Разве теперь моя работа не закончена? Я не имела ни малейшего понятия, так как раньше никогда этим не занималась. Полагаю, если я хочу получить деньги, мне стоит идти за ними.

Вместо этого судья Дэйн, покинув скамью, подал мне сигнал, чтобы я пошла с ним.

— Я спущусь к вам через минуту, — сказала я парням, которые стояли там и ждали меня. Мои губы растянулись в нервной улыбке.

— Мисс Кендалл, — позвал меня судья.

Я повернулась и направилась в сторону богато украшенной дубовой двери, ведущей в его личные покои. До этого я была здесь один или два раза на совещаниях по урегулированию, но никогда одна.

Я оставила дверь открытой.

— Присаживайтесь, — он обвёл рукой два кресла, стоящих перед его широким столом.

— О, мне нужно идти за мистером... — дерьмо! Как звали того парня?

— Нормом. Поэтому я и хотел поговорить с вами. Вы проделали отличную работу. Как вы отреагируете, если я назначу вам несколько незначительных уголовных дел?

Как на занозу в заднице.

— Было бы неплохо, — ответила я.

— Я могу назначить кого-нибудь вам в помощники для пары дел, пока вы не поймёте принцип действия.

Перевожу это как то, что я сделаю всю работу, а мой "наставник" получит деньги. Как будто мне нужны дополнительные трудности в моей жизни.

Рок.

Оказавшись без наручников и снова в своей повседневной одежде, я оглянулся в поисках моего нового адвоката. Она не пошла с ребятами вниз, и я задавался вопросом, где она могла быть. У меня даже не было её визитки.

— През (прим.: президент, главный в мотоклубе), почему ты хочешь держать поблизости эту щёлку? Глассман позаботится об этом, — спросил Мёрфи, не понимая, насколько близок к надиранию задницы.

Я сжал руки.

— Этот ублюдок может не беспокоиться, чтобы объявляться. С таким количеством денег, что мы платим ему, это дерьмово. Она проделала отличную работу.

— Ты хочешь перепихнуться? Она лакомый кусочек. Я займусь этим.

Я действительно хочу «перепихнуться», но Роф (прим.: Wrath) — вероятно, мой самый старый и близкий друг, — говорящий о ней таким образом, чертовски разозлил меня.

— Заткнись нахуй.

Его глаза расширились, но рот захлопнулся. Зеро и Роф переглянулись, а я посмотрел на них обоим в ответ.

Мягкий стук о бетонный пол звучал несколько секунд, прежде чем она высунула свою голову из-за угла.

— Простите, мне потребовалась минутка. Всё хорошо?

Я закончил подписывать последний лист бумаги, взял бумажник и кивнул.

— Всё в порядке.

Её взгляд блуждал по моим братьям, и в нём образовывался мягкий испуг.

— Пойдём, куколка.

Жестом указал ей на выход. Я хотел съебаться из здания и из центра города Айронворкс. Я никогда не должен был переезжать через мост в любом случае. Если бы я оставался на моей собственной чёртовой территории, то эта херня не произошла бы.

Но тогда я бы не встретил довольно милого адвоката.

Я выдал парням лицо в стиле «нахрен потерялись», и они унесли ноги от нас.

— Могу ли я получить вашу визитку?

— Ох, конечно! — она остановилась и провозилась со своей сумкой несколько секунд. Взволнованная, она выдохнула немного воздуха вверх, растрепав чёлку. Самая чертовски милая вещь, которую я когда-либо видел. Помотав головой из стороны в сторону, она двинулась к скамейке и положила на неё портфель. Наклонилась, чтобы открыть его; держу пари, она не понимала, какое я получил восхитительное зрелище: прекрасный, прямой доступ к её ложбинке между грудей. Я знал много женщин, которые сделали бы точно так же, чтобы получить эту реакцию. Но эта цыпочка понятия не имела. Чёрт возьми, эта девушка была опасна.

Я перенёс вес тела с одной ноги на другую, подумывая покружить, чтобы проверить вид сзади, когда она выпрямилась и сунула мне в руки ярко-зелёную и грязно-белую визитку.

Уникальная и красивая, прямо как она.

— Извините, — на её губах промелькнула нервная ухмылка.

— Без проблем, — я взял визитку. Хоуп Кендалл, Эсквайр (прим.: в США в качестве приставки, стоящей после имени, используется при обращении к дипломированным адвокатам). Боже. Чёрт.

Я достал бумажник из моего кармана, выудил оттуда пять свёрнутых стодолларовых купюр и протянул ей.

Она сразу же возразила.

— О, чёрт возьми, мистер Норт, я не могу взять так много. Одной сотни будет достаточно.

Она сунула деньги обратно мне в руки.

Я не мог вспомнить, что когда-нибудь прежде слышал, чтобы кто-нибудь старше пяти лет сказал «чёрт возьми». Это действительно чертовски мило звучало из уст Хоуп. Я так же не думаю, что когда-либо знал человека, который вернул бы деньги, когда ему их предлагают.

— Нет. Вы проделали отличную работу, учитывая то, что это дело взвалили на вас в последнюю минуту. Вы это заслужили.

Она покраснела и посмотрела вниз на свои туфли.

— Спасибо.

Чёрт, она сладкая. Хоуп была яркой, от неё исходил какой-то благородный свет. Почему это делало меня таким чертовски твёрдым, понятия не имею. Обычно я не действовал честно. Я любил грязные и скверные связи.

— Без проблем, — сказал я. — Теперь я голоден. Пойдёмте перехватим чего-нибудь.

Она помедлила, что говорило о том, почему я *не должен звать* её на ланч.

— Мне действительно нужно...

— Вы должны быть в суде где-нибудь ещё?

— Нет.

— Так пойдёмте поедим.

— Разве вы не хотите присоединиться к друзьям? — она указала на угол, где Зеро, Роф и Мёрфи остановились покурить.

Я не привык, что девочки пытаются убежать от меня. Обычно они ловили шанс, ладно, ловили меня. Эта же мучилась, чтобы избавиться от меня. Что заставляло хотеть ещё сильнее преследовать её.

— Нет, они могут вернуться и забрать меня позже.

— Я замужем, — пискнула она.

Ну, охуеть.

Глава 2.

Хоуп.

Я так отчаянно пыталась убраться подальше от этого мужчины, что выпалила единственное, что, как я думала, его остановит. Не то чтобы я себе льстила, но вибрации, исходившие от него, заставляли меня трепетать. Где-то между залом суда и тротуаром мы перешли от делового тона к разговору более... личному.

Это вынуждало меня испытывать неловкость.

Я поняла, что пялюсь. Мужчина наверху даже в его оранжевом комбинезоне был живой и энергичный.

Теперь, без того, что отвлекало в зале суда, он действительно захватил всё моё внимание. Достаточно высокий. Настолько, что мне бы пришлось смотреть вверх, если бы я захотела вновь увидеть эти захватывающие дух глаза, хотя я и не была женщиной с низким ростом. Прямая жёсткая осанка говорила о том, что ранее я была права: мощное, мускулистое тело скрывалось под безобидной футболкой, кожаной жилеткой и джинсами. Снаружи солнце отбрасывало блики на его густые светлые волосы. Достаточно короткие, чтобы запустить в них мои ногти, но не иметь возможности ухватиться.

Щетина покрывала сильную, угловатую челюсть. Я подумала, всегда ли он носил щетину, или это просто после ночи, проведённой в тюрьме. И решила, что это не имеет значения так или иначе.

Тюрьма. Точно. Я адвокат. Он мой клиент. Оценивать его в таком смысле совершенно неуместно.

Так что я выпалила своё семейное положение. Никогда не делала этого раньше. Обычно я старалась прокладывать себе дорогу, не привлекая внимания к «мой муж это» или «мой муж то».

Проблема этой стратегии в том, что тайно, в глубине души, в месте, где трудно себе признаться, мне действительно понравилось внимание от Роклана Норта. Мои слова также служили для напоминания *самой себе*, что я недоступна. Роклан. Я прокрутила имя в своей голове. Представила, как шепчу его в темноте, когда он...

Нет. *Нет!*

Роклан.

В то время как мы стояли там, её щёки окрасились в интересный оттенок малинового. Этот небольшой кусочек кожи издевался надо мной, пока я хотел лишить её сладкого маленького костюма и увидеть, где ещё её кожа порозовела, когда она смутилась. Неловкое молчание продолжалось, тем временем я искал что сказать.

— Где твоё кольцо?

Она показала мне фак.

Прежде чем разозлиться, я заметил простое золотое кольцо, окружавшее её средний палец, и крохотный бриллиант, расположенный сверху.

Мои брови взлетели от любопытства.

Она пожала плечами:

— Я потеряла немного веса, и у меня не было времени, чтобы уменьшить его.

Я использовал это как приглашение, чтобы получить своё время для рассматривания её тела сверху до низу.

— Больше не теряй.

Её челюсть отвисла.

— Прости?

— Это будет преступлением, если ты потеряешь ещё, — я проговорил каждое слово таким тоном, чтобы его невозможно было проигнорировать.

Её брови сошлись вместе, а губы поджались, что, как я понял, означало раздражение, но я находил это милым. И чертовски сексуальным. Иисусе, эта цыпочка затрудняла моё

нахождение на тротуаре перед наименее возбуждающим местом в мире: полицейским участком.

— Давай, миссис Кендалл. Пойдём пообедаем. Я могу воспользоваться бизнес-расходами.

— Миз (прим. ред.: ставится перед фамилией женщины, как замужней, так и незамужней — в том случае, если её семейное положение неизвестно или она сознательно подчёркивает своё равноправие с мужчиной.) Кендалл.

Миз Кендалл была раздражена.

Хоуп.

Вопреки моему здравому смыслу я последовала за Рокланом или Роком, как он настаивал, чтобы я называла его, через улицу к Vintage Diner. Я не была в Vintage несколько лет. Слишком много адвокатов, копов и судей болталось здесь по понятным причинам. За исключением моих лучших друзей, Софии и Мары, и ещё кучки других людей, мне не нравилось общаться с другими адвокатами. Откровенно говоря, они скучны до усрачки. Мой муж был инженером. Мы были идеальным сочетанием правого и левого полушарий мозга. Инь и Ян. Мы дополняли друг друга. Между нами нет конкуренции, потому что наши карьеры не могли сделать друг с другом абсолютно ничего. Я размышляла, как бы рассказать Клею об этом обеде. Он очень защищал меня и, услышав, что какой-то страшный преступник силой заставил меня пообедать, разозлился бы. И вероятно, стал бы немного ревновать. Мы вместе двенадцать лет и по-прежнему делимся всем друг с другом. Мы всё ещё ревнуем. Мне нравится это в нас. Нам до сих пор *не всё равно*. Я знала по меньшей мере двух наших друзей, которые отдалились друг от друга и развелись. Я не верила в развод. И в неверность. Я восприняла свой обет серьезно. Восприняла каждую клятву серьезно.

Рок заставлял меня нервничать.

Не то чтобы я никогда не находила другого человека привлекательным за двенадцать лет. Это были профессор в колледже, парень в юридической школе, партнёр, нанявший меня на мою первую работу, и горстка других парней здесь и там. Я не обращала внимания на противоположный пол и не испытывала иллюзий, что мой муж другой. Но Рок затронул меня до глубины души. Стайка пьяных бабочек затрепетала в моём животе, когда я посмотрела в его глаза. Это — нет — *он* пугал меня до ужаса по тысяче причин.

Потом его голос. Я ожидала, что он суровый или грубый. Вместо этого он был спокойным с хрипотцой, заставившей мой желудок танцевать чечётку, когда он спросил официантку о частной кабинке в задней части.

Рок.

— Так какую область юриспруденции ты практикуешь?

Хоуп оторвалась от энергичного изучения меню.

— Арендное законодательство, семейное право, временами собственность, — она быстро выпалила каждую область и опустила голову обратно к меню.

Будучи тем, кто не любит быть проигнорированным, я настаивал:

— Семейное право. Как попечительство и прочее?

— Да, — ответила она не глядя

— Я знаю нескольких парней, которые могли бы воспользоваться твоей помощью.

Я наконец-то привлёк её внимание.

Она сфокусировала свои ярко-зелёные глаза на мне и изогнула бровь:

— Да? Ты один из них?

— Чёрт, нет. Слава Богу, я не был достаточно глуп, чтобы иметь детей с бывшей.

— Так ты разведён?

— Да. Теперь она делает других бедняг несчастными.

Её блестящие розовые губы скривились в натянутой ухмылке.

— Несомненно.

Сложилось впечатление, что я задел её. Обычно мне похуй. Но я обнаружил, что хочу ей понравиться. Почему, я не мог понять.

— Что вам предложить, ребята?

Скучающая официантка постучала карандашом по маленькому зелёному блокноту в её руках.

— Вперёд, куколка, — выражение нежности соскользнуло с моего языка прежде, чем я успел обдумать это. Обычно я не давал незнакомкам прозвища. Или, если я делал это, они были обобщёнными: мамочка или конфетка. «Сука» — если они злили меня. Однако она такая чертовски сладкая и невинная. Предполагаю, что Хоуп напоминала мне живую куклу.

Я получил сердитый взгляд в ответ.

— Половину сэндвича с индейкой и сладкую картошку фри.

— Она будет целый сэндвич, а я двойной чизбургер с беконом и ещё одну сладкую картошку фри.

Глаза Хоуп довольно раздражённо следили за мной, когда я изменил её заказ, но она промолчала. Мне нравились умные девочки, которые знали, когда завершить сражение. Как только официантка ушла, я продолжил, будто ничего и не случилось. Хоуп, на удивление, последовала моему примеру.

— Так какие у вас цены на консультации?

— Первый час бесплатно. Сто пятьдесят в час после.

— Кажется ужасно дешёвым.

Она фыркнула.

— Впервые слышу это. Назначенному адвокату платят только семьдесят пять в час. Сто пятьдесят кажется откровенной жадностью.

Я приподнял бровь, показав тем самым, что ей следует всё детально разъяснить.

— Не каждый может позволить себе адвоката. Суд назначает их в определённых ситуациях. Округ платит только семьдесят пять в час.

Я кивнул.

— Кто обычно занимается вашим делом?

— Роберт Глассман.

— Выскочка. Неудивительно, что мои ставки кажутся вам дешёвыми. Его фирма не занимается семейными делами?

— Нет.

— Я уверена, он может дать вам имя.

— Уверен, может. Но мне нравишься ты. Если ты хоть наполовину так хороша, как была сегодня, я буду платить тебе в два раза больше твоего обычного гонорара.

— Послушайте, Мистер Норт...

— Рок.

Она передёрнула плечами, глубоко и раздражённо дыша, прежде чем продолжила, будто

бы я ничего не говорил.

— Я действительно не сделала ничего особенного сегодня. Ценю, что вы думаете, что сделала. Но вы ещё не сорвались с крючка. Не хотелось бы, чтобы у вас создалось завышенное мнение обо мне, дабы вы не разочаровались позже.

Я внимательно обдумал её слова перед тем, как ответить. У этой девушки были проблемы с самооценкой, которые зашли довольно далеко, и я не мог себе представить, как такое возможно. Она была чертовски великолепна. Очевидно, умна.

— Чем занимается твой муж?

Смена разговора, казалось, удивила Хоуп. Она откинулась на спинку стула и прищурилась.

— Он инженер.

— Как на железной дороге?

Это не рассмешило её. Напротив, она нахмурилась ещё больше.

— Нет, как в возведении мостов, гражданская инженерия.

— Выходит, не адвокат?

— Господи, нет.

— Как долго вы женаты?

Ещё более сердитая, немного ёрзает.

— Мы вместе двенадцать лет. Женаты шесть.

— Дети?

Очаровательное фырканье:

— Нет.

— Как же так?

— Вы такой же любопытный с Глассманом?

— Да.

— Чушь собачья.

— Знаю, что у него два ребёнка. Оба мальчика. Его старуха сидит с ними дома.

Она покачала головой, но я не был уверен, какая часть раздражала её больше: то, что я знаю о личной жизни Глассмана, или то, что я назвал его жену старухой. Вероятно, и то, и другое.

Я всё ещё не смог узнать о ней больше.

— Ты выросла где-то здесь?

— Нет.

Подождал, чтобы она продолжила говорить, но тщетно.

— Есть семья в этом районе?

— Моя мать и её муж живут примерно в часе езды на север отсюда.

По тому, как она это произнесла, я догадался, что её мать снова вышла замуж в более позднем возрасте и Хоуп прямо-таки не нравится отчим.

— Твой отец тоже снова женился?

Вспышка боли появилась на её лице. Она быстро заморгала. Её кулак сжался вокруг салфетки.

— Он умер, когда мне было тринадцать.

Ох, блядь. Можно ли быть большим мудаком?

— А вот и я.

Официантка поставила еду на стол, выдернув нас из неловкого момента. Хоуп рывком

взяла бутылку с кетчупом со стола и начала обильно поливать картошку фри в своей тарелке. Я наблюдал, как она отодвинула половину сэндвича в сторону. С другой она сняла верхний слой хлеба и убрала часть мяса в сторону. Затем соскребла майонез, за исключением следа от него, сложила всё обратно и начала есть. Я полюбил её очаровательные привередливости.

— Чем ты увлекаешься, Рок? — спросила она после первого глотка.

— Мотоциклы, фильмы, долгие прогулки по пляжу.

Вместо улыбки она свирепо уставилась на меня.

— Глассман крутой защитник по уголовным делам.

Я пожал плечами.

— Мы знаем друг друга долгое время.

— Бьюсь об заклад, так и есть.

— Я владею «Хрустальным Шаром» в Империи.

— Ах.

— Ты знала это?

— Я знаю *об этом*. А кто здесь не знает?

Это было правдой. Не случайно «Хрустальный Шар» оставался последним стрип-клубом в радиусе пятидесяти миль. Верьте или нет, мы руководили чистым домом. Таким чистым, насколько это возможно с отмыванием денег и оружием в подвале. Но тяжёлые наркотики, проституция — то, что существовало в обычных клубах, — не присутствовали в моём. И это не случайно.

— Ты когда-нибудь заходила туда?

— Боже, нет. Что бы я там делала?

— Ты могла бы заработать много денег в качестве танцовщицы.

Вместо того, чтобы разозлиться, она откинула голову и засмеялась.

— Я польщена, но немного стара для этого.

— Тебе не может быть больше двадцати пяти или двадцати семи?

— Мне тридцать один. Не то чтобы это не ваше дело, — она склонила голову и посмотрела на меня прищуренными глазами. — Считаете, я со своим мужем со школы?

Ну да, это именно то, что я думал, именно поэтому меня потрясло то, что к настоящему времени у неё не было детей. Осознание того, что она старше, чем я сначала предположил, заставило меня рассмотреть её внимательней. Хоуп не просто действовала жёстко. Она была жёсткой.

— Ты собираешься съесть остальное? — я дёрнул подбородком в направлении её тарелки.

Она закатила глаза, затем глянула на половину сэндвича с индейкой и горку мяса.

— Нет, — равнодушно сказала она.

Я отодвинул свою тарелку в сторону, её же придвинул к себе.

Хоуп.

Что за сущий ад? Я настолько глубоко витала в своих мыслях, что это перестало быть смешным. Я наблюдала, как Рок кладёт дополнительную индейку на сэндвич и делает большие укусы. Ничего себе, этот парень был чистым сексом на колёсах. Ладно, сексом на мотоцикле, если быть более точной.

На протяжении многих лет я слышала те же самые слухи, что и все остальные в столичном регионе. Некая тайная организация якобы управляла «Хрустальным Шаром». Вот

почему, когда остальные клубы в этом районе свернулись из-за давления городского совета, принудительного отчуждения собственности и районного зонирования, «Хрустальный Шар» по-прежнему процветал, как будто ничего не произошло. Последний конкурент, клуб «Сальваторе», был выдающимся владением, пока его не переместили на кусок земли размером с почтовую марку без стоянки или дороги для посетителей, чтобы попасть в здание или выйти из него. Пустышка, что осталась от «Клуба Сальваторе», находилась менее чем в миле от входной двери «Хрустального Шара».

Если Рок владел им, это раскрывало интересную тайну. По моим предположительно ограниченными сведениям, никто не знал, кому принадлежит высококлассный стрип-клуб. Местные газеты всегда сообщали о том, что он во владении иностранной компании. Поскольку на одной из нашивок на его кожаном жилете читалось «президент», я предположила, что «Хрустальный Шар» фактически принадлежит мотоклубу «Потерянные Короли». И Рок хотел *меня* для работы с ним. Должна признать, я вроде бы хотела этого.

Пока сидела там, я говорила себе, что это было из-за денег. Даже одного дела за триста долларов в час может быть достаточно, чтобы начать выкапывать себя из очень глубокой финансовой ямы, в которой я находилась. Хотя моя практика и занимала всё время, сводить концы с концами действительно тяжело, поскольку, помимо ипотеки с высокими процентами, которую мы с мужем никак не могли погасить, были ещё и безумно высокие платежи по студенческому кредиту. Не похоже, что мы неблагоразумно тратили деньги. Выросший ни с чем, Клэй очень дисциплинирован финансово. Если бы я могла хотя бы немножко получить вперёд, ночью мне бы спалось намного спокойнее. Рок, казалось, предложил способ для этого. Я была бы сумасшедшей, если бы ответила нет, верно?

— Ты ошибаешься насчёт Глассмана. Он также занимается нашим бизнесом. Зонирование, разрешения, лицензии — такого рода дела, — низкий голос Рока вырвал меня из мыслей об оплате некоторых долгов.

Я кивнула, но держала рот на замке. Я знала, что в пижонской фирме Глассмана существует отдел для защиты, наверное, всего. Могу поспорить на свою тринадцатилетнюю Хонду Цивик, что у них есть поверенный по семейным делам, поэтому Року на самом деле *не нужна* моя помощь.

Это означало, что он хотел меня по некоторым другим причинам.

Не буду лгать — это соблазняло даже больше денег.

Глава 3.

Хоуп.

— Сегодня у меня был странный день.

Мой муж глянул на меня, в то время как расстёгивал пуговицы на рубашке. После того, как бережно повесил её, он накинул свободную футболку, чмокнул меня в щёчку, а потом полностью сосредоточился на мне.

— Расскажи об этом, милая.

— Мне пришлось предъявить обвинения. Но это может привести к некоторой частной работе в суде по семейным делам.

Клэй изогнул бровь.

— Это странно, — согласился он, — Но также хорошо, правда? В большинстве случаев ты работала с клиентами, которые лично тебе платили.

— Да, работа в суде хорошая и стабильная, но проходит вечность прежде, чем они мне платят. Плюс я могу сделать гораздо больше в частном порядке.

— Так в чём проблема?

Видите, вот почему наши отношения работали. Он так хорошо меня знал. Мы не держали секретов друг от друга.

— Думаю, это значит, что я буду работать на Мотоклуб «Потерянные Короли».

Он приподнял бровь, но сразу ничего не сказал.

— Ну, по слухам, эти ребята распространяют своё семя повсюду вокруг, поэтому я уверен, что там будет достаточно работы, чтобы держать тебя занятой.

Я хотела рассказать Клэю больше. Но не знала, как выразить это. Рок пугал меня. И всё же он возбуждал меня. Я не представляла, как мой муж поймёт это. «Привет, меня немного привлекает тот большой, пугающий чувак-байкер, милый». Выглядит как неправильная вещь, которую жена собирается сказать мужу.

Итак, я кивнула и вместо этого позволила ему рассказать о том, как прошёл его день.

В следующий понедельник я обнаружила себя входящей в «Хрустальный Шар» в час дня. Нервничая перед встречей, я долго готовилась. Надела серые клетчатые брюки с бирюзовыми линиями в паре с бирюзовым свитером и бирюзовые лакированные лодочки к наряду. Я была прикрыта с головы до ног, более повседневно, чем костюм, но всё-таки профессионально. Для того, чтобы выглядеть классически и быть менее привлекательной для Рока, я стянула свои волосы в тугий пучок, приколов его к задней части моей шеи. Также я надела свои очки. Мне действительно были нужны очки с толстыми линзами в квадратной оправе чёрного цвета для вождения, но я решила, что они заставят меня выглядеть взрослее. И меня по-прежнему раздражало, что он подумал, будто я так молода. Не то чтобы я не сталкивалась с этой проблемой раньше, но из-за этого мне всё равно казалось, что нужно из кожи вон лезть с целью доказать, что я могу делать то, что делаю, хорошо или на высшем уровне.

Войдя в «Хрустальный Шар», я стала невероятно застенчивой. Я почувствовала себя толстой, непривлекательной и старой рядом с гладкими, сверкающими богинями, выступающими для хорошо знакомой слепополуденной толпы. Рок сидел в баре спиной к сцене, что меня удивило. Когда наши глаза встретились, он соскользнул с табурета, чтобы поздороваться. Он окинул меня взглядом, который одновременно и взбесил, и превратил мои колени в желе. Между нами повисли секунды неловкого молчания, прежде чем он повернулся к бару.

— Найди Брикса и скажи ему прийти ко мне в офис, — перекрикивал Рок пульсирующую музыку.

Когда он развернулся, сосредоточив свои опаляющие серые глаза на мне, я была вынуждена прикусить нижнюю губу, чтобы остановить дрожь. Это притяжение становилось смешным.

Он держал две бутылки с водой в одной руке и жестом другой руки пригласил меня к задней части клуба. Мучительное тепло его руки на моей талии нервировало меня, пока мы шли по узкому коридору. Мы остановились у двери без таблички или обозначения, указывающего, что было внутри. Рок достал ключ из кармана. Открыв дверь, он впустил меня первой и затем закрыл её за нами.

— Вы действительно ломаете все стереотипы образа озорной библиотекарши, миз Кендалл.

Из всех вещей, которые я ожидала, что он мог бы сказать, это никогда не приходило мне в голову.

— Прости?

Он указал на одно из кресел перед большим дубовым столом, прежде чем сам сел за него.

— Садись.

Я села, но не была от этого в восторге.

— Это, — он указал на мои волосы, затем опустил палец ниже. Я задрожала, представив эти пальцы, скользящие по моему телу таким же образом. Он, должно быть, заметил, потому что один уголок его рта изогнулся в понимающей улыбке. — Это, — сказал он снова, — горячо.

— У тебя здесь полная комната обнажённых женщин, но тебя заводят кардиганы и шерстяные брюки? — я поморщилась от слов, которые подобрала.

Его резкий смех разнёсся эхом вокруг нас в маленькой комнате.

— Да, куколка. Хотя, признаю, водолазка — это перебор.

Я поджала губы и взглянула на свою сумку на плече. Без слов достала новый блокнот и любимую ручку. Раздался стук, и Рок крикнул:

— Входите. Брикс, это Хоуп Кендалл. Она собирается помочь тебе с твоим делом об опеке.

Я могу представить, как Брикс получил своё имя. Сложённый как пресловутый грёбаный кирпичный домик из сказки, он был всего лишь на пару дюймов выше меня (прим.: речь идёт о сказке «Три поросёнка»). Коротко постриженные тёмные волосы, карамельная кожа, сверкающие карие глаза и чувственный рот, который, вероятно, сделал многих женщин счастливыми. Я скользнула взглядом вниз, проверяя татуировки на его предплечье. Детские ножки, имена, даты. Он растянул губы в искренней улыбке и протянул руку.

— Спасибо, что помогаете мне, мисс Кендалл.

— Не за что, — повернулась к Року. — Ты должен уйти, — напряжение выросло, и я поняла, что говорить с ним в таком тоне было ошибкой, но он чертовски вывел меня из себя после своего комментария об озорной библиотекарше. — Для сохранения конфиденциальности мне нужно поговорить с ним наедине, — пояснила я, попытавшись сохранить хоть каплю собственного достоинства и, возможно, спасти свою жизнь.

Он пригвоздил меня жёстким взглядом.

— Клуб выплачивает тебе гонорар.

Любое длительное замешательство исчезло, как только я встретила его испытующий взгляд.

— Не имеет значения, — я ткнула ручкой в направлении Брикса. — Он мой клиент.

Рок наклонил голову, изучая меня. Я задумалась, держал ли он в офисе пистолет, но затем решила, что это глупый вопрос. Наконец-то, он упёрся ладонями в стол и встал.

Рок взмахнул рукой в воздухе над ним и склонил голову:

— Пожалуйста, воспользуйся моим столом.

Не обращая внимания на его насмешливый тон, я пробормотала:

— Спасибо.

Я проскользнула к противоположной стороне, отчего на лице Рока появилась ухмылка. Бедняга Брикс смотрел то на меня, то на него и наконец занял своё место. Когда дверь захлопнулась, я начала консультацию с моим новым клиентом.

Рок.

Я стоял около двери — снаружи — моего офиса, стараясь не засмеяться. Святое дерьмо, я встретил соперника в лице Хоуп Кендалл.

— Эй, Большой Папочка, — прозвучал мелодичный голос от входа в коридор.

Я наклонил голову, чтобы поймать взгляд Инги на себе. Блядь. Официально мотоклуб не очень по-братски относится к стриптизёршам. По крайней мере, к местным. Слишком большой потенциал для драмы. Я был уверен, что это правило нарушалось с некоторой регулярностью. В основном, потому что я нарушал его сам.

Инга не была местным кадром. Она была ведущей танцовщицей из другого города. Второстепенная порно звезда. Она могла бы стать главной очень скоро, если бы держала свой нос чистым. Её большие голубые глаза и длинные светлые волосы придавали ей вид невинной девушки по соседству, что принесло много денег. Она не отличалась особой фантазией, поэтому выбрала образ простой школьницы, который был чрезвычайно сексуален.

Мы трахались.

Много.

Каждый раз, когда она приезжала в город, если быть точным.

Очевидно, она ожидала тех вещей, которые обычно происходили. Что она делала, когда покидала мой город, я понятия не имел. Меня это и не заботило. Мы практиковали безопасный секс, и я знал, что у порноиндустрии был самоконтроль, поэтому она часто проверялась. Перед кем она раздвигала ноги, когда покидала мой клуб, мне было всё равно. Я даже не мог сказать, видел ли хоть один из её фильмов.

Я посмотрел на дверь. Как долго продлится консультация? Что сказала Хоуп? Час? Чёрт, если бы я мог запомнить. Бриксу можно доверять. Он не будет грубо обращаться с Хоуп. Он был хорошим парнем. Заботился только о своих детях. Хоуп была с ним в безопасности.

Инга могла бы мне помочь облегчить часть напряжения, свернувшегося спиралью внутри моего тела в ту же минуту, когда Хоуп, выглядевшая как кто-то из видео про горячую учительницу, вошла через парадную дверь. Грёбаные шерстяные брюки были едва ли не хуже, чем её чопорные костюмные юбочки. Я мог думать только о том, как будет ощущаться скольжение этих штанов по её стройным ножкам, каково будет оставить её стоящей без всего, за исключением тех блестящих лодочек.

— Привет, детка, — ответил я.

Хоуп.

Брикс, которого я узнала, был каменщиком до того, как начал работать на Рока — я в точности не выяснила, чем он занимался — и казался порядочным парнем, честно заботившегося о том, что было лучше для его детей. Рассматривая его судебное решение о разводе, я отметила, что он отдал своей бывшей жене дом и довольно хорошую машину, ничего не взяв взамен. Также он согласился поддерживать платежи, значительно превышающие те, что потребовал закон штата. Тем не менее его бывшая хотела больше

денег, в то же время пытаясь сократить посещения. Признаюсь, это немного разозлило меня за него. Одна из вещей, превративших меня в паршивого адвоката, — неспособность сохранить свою объективность, как только я понимала, что мой клиент по-королевски облажался.

Деньги не беспокоили его, но расстраивало то, что он находился вдали от детей. К этому моменту в своей карьере я встречала достаточно непутёвых родителей, чтобы Брикс впечатлил меня. Я действительно хотела помочь ему.

— Вы были более чем щедры при разводе. Думаю, любой судья, рассмотрев её новые требования, поймёт, к чему она клонит. Не волнуйтесь, — посоветовала я.

Брикс откинулся на спинку стула и, казалось, почувствовал облегчение.

— Спасибо, мисс Кендалл. Я лишь хочу того, что лучше для них. Поэтому я позволил ей иметь этот дом. Для них нет причин менять школу или покидать место, где они выросли, потому что Сью и я не можем поладить. Но позволять мне видеть их только по выходным — чушь собачья.

Мне пришлось согласиться. Нет ни одного варианта, в котором судья одобрил бы её прошение, если только он не скрывал что-то от меня. Я объяснила это так мягко, как могла, чтобы не оскорбить его. Ничто не раздражало меня больше, чем клиент, утаивающий информацию, которая могла бы быть нужна мне.

— Я начал встречаться кое с кем. Но ещё не позволяю моей новой девушке находиться рядом с моими детьми. Слишком рано, понимаете? Сьюзи как-то узнала и теперь злится. Хотя она сожительствовала с каким-то голодранцем уже месяцы. Думает, я не знаю.

Хорошо. Теперь всё имело смысл. Это происходит со всеми бывшими.

— Есть ли шанс, что вы хотите претендовать на полную опеку?

— Нет, детям нужна мать, правильно?

Хоть и были некоторые судьи, которые всё ещё принимали решение в пользу матерей, используя подход «нежный возраст», это происходило всё реже и реже. Меня обучали в более просвещённый век, где решение об опеке принималось на основании интересов ребёнка. Я объяснила это, используя как можно меньше юридического жаргона.

— Я бы хотел видеться с ними чаще. Я бы даже переехал поближе к ним, если бы мы смогли, как сказать, разделить обязанности. Если бы только Сью стала более податливой, понимаете? Иногда я... На вызове, и мне приходится уходить. Она использовала это дерьмо против меня в обвинении.

Я кивнула, хотя понятия не имела, что он имел в виду под «на вызове». По бумагам, он работал в «Хрустальном Шаре», но я не могла себе представить, какие экстренные ситуации могли возникнуть у стриптизёрш, что ему требовалось быть там по звонку.

— Её мама приглядывает за ними, когда Сью на работе. У меня нет никого, чтобы помогать мне, — объяснил он.

— Понимаю. Сохраните это в своём подсознании. Я думаю, у нас хорошие шансы в этой борьбе. Может быть, если мы раздавим её в этот раз, она подумает дважды, прежде чем попытаться снова.

— Было бы потрясающе. Ненавижу, когда это висит над моей головой, — он встал и сунул руку в карман. — Сколько я должен вам за сегодняшний день?

Я взмахнула в воздухе рукой, отодвигая в то же время стул от стола и вставая:

— Рок сказал, что позаботится о моём гонораре. Эта консультация была бесплатной в любом случае, так что не беспокойтесь.

Глаза Брикса расширились, но он кивнул и предложил мне пожать ему руку. Мы вышли в коридор.

— У меня есть все ваши данные, так что я позвоню, когда составлю вашу характеристику и отправлю вам копию, — я выудила карточку из кармана и протянула ему. — Если вы не сможете исполнить судебные сроки, вам нужно сразу же сообщить об этом мне...

Я остановилась на полуслове, когда высокая хихикающая блондинка вышла из комнаты, выглядящей как чулан, Рок вышел следом, держа руку на её заднице. На ней почти ничего не было, за исключением золотистого топа от бикини, маленькой клетчатой юбки и шестидюймовых шпилек, я предположила, что блондинка работала здесь в качестве танцовщицы. Её грязные колени и ленивая ухмылка Рока не оставили сомнений в том, чем они занимались в чулане.

Взгляд Рока скользнул по мне, и его рот превратился в прямую линию:

— Инга, иди готовься к своему выходу, — он сунул обе руки в карманы и сделал шаг в сторону от потрясающей танцовщицы.

Ничуть не обидевшись, она улыбнулась:

— Конечно, босс, — блондинка сосредоточилась на Бриксе, стоящем рядом. — Эй, ты.

— Эй, Инга, когда ты приехала?

Хитрая улыбка расплылась на её полных красных губах:

— Пару минут назад.

Она дёрнула подбородком в мою сторону и склонила голову на бок.

Так как Рок был удивительно молчаливым, Брикс в конечном итоге представил меня.

— Это Хоуп Кендалл. Она собирается помочь мне с судебными делами по поводу моих детей.

Глаза Инги остановились на мне:

— Ты адвокат?

— Да.

Она кивнула:

— Я думала о том, чтобы поступить в юридическую школу, но предположила, что сделаю больше денег в качестве танцовщицы.

— Ты, вероятно, права, — ответила я. Её губы изогнулись в искренней улыбке. — Ты когда-нибудь имела дело с Внутренней налоговой службой?

— Ещё нет.

— Они надоели тебе, детка? — спросил Рок, его голос был полон беспокойства. Я старалась, чтобы меня не стошнило.

Её костлявые плечи поднялись. Я восхищалась этой девушкой, стоящей полуголой в холле, заполненном одетыми людьми, очевидно, только что занимавшейся оральным сексом с боссом и имевшей дерзость говорить о своих налогах. Я серьёзно, где можно подписаться на такого рода самоуверенность?

Я посмотрела на Брикса, который пожал плечами, а затем ушёл, оставив меня наедине с голубками.

Потрясающе.

Рок.

— Иди готовься, — сказал я во второй раз.

— Конечно.

Инга развернулась и направилась к раздевалке. Она бросила взгляд через плечо, я знал почему, но всё равно держал свою руку при себе. В любое другое время я бы шлёпнул по заднице. Перед кем-то другим мне было бы всё равно.

Чёртова Хоуп заставила меня побеспокоиться, и мне это совсем не понравилось. Также не понравилось, что я смутился, когда она заметила нас, выходящими из кладовой. Я не позволял сучкам сбивать меня с толку по какой бы то ни было причине.

— Что ж, мне нужно идти, — Хоуп повернулась и направилась обратно в мой офис.

— Думаю, ты можешь помочь Бриксу? — спросил я её, последовав за ней внутрь.

Она не стала смотреть на меня.

— Определённо, — ответила она после минутного колебания.

— Каков предварительный гонорар?

— Это займёт минимум десять часов. Мне нужно подготовить характеристику. Может быть, одна или две явки в суд. Я не предвижу чего-то гораздо большего, чем это.

— Значит, три тысячи?

Она вздохнула:

— Полутора тысяч будет достаточно.

— Три штуки. И после десяти часов работы я ожидаю, что ты пришлешь мне чек за сверхурочные.

Из неё вырвался уклончивый гудящий звук, но она до сих пор отказывалась смотреть на меня.

— Ух, мне жаль, — я неуверенно указал в сторону коридора и захотел ударить себя по яйцам. За что я, блядь, должен был извиняться? Мой клуб. Мой сотрудник. Хоуп кристально ясно дала понять, что она была недоступна. Ради всего святого, я должен быть способен вставить свой член куда угодно и без чувства вины быть очень довольным этим.

Удивлённая, она встретила мой взгляд.

— Мне всё равно, кто заглывает вашу головку, мистер Норт.

Что за странная фраза вылетела из сладкого рта моего приличного адвоката. Я подавил свой смех.

— С таким тоном, кажется, что не всё равно.

Краска залила её щёки, но Хоуп не прервала зрительный контакт.

— Мне действительно всё равно. Наши отношения исключительно деловые. Если вы так ведёте дела своего клуб, то это не моя забота, — она была обозлена, и я не мог понять почему. — Мне нужно идти домой к моему мужу, — прошипела она сквозь стиснутые зубы.

Ах. Она, возможно, только что признала это взаимное притяжение.

Так, так, так. Я закрыл за собой дверь и наблюдал, как она хватает свои вещи с моего стола и бросает их в свою сумку. Когда Хоуп перестала двигаться, я заметил её дрожащие руки.

Дрожь отрикошетила от меня, и я знал, что на неё это тоже повлияло.

— Ты в порядке, Хоуп?

Она посмотрела на меня, её рот распахнулся. Потребовалась секунда, прежде чем я понял почему. Просто я первый раз назвал её по имени.

— Я в порядке, — сказала она, опираясь на край стола. Я подошёл сзади и выдвинул верхний ящик. Схватил толстый конверт, лежащий там, и протянул ей. Она взглянула на наличные, но не думаю, что сосчитала их перед тем, как положить деньги в сумку. —

Спасибо.

Она развернулась, и, когда её пальцы обернулись вокруг ручки, я произнёс:

— Подожди, — её рука замерла, но она не обернулась. — Хоуп, — мне понравилось звучание её имени на моем языке.

Эти несколько коротких шагов заставили меня почувствовать себя хищником. Когда я настиг её, она повернулась.

— Что? — рявкнула Хоуп.

Я положил свои руки на дверь по обе стороны от её головы, прижав девушку спиной. Эти красивые ярко-зелёные глаза расширились. Её дыхание стало прерывистым, заставляя грудь подниматься и опадать, обращая моё внимание на её сильное напряжение. В отличие от сисек любой другой девушки в моём клубе, грудь Хоуп должна была быть настоящей, и я хотел увидеть её. Как только я опустил голову, её глаза закрылись. Грёбаное удовольствие от этой простой детали пронзило меня. Она всхлипнула после одного лёгкого соприкосновения моих губ с её. Я дразнил языком контур её губ, и она тут же их раскрыла. Когда я прорвался своим языком к её, цитрусовый привкус призвал меня к большему. Я прижался к ней сильнее, передвинув свои ладони с двери к обеим сторонам её лица, чтобы можно было держать её так, как мне хотелось.

Сумка Хоуп приземлилась на пол с глухим звуком, но единственными звуками, исходящими от неё, были маленькие, жадные, просящие вздохи. Её руки порхали по моим бокам, практически щекотали, прежде чем она остановила их на моих бёдрах, запустив пальцы за пояс моих джинсов.

Я выстрелил свой заряд в горло Инги около десяти минут назад, но всё ещё находил себя твёрдым как молоток и готовым вдавливать в Хоуп. Мои встречи с Ингой не включали в себя поцелуев, ни одна из них. Но поцелуй с Хоуп завёл меня больше, чем работающая ртом Инга на коленях. Я прижался членом к животу Хоуп, чтобы дать ей понять, что она делала со мной. Ошибка. Вместо того, чтобы подстрекнуть, это заставило её охладеть. Она откинула голову назад, с грохотом ударившись о дверь. Её руки взлетели на мои плечи в попытке оттолкнуть меня назад.

Тяжело дыша, Хоуп закрыла глаза.

— Я не могу это сделать.

— Уверен, что можешь, куколка. Ты сделала хорошую работу.

Этот мрачный взгляд крутышки, вспыхнувший на её лице, я нашёл очень горячим, но затем Хоуп нырнула под мою руку вправо от меня, чуть не споткнувшись на своих каблуках. Моя рука взметнулась, чтобы подхватить её, но она отпрянула от меня.

— Мне нужно идти.

Я взмахнул ладонью в сторону и попятился от двери.

— Никто тебя не останавливает, куколка.

Сильное напряжение почти струилось в воздухе, пока она переводила взгляд между мной и дверью, пытаясь решить — как мне показалось — планировал ли я остановить её. Последнее, чего мне хотелось, чтобы она ушла, но я не мог держать её против воли. Это просто не в моем стиле. Я подхватил её сумку с пола, проверив, что ничего не выпало. Вытянув руку, вручил ей портфель, и она выхватила его. Со вздохом я открыл дверь. Она осторожно выскользнула через неё, чтобы на выходе не задеть меня.

Хоуп.

Боже мой, Боже мой, Боже мой! Что я только что сделала?

Я ругала себя всю дорогу до стоянки. Я целовала другого мужчину. Почти сделала чертовски больше. Хотела сделать намного больше.

— Хоуп, подожди, — его глубокий, хриплый голос остановил меня. Я не повернулась, но и не продолжила двигаться дальше. Почему я не могла уйти так, чтобы никто не заметил?

Звук стука его ботинок об асфальт предупредил меня, что он был уже близко, но я всё ещё не поворачивалась. Наконец-то его большие руки опустились на мои плечи и повернули меня к нему лицом.

Я наклонила голову, чтобы избежать его неистовых серых глаз.

— Прошу прощения. Мне действительно нужно идти.

— Не извиняйся. Ты нравишься мне, Хоуп.

Я решила, что было самое время для того, чтобы опустить руку и найти свои яйца.

— Так же, как тебе нравится Инга? Жаль разочаровывать, но я не из тех женщин, которые встают на колени в каком-то грязном чулане, — прикоснулась пальцами к уголку своего рта. — Я такая глупая. Ты, наверное, заразил меня герпесом.

Вместо того, чтобы разозлить, мои неосторожные замечания заставили Рока смеяться вслух. Его насмешка после того, как я выставила себя душой, была последней каплей.

— Рада, что ты считаешь это забавным. Но я не могу. Я замужем.

— Я не возражаю.

Мои руки сжались в кулаки:

— Я возражаю! Я не изменяю.

— Хорошо, куколка, как скажешь, — внезапно он отпустил мои плечи. Я тотчас пожалела о потере его прикосновений, которые злили меня ещё больше.

— Прекрати называть меня так, — рявкнула я.

Рок.

Мои челюсти сомкнулись, так как я сдерживал смех, понимая, что от этого она ещё больше разозлится на меня. Я даже не понимал, что начал идти за ней, пока блики послеполуденного солнца не ударили в меня. К тому моменту мне нужно было схватить её и сделать всё правильно, прежде чем она бы ушла. И никогда не вернулась бы. Потому что мысль о том, что я не увижу её снова, заставила меня похолодеть.

— Хорошо, Хоуп. Я уважаю тебя. Прости, что увлёкся. Больше не повторится.

Так. Я сумел выдать свою самую благоразумную интонацию и не подавиться словами, потому что мне даже немного не было жаль. Её плечи расслабились, а выражение лица смягчилось, когда она всё-таки встретила мой взгляд.

— Спасибо. Это не твоя вина. Рядом с тобой я чувствую...

Абсурдно громкий гул мотоцикла на главной дороге заглушил её мягкий голос. Так как байки были моим делом, я, естественно, вскинул голову, чтобы увидеть, кто был настолько глуп, разъезжая с таким рёвом рядом с моим клубом.

Блядь.

Я узнал фирменный логотип, выгравированный на широком руле мотоцикла. Толкнув Хоуп себе за спину, я осторожно осмотрел незнакомый «Вайпер». Нижняя часть мотоцикла указывала на то, что он неместный. Нехорошо. Где был один, там должны были быть и остальные, приехавшие вместе с ним. Мудаку хватило наглости проявить неестественный интерес к Хоуп, и мне, блядь, не нравился ни один брошенный им взгляд.

— В чём дело? — её робкий голос раздался позади меня.

Гордость захлестнула меня, когда я понял, что она переместилась и осталась стоять без моего прикрытия, даже не спрашивая. Она доверяла мне. Её руки коснулись моих лопаток, и я клянусь, что, даже сквозь тонкую ткань моей футболки и толстую кожу, её тепло пульсировало на моём теле.

Когда «Вайпер» наконец скрылся из виду, я положил свою руку на её талию и притянул к себе.

— Ничего. Никогда не узнаем, — она нахмурила лоб, но мудро решила сохранить своё мнение при себе. — Сейчас. Что ты говорила?

Чувство вины мелькнуло в её глазах. Взгляд метнулся куда-то через моё плечо, прежде чем она ответила:

— Не помню.

Я принял её слова за чистую монету. Сегодня я уже достаточно запутался с её мыслями. Если бы не это проклятое кольцо на пальце, я бы чертовски быстро увёз её на байке к себе домой. Но, верите или нет, я не надеялся на измену. И, честно говоря, она понравилась мне слишком сильно, чтобы не уважать её. Помимо всего прочего, я знал, что не вынес бы, если она в конечном итоге возненавидела бы меня.

— Я должен назначить встречу, чтобы прийти в твой офис и поговорить о некоторых рабочих моментах.

— Мой офис в моём доме. Но обычно я назначаю встречи в деловом центре города в офисе моего друга.

Ебать. Мысль о том, чтобы прийти к ней домой, узнать, чем она любит окружать себя, и вторгнуться в её личное пространство, возбудила меня намного больше, чем хотелось признавать.

— Ну, тогда офис твоего друга.

— Хорошо. У тебя есть мой номер. Позвони мне, и мы назначим время.

Любопытство, смешанное с сильным желанием того, чтобы она не уходила, заставило меня спросить:

— Почему у тебя нет постоянного офиса?

Её щёки покраснели, и она устремила взгляд на землю.

— Я пока что не могу позволить себе накладные расходы. Мой приятель достаточно славный, так что он разрешил мне использовать его площадь, ещё я прибегаю к комнате в суде или сама посещаю клиентов, например, как сегодня.

Я обдумал её слова и кивнул. Это на самом деле звучало как довольно остроумный план.

Мы были прерваны одной из девушек, которая летела на всех парах к стоянке и почти настигла нас. Я оттолкнул Хоуп с дороги и после уставился на белый седан Инфинити. Как только Лекси припарковалась, она выскочила с извинениями.

— Дерьмо. Прости, Рок, — она указала на небо. — Яркий свет. Я сначала не увидела вас.

Я покачал головой:

— Тебе нужно притормозить, малышка.

Она покраснела:

— Прости, я опоздала.

Я подавил смех. Лекси всегда опаздывала.

— Тащи свою задницу туда, — сказал я без какой-либо попытки кольнуть словами. Она

была хорошим работником, только время показывало, с кем я мог иметь дело.

— Я должна идти, — мягкий голос Хоуп отвлек меня от наблюдения за Лекси, бегущей через стоянку.

Ключи Хоуп зазвенели в её руке, когда она открыла дверь своей машины. Старая развалюха, которую она водила, удивила меня.

— Я ожидал, что адвокат водит что-нибудь помощнее, — не подумав, ляпнул я и сразу же почувствовал себя мудаком, увидев, как она вздрогнула.

Хоуп решила ничего не отвечать, лишь скользнула в машину, захлопнув за собой дверь. Я постучал в окно, но она проигнорировала это, завела машину и уехала, оставив меня, провожающего её взглядом.

Глава 4.

Рок.

Хоть на визитке Хоуп и был указан лишь адрес почтового ящика, по номеру её авто я смог вычислить, где она жила. Прежде чем я понял, что, чёрт возьми, делаю, мой байк уже мчался по пригороду к — как было мной подмечено — тупиковой улице.

Дерьмо.

Маловероятно, что здесь когда-либо отирались мотоциклы. Я в серьёзной жопе, если она меня заметит. Что мне, блядь, вообще говорить? Решил заехать за юридической консультацией? О, и, кстати, я хакнул базу данных Департамента транспортной полиции и узнал твой адрес.

Да, абсолютно в порядке вещей.

К счастью, я нашёл её дом в конце тихой улочки. Как это ни странно, но она граничила с государственной землёй, так что в конце бетонного покрытия притаилась маленькая грязная парковка. Я лениво развернулся, стараясь не пялиться на усаженную деревьями подъездную дорожку, чтобы мельком увидеть её. Я уловил кусочек её машины, но это всё. Остановил байк и опустил ногу на землю. Может, она выйдет забрать что-нибудь из машины? Я встряхнул головой.

Эта женщина превратила меня в сумасшедшего сталкера.

Часть меня понимала, что я был слегка одержим, но даже не мог задуматься о простейшем «мне насрать». Хотя будет очень неловко, если она поймает меня. Ещё хуже, если один из её соседей вызовет копов, потому что какой-то подозрительный чувак на байке отирается у очаровательного дома мистера Кендалла.

Здравый смысл наконец-то восторжествовал, и я направился назад в «Хрустальный Шар». Поездка заняла примерно полчаса, но никак не повлияла на то, чтобы прояснить мои мысли. Я не мог забыть мягкие губы Хоуп на своих. Вкус её рта. Аромат свежего, чистого запаха до сих пор не отпустил меня. Воспоминание того, как сладко и естественно она благоухала, когда находилась так близко ко мне. Ничего похожего на тяжёлые цветочные или отборные ароматы, которые я привык чувствовать на окунувшихся в них девушках в клубе.

Мне нужно было взять себя в руки. Ради бога, блядь, я же байкер. Мне не подобает увлекаться парфюмом, словно я какой-то педик.

Конечно, моё маленькое путешествие не прошло незамеченным. Декс выбежал на парковку в ту же минуту, как я заглушил байк.

— Босс, где ты был? У нас проблема.

Выскользнув из шлема, я нацепил маску серьёзного начальника. А когда здесь не было проблем? Неужели нельзя спокойно преследовать кое-кого несколько минут?

— Что на этот раз?

— Там парень Лекси, — он указал большим пальцем на входную дверь. — Она бесится и не хочет выходить на сцену.

— Господи, я думал она порвала с этим придурком?

Декс пожал плечами, а потом увязался за мной, пока я маршировал внутрь клуба. Грёбанный ад. Я ненавижу эти сраные драмы.

— Почему ты или Блу не вышвырнули его задницу отсюда?

Декс снова пожал плечами:

— Он ничего не сделал. Заплатил за вход, купил выпивку.

— Мне насрать. Блу не стоило пускать его даже на порог, — от грёбанных вышибал не было никакого толку, раз они слишком много внимания уделяли голым цыпочкам на сцене вместо того, чтобы наблюдать за теми, кто заходил внутрь.

Декс указал на парня. Сидя в углу и попивая безалкогольное пиво, он не создавал никаких проблем. Пока.

Уйдя за сцену, я постучал в дверь раздевалки:

— Лекс, выходи, малышка.

Я опёрся спиной на противоположную стену и ждал, пока он высунет свою головку. Ну, по крайней мере, её лицо было нормального оттенка и не залито слезами, как это было в последний раз.

— Он ушёл?

— Нет. Малышка, он ничего не делает. Я не могу вышвырнуть его без причины.

Её блестящие красные губки надулись. Оценив её полосатую мини-юбку, шейный платок и едва заметную белую блузку, в которую как-то умудрились втиснуться её полные сиськи, я понял, что сегодня она планировала сорвать куш достойный Трампа. Плюс был в том, что это всегда притягивало кучу налички от корпоративных бездельников, заезжающих сюда по дороге домой.

— Давай. Блу, Декс и я выставим его задницу отсюда, если он дыхнет не в ту сторону.

— Пообещай, что останешься?

Блядь. Я действительно хотел поехать домой.

— Окей. Послونهاюсь поблизости, — она всё ещё колебалась. — Тебе ведь не нужно идти к его столу или танцевать на его коленях, сладкая.

— Ладно.

— Хорошая девочка. Давай к сцене. Рейган почти закончила.

Спасибо, блядь, она не побеспокоила меня возвращением в раздевалку. Вместо этого Лекси нацепила игривую мордашку и зашагала по коридору. Подтянутая, идеально круглая попка выглядывала из-под её крошечной юбки с каждым шагом. Ещё будучи под влиянием поцелуя Хоуп, я подумывал о том, чтобы предложить Лекси отвезти её домой после выступления. Инга всё ещё шаталась где-то здесь, но шанс, что я дважды за один день вставлю свой член в неё, был равен нулю. Она может неправильно это понять.

Песня Лекси полилась из динамиков, поэтому я направился к сцене понаблюдать за её бывшим. Джинджер танцевала у него на коленях, так что либо ему было насрать на Лекси, либо он хотел заставить её ревновать.

Я сменил свою маску серьёзного босса на маску свирепого байкера, что заставило меня чувствовать себя дома ещё больше. Один сильный щипок за задницу Джинджер, и мы с Блу помогли этому придурку выйти отсюда.

По дороге назад я прижал Блу к стене и ткнул пальцем в его грудь:

— Последний раз, Блу! Тебе, блядь, лучше уделить внимание тому, кто входит в эту дверь.

— Понял, босс.

Разобравшись с этой хернёй, я потащил свою жалкую задницу домой. Секс с Лекси превратился бы в осложнение, в котором сегодня ночью я не нуждался.

По какой-то причине мой пустой дом тревожил меня. Мне стоило бы поехать в клубный дом. Там не бывает тишины, и всегда есть возможность заполучить нуждающуюся легкодоступную киску.

Я всё ещё не мог выбросить Хоуп из головы. Была ли она дома? Думала ли о нашем поцелуе? Блядь, рассказала ли она мужу об этом пламенном сексе моего языка с её ртом? Спорили ли они об этом прямо сейчас? Или я просто зажёл её и отправил домой трахаться с другим мужчиной?

Эта последняя мысль отправила меня прямиком в ад. Мне было интересно, как выглядел её муж. Возможно, он занудный хрен, который не посмел бы наведаться в стрипклуб и который в жизни не сидел на байке. Хоуп, вероятно, думала, будто я небольшая перчинка в её скучной пригородной жизни. Злобно улыбнувшись, я задался вопросом, будет ли она в следующий раз, трахаясь с мужем, закрывать глаза и представлять моё лицо.

В конце концов мне удалось немного поспать. Красивые глаза Хоуп и её сексуальный ротик терзали меня даже во сне.

Следующие несколько месяцев я совершал множество поездок к её тупиковой улице. Каким-то чудом она ни разу не увидела меня, хотя некая часть моего существа всегда хотела этого. Я играл с огнём, но, когда и кто из нас обожжётся, оставалось лишь вопросом времени.

Хоуп.

Я так и не рассказала Клэю об инциденте в «Хрустальном Шаре». Так я называла это в своей голове. Инцидент. Это не случится вновь, так что не было смысла ворошить прошлое. Прежде я никогда не врала мужу. Чувство вины проедало мне желудок, но я по-прежнему молчала. Знала, что, если открою эту банку с червями, появятся вопросы, на которые у меня не было ответов.

Всё это томилось в моей голове и означало, что я не могла забыть чувство, когда Рок прижал меня собой. Его рот на моём. Он был твёрдым в то время, как я таяла на глазах. Мне пришлось задрать голову, чтобы поцеловать его, а с Клэем мы были почти одного роста.

Я ненавидела себя за эти мысли и сравнения. Клэй был хорошим человеком, и он любил меня. У нас был крепкий брак. В чём заключалась моя проблема? В скуке? В кризисе среднего возраста? Хотя для него было ещё рано. В недовольстве тем, какой стала моя жизнь? Может быть.

Хотела ли я завести интрижку с Роком? Абсолютно нет. Такой мужчина, как он, принёс бы лишь разбитое сердце и, возможно, венерические заболевания. Он мне даже не нравился.

Если я продолжу говорить себе это, может, и поверю.

С тех пор, как я поклялась не ступать на порог «Хрустального Шара», Брикс и я

встречались исключительно в офисе моего друга. Каждый раз он приносил наличку в конверте, которая, как я предполагала, была передана Роком. В конце концов мы выработали соглашение с его бывшей женой, которое позволило ему принимать определённое участие в воспитании их детей. Он рассыпался в благодарностях, а я чувствовала, что сделала что-то хорошее.

Самым странным было то, что я слышала рёв незнакомого мотоцикла — рьяный и громкий — на своей улице. Его грохот напоминал мне о Роке, хоть я никогда и не видела его байк. За свою жизнь я даже особо не задумывалась о мотоциклах, но сейчас слышала и видела их практически везде. Могу поспорить, он водил что-то огромное, тёмное и пугающее. Располагаясь подальше от нашей маленькой улочки под покровом деревьев и кустарников, я практически не видела нашу дорогу. Иногда я представляла, что он появится перед моим домом и прикажет мне залезть на сиденье его Харлея.

Шли месяцы, но от Рока не было ни слова. Я же до сих пор не могла выбросить из головы ни его лицо, ни прикосновения к моей коже.

А потом он позвонил.

— Тебя опять упекли за марихуану? Рок, серьёзно?

Он пожал плечами в ответ на мой поучительный тон, пока я пыталась представить его с коробкой чего-то вкусенького. Единственные наркоманы, с которыми я имела дело, присутствовали в моей жизни ещё в школьные годы, но они были белыми и пушистыми. Не таким жёсткими, как Рок. Он казался настолько помешанным на контроле и дисциплине, что мне даже сложно было представить его с остекленевшими глазами и по локоть в Доритос (прим.: марка кукурузных чипсов).

— Сколько нужно?

Он взмахнул рукой в воздухе, будто это был пустяк.

— Это лишь вопрос времени, что здесь незаконна травка.

— Ну, сейчас незаконно. Хочешь поймать кайф — езжай в Колорадо.

В этот раз из-за количества травки, с которой его поймали, обвинение было немного серьёзней, чем в прошлый. Складывалось впечатление, что было нечто большее, скрываемое им, поэтому это выводило меня из себя. Не было ничего хуже, чем лгущий тебе клиент, который из-за этого ставит тебя в тупик в суде. В моей карьере такое случалось уже дважды. Думаю, если бы я разделась и прошлась по залу суда голышом, это было бы менее унижительно. Или, может быть, я себя накручивала. Кто знал?

Со дня, когда я встретила Рока во время спонтанного предъявления обвинений, мне удалось поработать ещё несколько часов в суде по уголовным делам. В основном это были обвинения несовершеннолетних в распространении наркотиков. Казалось, мне удавалось разбираться с этим, и мой приятель Адам даже дал мне прозвище «адвокат по травке», что смущало и пугало, когда он представлял меня таким образом другим коллегам. Старший адвокат вроде бы взял меня под своё крыло и уверил в том, что я могла бы вести криминальные дела посложнее. Это вышибало воздух из моих лёгких, потому что защита людей в уголовном суде означала, что на кону стояла их свобода. Это пугало меня потому, что любая оплошность или неправильный шаг с моей стороны могли отправить невинного человека за решётку. Мой наставник говорил мне, что, как только я потеряю этот страх, пора отправляться на пенсию.

Мы встретились с Роком в офисе Адама. Я так часто его использовала, что он отдал мне пустую комнату размером с кладовую. Я даже начала платить ему арендную плату за совместное пользование.

Наша встреча проходила в конференц-зале, потому что, когда в мой офис поставили шкафчик, стул и стол, места для приёма клиента не осталось.

Недовольная его «полной историей», я заговорила с ним как юрист с клиентом, типа «ничто из сказанного им не покинет эту комнату, так что, будь добр, выкладывай всю грёбаную правду». Он одарил меня озорной улыбкой.

— Ты мне не доверяешь?

— Я смогу выполнить свою работу лучше, если буду знать все факты.

Он легкомысленно пожал плечами, пока я боролась с желанием схватить мой красный степлер Swingline и проткнуть им Рока. С раздражением выпустив воздух из лёгких, мне удалось сохранить свой профессионализм. Лишь едва.

— Ладно, позволь мне сделать несколько звонков и узнать, насколько серьёзное они могут выдвинуть обвинение. Окружной прокурор выставляет себя крутым в новостях, но в суде он вряд ли сможет отстоять обвинение о незначительном эпизоде распространения наркотиков.

Рок оживился, услышав знакомую тему.

— Это пустая трата времени. У них что, нет настоящих преступников, которых нужно засадить?

— Да, думаю, это и есть его рассуждения. Но у тебя тоже есть криминальная история, поэтому он и зашевелился.

— Делай что сможешь. Я тебе доверяю.

«Конечно, доверяешь», — подумала я, всё ещё убеждённая в том, что он что-то скрывает. О, и давайте не будем забывать тот факт, что я сама хотела бы себе доверять, находясь рядом с ним. Моё тело вспомнило каждую секунду поцелуя с Роком. Сердце продолжало грохотать в груди так громко, что — я боялась — он мог услышать, сидя по другую сторону стола. И я категорически отказывалась признать, насколько влажными были мои трусики. Мои щёки горели, так что я знала, что была ярко-красной.

Он приподнял голову и пронзил меня одним из своих испепеляющих взглядов:

— С тобой всё в порядке?

— В порядке, — ответила я, заправляя прядь за ухо.

— У тебя руки трясутся, — это было правда. Тактичный человек проигнорировал бы это. Но он знал причину. Просто хотел поставить меня в неловкое положение. — Ты покраснела, — продолжил он.

— Я в порядке, — произнесла я так, что это больше походило на «заткнись».

Мой телефон завибрировал, и я мысленно вскинула руки в воздух от облегчения. Пялясь на экран, я поняла, что мне пора идти, если хочу успеть в суд вовремя.

Я встала и собрала его бумаги:

— Мне нужно в суд к обеду.

Он отодвинул стул и медленно встал на ноги. Я прекрасно знала, как он смотрел на меня, когда я сунула файл с его делом под мышку и вышла из конференц-зала. Несколько быстрых шагов по коридору, и я бросила стопку бумаг на верхнюю часть моего шкафчика. Выудила портфель из-за стола и проверила, всё ли необходимое было на месте. Страхивая с себя невидимые пылинки, я натолкнулась на стену мышц.

Его тёплые тяжёлые руки легли на мои плечи, чтобы остановить меня. Это было наше первое прикосновение за день. Мне хотелось упасть в обморок. Разве женщины всё ещё теряли сознание в наше время? Какая разница... Я бы хотела.

— Мне нужно ехать, — прошептала я. Чёрт возьми, почему мой голос пропадал каждый раз, когда он прикасался ко мне?

Я избегала его взгляда в течение всей встречи. Грубо, да. Но я не могла рисковать утонуть в этой опасной глубине. Я совершила ошибку, подняв глаза. Наши взгляды встретились и утонули друг в друге. Изучая радужки его глаз, я заметила крапинки голубого в море серой стали. Не думая, я приоткрыла рот. Вместо того, чтобы поцеловать меня, Рок просто смотрел мне в глаза:

— У тебя самые изумительные глаза, Хоуп.

Проклятье! Откуда он узнал, что я думала то же самое о нём? Это нервировало меня так сильно, что я начала извиваться в его хватке. Он вздохнул и опустил руки.

Рок.

То, что я положил руки на плечи Хоуп, абсолютно не успокоило ураган, бушевавший во мне на протяжении всего дня. В секунду, когда она дёрнулась под моими ладонями, я вздохнул, признавая поражение. Я хотел уважать её семейный статус. Действительно хотел. Или, по крайней мере, *хотел* так делать.

— Как твой муж?

Это было не совсем то, что стоило говорить. Она пронзила меня ледяным взглядом:

— Мы в порядке.

— Просто проверяю, куколка. Я бы никогда не простил себе, если бы твой статус изменился, а я бы не знал об этом.

Её челюсти сжались, а потом расслабились, чтобы Хоуп смогла ответить:

— Мой статус не собирается меняться, — я изогнул бровь. Её муж был придурком, помешанным на контроле? Будучи очень проницательной, она поймала изменение в моём поведении. — Боже, да успокойся. Мы не собираемся разводиться. Я не верю в развод.

— Ты верующая?

— Нет. Просто высоконравственный, благородный человек.

Хммм. Интересная деталь.

— Даже в случае насилия или интрижек?

— Нет, конечно, нет. Но Клэй никогда не поднимет на меня руку, и он не изменщик. Так же, как и я, — она закончила свою фразу с колким взглядом.

Я понимал это. Правда, понимал. Ему повезло. Такие женщины с глубокой привязанностью и преданностью, как она, были редкостью в моей жизни. Тяжело было осознать тот факт, что я хотел такую для себя.

Я утешал себя тем, что, по крайней мере, её муж хорошо к ней относился. Она заслуживала только лучшего, и — насколько ненавистно мне было признавать это — я не был для неё таковым. Хотя она и заводила меня так, как ни одна девушка до неё, мы жили в разных мирах. Держу пари, она привыкла элегантно одеваться и ходить на различные юридические встречи, на которых могла бы поболтать и выпить белого вина. Я лучше сдохну, чем надену костюм. Помимо моего массивного стояка, появлявшегося, стоило мне приблизиться к ней на три фута, нас больше ничего не связывало. Настало время вбить это в мой толстый череп.

Я похлопал её по спине и развернулся на пятках, чтобы уйти, желая сделать гораздо больше.

После нашего разговора вы, видимо, подумали, что я отвалил, но мои маленькие путешествия в пригород лишь участились. Я не мог ничего с этим поделать. Когда начал думать, что байк привлекает много внимания, я пересел на свой внедорожник. Большой, чёрный, с тонированными окнами — клише плохого парня, но машина очень облегчила мой шпионаж. Вот как далеко завела меня эта женщина.

Конечно, все эти экскурсии не остались незамеченными в клубе. Даже если я и носил нашивку Президента, у меня всё ещё были обязанности. Из-за нашивки у меня их было море. Я не позволял себе отлынивать от их исполнения и с лёгкостью следовал своим принципам. Из-за того, как мы вели бизнес, большинство наших сделок проходило ночью. Когда я заметил, что появляюсь на Эвергрин Лэйн всё больше и больше ночей подряд, это стало проблемой.

Я превратился в тряпку.

Этому не было оправдания.

Не секрет, что на нашей территории банды не стеснялись проявлять свою активность. Верите или нет, моя команда сыграла немалую роль, чтобы удержать худших из них подальше от города и прилегающих окраин. Не скажу, что мы держались в рамках закона, но обстрелы, проституция, тяжёлые наркотики — всё это мы истребляли. Это не означало, что два соседних города не объединялись с другими, чтобы изменить ситуацию. Не то чтобы люди из Эмпайра не проехали бы пять миль через мост в Айронворкс за героином или метамфетамином. Интересно, но обратная сторона медали тоже блестящая. Дилеры из Айронворкса не заезжали на нашу территорию, чтобы *продать* тяжёлые наркотики. Никто в радиусе ста миль не смел продавать травку, которая поставлялась не нашим клубом. Иногда конкуренты пробовали нарушать эти правила, но ещё ни разу это не закончилось для них хорошо.

У нас было соглашение. На востоке от нас — в Айронворксе — правили члены МК «Вайперы» (прим.: с англ. «viper» означает «гадюка»). По какой-то причине Айронворкс стал привлекательным для испаноязычных иммигрантов, так что парни из «Вайперов» отличались загорелыми телами, но не думаю, что данная особенность была из списка требований клуба. Отношения с ними были напряжёнными. В основном они имели дело с проституцией. Я не хотел быть частью этого. Если бы хоть одну из девочек в моём стрипклубе поймали на продажном сексе, её задницу тут же вышвырнули бы. Мне не нужны разборки с вице-президентом, вынюхивающим всё вокруг.

«Вайперы» знали это, но всё равно всколыхнули дерьмо, пытаясь подослать девочек в мой клуб для случайного секса. Большинство из них сидели на какой-то херне, державшей их податливыми, и мне это казалось отвратительным.

Мой клуб был чист. Мои девочки танцевали потому, что хотели. Они получали чистую зарплату от прибыли, которую зарабатывал клуб. Я сомневался, что «Вайперы» относились к своим девочкам с таким же уважением. «Хрустальный Шар» был одним из двух законных бизнесов, которые вели «Потерянные Короли», так что я абсолютно не хотел ебать себе мозги всякой хернёй. Мои девочки были чисты от наркоты и ЗППП (прим.: заболевания, передающиеся половым путём), иначе они бы вылетели из клуба. Посетители приходили в мой клуб и платили немалые деньги не для того, чтобы поглазеть на высококлассных танцовщиц, под кайфом обласкивающих шест.

Это было важно по многим причинам. Во-первых, у «Хрустального Шара» была хорошая репутация в танцевальном бизнесе, и позвольте мне сказать вам: эти сучки были упругими. Клуб, использующий сомнительные методы, не получил бы лучших из лучших. Чем больше танцовщиц и порно звёзд я мог привлечь в свой клуб, тем было лучше для бизнеса. Неважно, насколько горячими были девочки, парням надоедало видеть одно и то же снова и снова. Ну, большинству из них. У нас явно были свои постоянные посетители, приходившие к одной или другой девочке, и этот выбор всегда держал их в ожидании отгадки. И оставлял каждого улыбающимся всю дорогу к банкомату.

На запад от нас — МК «Волчьи Рыцари». Они правили в Слейтер-Сити. Исторически сложилось так, что их бизнес держался на поставке и транспортировке оружия — опасный бизнес в опасные времена. Иногда вознаграждение за голову человека стоит того. Что касается меня, то я слишком люблю свою свободу, чтобы впутываться в такое дерьмо.

На протяжении многих лет у нас с «Волчьими Рыцарями» были хорошие рабочие отношения, и мы обращались к ним в тяжёлые времена. Однажды они пытались толкать наркоту. После нескольких неудачных попыток они поняли мудрость того, чтобы держаться подальше от дерьма. В отличие от «Вайперов». В то время, как я ещё не стал участником всех их внутренних сделок по очевидным причинам, стало широко известно, что в их руководстве грядут перемены.

Новые лидеры вытолкнули «Вайперов» за пределы города. Эти ублюдки отказывались соблюдать границы, установленные много лет назад. Они считали, что мой клуб был слишком маленьким, чтобы угрожать им в борьбе за территорию, на которой они собирались распространять метамфетамин, кокаин и проституцию. На тот момент моё непосредственное отделение было маленьким, но мы не были брошены на произвол судьбы. У нас были материнское отделение и братья по соседству. Всё, что мне нужно было сделать, взять телефон в руки, и здесь бы появилось достаточно братьев, чтобы разобраться с любым дерьмом «Вайперов». «Волчьи Рыцари» и мой клуб сформировали крепкий альянс, когда встретились с чистой и жестокой жадной кровью новых «Вайперов». Слухи о соперничестве старух банд, даже о похищении и изнасиловании сладких попок в качестве «послания», ходили несколько недель. Если учитывать число девушек, работавших в «Хрустальном Шаре» и за его пределами, это заставило меня нервничать, и я действительно позвонил в материнское отделение, чтобы попросить помощи в защите стрипклуба. Немалая часть девушек даже не знала, что клуб, в котором они танцевали, принадлежал МК, так что удержать их подальше от дел было моим приоритетом номер один. Мне никогда не приходило в голову, что «Вайперы» могут взяться за любую девушку, связанную с нами.

Мой просчёт стал очевиден во время одного из моих путешествий на Эвергрин Лейн. Пока я сидел и паялся на дом Хоуп, два загорелых лысых «Вайпера» с развивающимися флагами на байках проехали по тихой улочке.

Ублюдки.

Моё сердце грохотало в груди от вида их медленной поездки мимо дома Хоуп. Рука автоматически потянулась к пистолету, который притаился у меня за поясом. Я сильно сомневался, что они оказались здесь для того, чтобы просто полюбоваться видами пригорода на границе с другим штатом. Нет, необычное внимание, которое они уделили этой улочке, не оставляло никаких сомнений в причинах их пребывания здесь. Они либо последовали за мной, либо знали, что она работала адвокатом некоторых ребят из нашего клуба. Какая разница. Это было плохо. Я по-крупному облажался.

«Вайперы» уехали, но сама мысль о том, что колёса их байков коснулись асфальта улицы, на которой жила Хоуп, нахер выбивала почву из-под ног. Мне нужно было немедленно разобраться с этим. Во-первых, мне стоит держаться подальше отсюда. Это — моя вина. Одержимость этой женщиной, которую я даже не мог иметь, могла привести к тому, что ей причинят вред или убьют. Необходимо было заканчивать.

Мне нужно было выяснить, как вывести её из моей системы. Было бы в разы лучше, если бы она ненавидела меня. Хотела она признавать это или нет, но я знал, что часть Хоуп чувствовала химию между нами. Осознание этого затрудняло попытки оставить её в покое.

Но моё бездействие могло привести к потере девушки, которая была мне небезразлична. Я не допущу этого снова. Тем более, что теперь у меня была возможность всё предотвратить.

По дороге домой я прорабатывал план в своей голове. Я бы не летел со скоростью ветра, если бы думал о чём-нибудь другом. Размышления о Хоуп занимали изрядную часть моих мыслей чуть ли не каждый день. Ради безопасности нас обоих мне нужно было всё бросить. Воплотить в жизнь собственную программу по излечению своего мозга от Хоуп Кендалл. А уже после я смогу дальше жить своей жизнью, а она — своей. Во-первых, мне понадобятся некоторые правила.

Правило номер один: я больше не могу её видеть. Наши встречи пробуждали во мне желание проводить с ней больше времени и приводили к тому, что мне хотелось поцеловать её, а это вело к желанию трахнуть её. Номер два: мне нужно было прекратить фантазировать о ней. Фантазии приводили к желанию увидеть её, а встречи с ней... Ну, смотрите правило номер один. Это означало, что больше никаких представлений о том, как я распускаю её волосы, наматываю их на свой кулак и набрасываюсь на её рот. Больше никаких представлений себя в ней по самые яйца, пока она лежит, стена и корчась подо мной. Из-за этого же больше никаких фантазий о её голом теле, идеальных сосках между моих губ, пока я дрожу в душе.

И что самое важное: больше никаких фантазий о том, что я встречаюсь с её мужем посреди тёмной аллеи и выпускаю две пули в его голову.

Как только я смог взять себя под контроль, принялся за воплощение второй части своего плана. Того, что гарантирует её ненависть к моей особе и приведёт к тому, что я больше никогда её не увижу. Того, который решит все мои проблемы. За исключением той, где я был почти уверен, что влюбился в девушку, которую мне предстоит разрушить.

Глава 5.

Хоуп.

Встреча с Роком в суде приближалась молниеносно. Мне удалось договориться о выгодной сделке с заместителем окружного прокурора. Я выпустилась из университета на три или четыре года до неё, что делало из меня невероятную старуху. Рок наплевал на эту сделку за день до суда, когда мы встречались, чтобы обсудить её. Он не согласился на год испытательного срока, что было по-божески с учётом изначального решения суда упечь его за решётку.

Я собрала почти максимум своей самоуверенности, когда мы вошли в зал суда. Группа жутких друзей Рока сопровождала его в знак солидарности. Не думаю, что их нахождение в зале суда в их кожаных жилетах с различными нашивками поможет делу, но, пока они не создавали проблем, я собиралась прикусить язык по поводу их присутствия и

сосредоточиться на деле.

Постучав в дверь комнаты переговоров для адвокатов и услышав, что мне позволено войти, я застыла в шоке. Терезы, помощника окружного прокурора, с которой мы заключили сделку, здесь не было. Сам окружной прокурор *лично* пожаловал на заседание. Это было ненормально из-за целого ряда причин, и ни одну из них нельзя назвать хорошей для моего клиента. По моему позвоночнику расползался страх. Я вытянула документ о прощении из своей папки и принялась его изучать. Доказательство того, что у нас была заключена сделка. Окружной прокурор может аннулировать её лишь в редких случаях.

— Присаживайтесь, мисс Кендалл.

Да, это явно не к добру.

— Рада видеть вас, мистер Кейн. Я ожидала встречи с мисс Делани. Мы заключили сделку ранее на этой неделе.

Он зашуршал какими-то бумагами. *Огромной* кипой бумаг. Определённо не к добру.

— Да, я вижу, что ей удалось заключить сделку, но моего одобрения она не получала, — он закрыл папку с документами и уставился на меня ледяным взглядом. — Вы понимаете, чьи интересы представляете, Хоуп?

— Роклана Норта, — может, он перепутал моего подзащитного с клиентом из другого дела? Не то чтобы мне могло так чертовски повезти, но у любой девочки есть мечты.

— Мистер Норт — президент шайки «Потерянные Короли». Вы это понимаете?

— Клуба. У них клуб, а не шайка.

Его губы сложились в тонкую полоску, и он выровнялся в своём кресле.

— Его *клуб* подозревается в ряде преступлений. Проституция, транспортировка марихуаны, вымогательство, нападение. Уверены, что хотите с головой уйти в это дело, Хоуп?

Сказать, что в этот момент мои мозги превратились в лужицу из желе, значит не сказать ничего. В ушах появилось слабое жужжание, когда он начал перечислять преступления, которые инкриминировались клубу. Если то, что он говорил, было правдой, я действительно прыгнула в омут с головой. Мне нужно было прибегнуть к помощи своего наставника и, возможно, заключить сделку с другим прокурором. Но я остановила себя на полпути к сумасшествию. Это был известный трюк. Он хотел заставить меня согласиться на предложение подерьмовей, и я вот-вот попала бы на его крючок.

Я выпрямилась и просто посмотрела ему в глаза, отказываясь принимать эти пустые угрозы в свой адрес:

— Тони, ты чертовски хорошо знаешь, что он обвиняется в хранении менее чем восьми унций (прим.: 0,23 кг). Если бы у тебя была хоть тень улики, которая смогла бы привязать его к любому другому дерьму, ты бы уже совал мне в руки акт о возбуждении уголовного дела, болтая об этом на весь округ или звоня в офис генерального прокурора. Поскольку ничего из вышеперечисленного ты не делаешь, почему бы тебе сразу не озвучить своё предложение, чтобы мы могли покончить с этим дерьмом и не тратить драгоценное время друг друга.

Во время моей речи он был необычайно неподвижен, и лишь ритмичное постукивание его пальцев по столу давало мне понять, что мои слова оказали нужный эффект. Сомкнув руки перед собой, он наклонился вперёд.

— Хорошо. Вот что я собираюсь предложить. Пять лет испытательного срока.

Святые небеса, Рок был готов перегрызть мне глотку даже за один год.

— Не знаю, смогу ли обговорить это сегодня, Тони. Мне нужно время, чтобы обсудить это с моим клиентом. Он не очень-то радовался и одному году.

Он фыркнул:

— Да уж, могу поспорить. Предложение действует лишь до конца недели, Хоуп. Видишь ли, у меня есть офицер, которому не терпится дать показания. Он также может сказать, что в ту ночь количество травки у твоего клиента *превышало* восемь унций. Я лично выступлю в качестве обвинителя.

Чёрт, чёрт, чёрт!

Обвинение за хранение наркотиков свыше восьми унций перерастало из малозначительного правонарушения в уголовное преступление. Я придержала язык за зубами. Спор с ним в данный момент не даст ничего хорошего. Если дело дойдёт до суда, я запросто смогу подать иск на полицию за расхождение в показаниях.

Я спокойно кивнула.

— Поняла. Я попрошу Хейла о шестидневной отсрочке перед следующим заседанием.

Он нацарапал что-то на листке из папки и передал мне.

— Передай это Глории, и мне не придётся выходить. Пришлешь следующего адвоката, хорошо?

Я покинула комнату в оцепенении. Рок терпеливо сидел в первом ряду. Его взгляд был прикован ко мне, как только я вошла в зал суда. Я прошагала к судейской скамье и передала листок от Кейна клерку по имени Глория.

— Вы могли бы дать мне несколько минут для разговора с моим подзащитным?

— Конечно, милая. Кивните, когда будете готовы.

Я поблагодарила её. Обойдя зал суда по краю, я достигла Рока и попросила его выйти со мной в коридор. Его дружки встали, чтобы пойти с нами, но, отрицательно помотав головой, я попросила их подождать.

— Что такое, советник? — спросил Рок, как только дверь за нами захлопнулась.

Я воспользовалась моментом, чтобы полюбоваться ним. Его кожаная куртка осталась дома. Он не был одет для суда, но чёрная футболка в паре с серо-чёрными камуфляжными штанами выглядели чистыми и опрятными, не говоря уже о том, как плотно материя прилегала к его хорошо накачанным рукам и широкой груди. Тоненький дьявольский голосок в голове пропищал мне, что он будет тёмным, опасным и сексуальным независимо от его одежды.

Вытряхнув неподходящие мысли из головы, я сосредоточилась на возникшей у нас проблеме.

— Появился окружной прокурор. Он не собирается соблюдать сделку, которую мы заключили. Он настаивает на пяти годах испытательного срока.

— Какого хера, Хоуп?! Я думал, ты всё уладила?

Я действительно не нуждалась в том, чтобы он заставил меня почувствовать себя ещё дерьмовей. С каждым его словом мысли о моей несостоятельности прибывали с небывалой скоростью. Всё, что мне нужно было, так это справиться со следующими полутора часами без слёз, а после я смогу поехать домой и разрыдаться у себя в ванной.

Он набрал полные лёгкие воздуха и спросил более спокойным тоном:

— Что мы делаем?

— Он согласился на неделю отсрочки перед следующим заседанием, но ответ ему нужен до пятницы, — я не стала упоминать все остальные подробности, упомянутые тем

отморозком. Не то время, не то место.

Рок кивнул, а злость на лице сменилась более мягким выражением. Он сжал тёплой рукой моё плечо:

— Спасибо, Хоуп. Ты проделала для меня действительно хорошую работу. Хочу, чтобы ты знала, насколько я благодарен тебе.

Я почувствовала внезапную интимность момента. Мои губы изогнулись в улыбке, и я сделала шаг к нему.

— Не проблема.

Мы стояли, плясая друг на друга несколько секунд, пока он не убрал руку.

Скользнув рукой в карман, он достал бумажник и вытащил пачку купюр.

— Хочу отдать тебе это сейчас, иначе позже забуду.

Я потрясла головой.

— Нет. Ты уже давал мне аванс. Мы в расчёте.

— Нет уж. Бери. Я знаю, что на мою защиту ты потратила больше часов, чем того требует дело.

Это было правдой. Я никогда не была адвокатом, который чётко соблюдает часовые рамки. Если говорить начистоту, я вообще на постоянной основе обсчитывала себя в плане часов. Неудивительно, что я едва сводила концы с концами.

Спор с ним был бы пустой тратой времени, так что я взяла деньги, свернув стопку и спрятав её в карман пиджака.

— Спасибо.

— Не за что, куколка.

— Нам стоит назначить встречу на этой неделе.

— Да. Я позвоню.

Его лицо отразило какую-то эмоцию, но после, стирая любую мягкость, маска сурового байкера снова появилась на своём месте.

Когда мы вернулись в зал, я кивнула Глории, и секретарь суда тут же призвала всех к порядку, чтобы судья мог заговорить.

— Доброе утро, адвокат Кендалл. Из записки я вижу, что вы требуете шестидневную отсрочку в заседании, на которую окружной прокурор дал своё добро?

— Да, Ваша честь. Он изменил условия иска, и мне нужно больше времени для его пересмотра с моим клиентом, — это был немного подлый шаг влияния на судью, но мне не хотелось, чтобы Тони выдвигал этот вопрос на официальное рассмотрение. Хейл вздёрнул бровь, но ничего не ответил.

— Ваша честь, могу я взять слово? — голос Рока меня напугал.

— Вы можете сказать то, что вам нужно, через своего адвоката, мистер Норт.

— Но в этом и проблема, сэр. Я бы хотел уволить её и нанять другого адвоката. Мне кажется, меня представляют не лучшим образом.

Меня будто ударили кувалдой по голове. Жар и холод пробежались по моей коже, и мои пальцы онемели. Желудок сжался настолько болезненно, что я не могла вдохнуть. Не в силах сказать ни слова, я просто стояла с открытым ртом.

Судья Хейл смотрел в шоке. По залу прокатилась волна шёпота. Образы моей скудной практики, собранной по крупицам из ничего, потеря средств для существования и прав на выкуп дома — каждый ужасный исход пролетел у меня перед глазами. Позор от необходимости объяснять произошедшее моему мужу. Придётся ли писать прошение в

Адвокатскую контору округа, если меня вырвет в зале суда прямо посреди открытого заседания? Перспектива этого становилась всё более правдоподобной возможностью. Я могла бы заблевать Рока, но просто сейчас не могла даже посмотреть на него.

Голос Хейла ворвался в мой кошмар, но я не смогла расслышать его слова в жужжании у себя в голове. В итоге он и Рок посмотрели на меня.

— Вам необходимо подписать ходатайство о смене защитника, адвокат Кендалл.

— Конечно, какая разница. Я сделаю это, — едва слышно ответила я.

— Я отложу рассмотрение на месяц, так что ваш новый адвокат, мистер Норт, сможет войти в курс дела.

— Благодарю, сэр.

Я не могла посмотреть на Рока. Судья отпустил нас, но я стояла неподвижно, пялясь на свой кейс, пока не убедилась, что он ушёл. Пристав приблизился ко мне положил руку на моё плечо.

— Вам лучше уйти, Хоуп. Вы слишком хороший человек, чтобы представлять такой кусок дерьма, как он.

Я едва заметно кивнула Грегу. Мы столько раз вели дружеские беседы за последние несколько лет, что его попытки взбодрить меня значили невероятно много, пожалуй, в самый унижительный момент в моей жизни.

Меня снова ударили под дых. В этот раз больше всего было из-за того, что я заботилась о Роке больше, чем должна была. Мне стоило знать наперёд. Он всего лишь хотел трахнуть меня, а когда я не согласилась дать ему то, что ему было нужно, Рок решил послать меня нахер.

Рок.

— Ни хрена себе, През, это было хладнокровно, — подметил Зеро (прим. пер.: Zero с англ. — ноль), когда мы вышли из здания суда на тротуар.

Именно так он получил своё прозвище. Ноль толерантности и ноль тактичности. Это сделало из него отличного вице-президента, но иногда это же превращало его в занозу в заднице. Сказочник, Мёрфи, Декс и Роф шли позади нас. Сегодня мы взяли кроссовер (прим.: автомобиль повышенной проходимости, в большей степени объединяющий в себе качества SUV, вседорожника, но также имеющий недостатки и преимущества других классов автомобилей, преимущественно автомобилей с кузовом универсал, хэтчбэк и минивэн) вместо того, чтобы появиться на шести байках на территории «Волчьих Рыцарей». Но ещё и потому, что возле здания суда находился полицейский участок, а нам ни к чему лишний раз светиться.

— Это нужно было сделать, — выплюнул я, ожидая, что он оставит эту тему.

— Это та девчонка, которая не даёт тебе покоя? — Сказочник тоже отличался бестактностью. Из его прозвища и так понятно: «расскажи ей дерьмо, которое она не захочет слушать».

Я стрельнул в него взглядом, и он отвернулся.

— Она до охерения горяча, но это не отменяет того факта, что она — дерьмовый адвокат, — предположил Мёрфи.

Декс понемногу мотал на ус. Как всегда проницательный, он сначала оценивает ситуацию со всех сторон, прежде чем открывать рот.

Я вздохнул:

— Объясню позже в церкви. Просто перестаньте надоедать комментариями о ней, ладно?

Все кивнули в согласии. Я передал ключи от машины на удивление молчаливому Рофу, потому что вождение было последним, что мне сейчас было нужно.

Блядь.

Публичное унижение Хоуп могло быть лучшим выходом из созданного мной дерьма. Если болтовня о том, что я оборвал с ней любые связи, распространится, возможно, «Вайперы» оставят её в покое. Если они поймут, что она была всего лишь случайным человеком, к которому у меня не было ни чувств, ни интереса, то обратят своё внимание на что-то другое. Я не могу рисковать тем, что они сделают ещё несколько поездок к её дому или того хуже, так что этот спектакль — неважно, насколько болезненный для неё — был просто необходим.

Как бы то ни было, я обзавёлся другим транспортом для своей личной слежки. И боялся, что теперь этих поездок станет больше, так как у меня больше не было возможности видаться с Хоуп официально. Но блядь!! Я не мог стереть из своей памяти то выражение её лица. Боль и предательство смешались в её чертах, и это вышибало из меня воздух. Понадобилась вся моя сила воли, дабы удержать руки по швам вместо того, чтобы подойти к ней и заключить её в объятия, забрав все слова обратно.

Но всю ситуацию делало ещё хуже то, что я знал, насколько чувствительной была Хоуп и насколько низкой была её самооценка. Этим дерьмовым спектаклем я, наверное, в разы увеличил в ней уверенность в том, что она ни на что не способна, как сама Хоуп и думала о себе, и я абсолютно ненавижу себя за это.

Впервые на моей памяти небольшая часть меня гадала, выбрал ли я правильный путь по жизни, если учесть всю ту боль, причиняемую мной другим. Всё, чтобы удержать мою маленькую семью в безопасности. «Потерянные Короли» были единственной настоящей семьёй, которую я знал. Я сделаю практически всё, что потребуется для защиты моих братьев, но причинение вреда таким невинным людям, как Хоуп, казалось слишком высокой ценой.

Но воспоминания о том времени, когда я не обращал внимания на насилие, которое соседская девочка терпела от своего отца, говорили мне, что я сделал правильный выбор.

Маленькой Кэссиди Кейн было всего восемь, когда отец вышиб ей мозги, застрелил свою жену и потом наставил пистолет на себя. Мне было десять, и я слишком увлёкся её длинными, блестящими волосами и мягким голосом, чтобы понять, что означали синяки, с которыми она каждый день приходила в школу.

Почти каждую ночь следующие несколько лет я просыпался от эха выстрелов пистолета в своих снах. Хотя мой отец и близко не подпустил меня к месту преступления, образы раскроенного лица Кэссиди и пропитанных кровью волос преследовали меня. Если только я бы попытался понять, что означали её синяки, можно было бы предотвратить трагедию.

Я не допущу этого снова.

То, что «Вайперы» знали о Хоуп, уже было трагедией.

Как только я утрясу херню с «Вайперами» и снова возьму всё под свой контроль, я смогу объяснить ей. Я сделаю это как-нибудь правильно и верну её доверие. Вибрация сотового прервала мою фантазии об исправлении бардака.

— Эй, — ответил я.

— Слышал, ты обошёлся крайне грубо. Рад, что пропустил это, — ответил Тони.

— Да, спасибо, что пошёл на это.

— Ты ведь знаешь, что я прекращу спускать с рук эту херню, да?

Мой смех звучал натянуто и пусто даже для меня самого. Мы поговорили ещё несколько минут. Я снова поблагодарил окружного прокурора и повесил трубку.

Прибегнуть к такому ходу было вынужденным шагом. Хоуп изрядно потрудилась, чтобы получить справедливую сделку. Любой другой парень принял бы её, но я знал, как только обратился к Тони, — сделка рухнет. Мой первоначальный план прекрасно выгорел с Хоуп. К сожалению, сраные «Вайперы» встали на моём грёбаном пути, переворачивая всё с ног на голову, возможно, безвозвратно.

Мой кулак врезался в консоль, но я едва ли почувствовал боль.

Блядь!

— През, что, если она работает и с «Вайперами» тоже? Она может передавать им инфу о нас, и поэтому они могли быть возле её дома, — спросил Роф после того, как я рассказал им сокращённую версию всей истории.

— Нет, — я тотчас отрезал все пути к размышлениям в этом направлении.

Если учитывать наш мир, такой сценарий не был редкостью, но Хоуп не могла этого сделать. Я чувствовал это нутром. Она вообще почти ничего не знала о криминальном подпольном мире. Роф был моим руководителем службы безопасности клуба не без причины. Его работой была защита клуба, и это означало, что он единственный мог поднимать вопросы, которые никому не нравились или которые никто не решался задать. Это, может, было нечестно, но мне не хотелось думать о справедливости в данный момент.

— Ни хера, — добавил Брикс, уставившись на Рофа, а потом — неудивительно — на меня. Он злорадно поглядывал в мою сторону с того момента, когда узнал, что мне пришлось сделать в зале суда. Он полюбил Хоуп с тех пор, как она помогла ему с детьми, и я понимал это, так что абстрагировался от его предвзятого отношения. На данный момент. — Значит, мне нужно нанять нового адвоката до следующего раза, когда моей бывшей стукнет в голову выкинуть ещё какую-нибудь фишку, — я склонил голову в своём жесте, как бы спрашивающим, не дебил ли он? — Грёбанные «Вайперы», — снова пробурчал Брикс.

По крайней мере, его злость была направлена в нужное русло. Если принять во внимание происходящее, надрать ему задницу было не тем, что доставило бы мне удовольствие. Рассказ братьям о том, что я был возле дома Хоуп, заставил меня почувствовать себя незащищённым. Увидев выражение их лиц, я понял, что ни один из них не знал, как объяснить мою одержимость Хоуп.

Каким-то образом мне удалось не растрепать им точное время, проведённое мной на Эвергрин Лэйн. Это было к лучшему, потому что никто не купился на мои хилые оправдания, утверждавшие, что мне всего лишь нужна была юридическая помощь. За десять лет — если не больше — ноги моей ни разу не было на улице работавшего на нас Глассмана, и каждый из них это знал.

Никто не посмел спросить меня открыто. Вот как это работало.

— Так нам стоит вынести это на голосование? — спросил я, пытаюсь вернуть наш разговор в нужное русло.

— Блядь, нет, — тут же ответил Зеро.

— Думаю, всё равно стоит, — вмешался Роф, в котором всегда присутствовал голос

разума, когда дело касалось порядка внутри клуба.

Я посмотрел на каждого из них, прежде чем произнести:

— Мы отыграемся на двух «вайперах», которых я видел на улице Хоуп, а потом займёмся всеми, кто знает о ней.

Все подняли руки после моих слов.

— Нам нужно сделать это по-тихому, чтобы никто не мог выстрелить нам в спину, босс, — произнёс Сказочник после того, как все опустили руки.

— Не неси ересь, Эйнштейн, — прорычал Роф.

— Пошёл ты, — огрызнулся Сказочник.

— Заткнулись нахер. Оба! — выплюнул я. — Нам нужен план.

— Ты ведь узнаешь тех двоих, так? — спросил Зеро.

— Блядь, разумеется. По крайней мере, узнаю их байки, — а я никогда не забываю байки.

— Тогда за работу, — Зеро хлопнул руками по столу, и заседание было закончено.

Ко мне подошёл Роф. Я видел все вопросы, написанные у него на лице. Он никогда не знал, когда стоит заткнуться. Что и являлось его наилучшим и наихудшим качеством.

— Мне немного не по себе, През. Какого хуя ты вообще делал там один? Если так беспокоился о её безопасности, ты должен был позволить мне поехать с тобой.

Да, будто в моих шпионских вылазках мне нужен был партнёр.

— Не твоё собачье дело.

— Ты трахаешь её? Я думал, ты сказал, что она замужем.

Моя челюсть сжалась так крепко, что я почувствовал боль в зубах:

— Она замужем, и нет, я не трахаю её. Закрыли тему.

Были моменты, когда я мечтал, чтобы мой инфорсер (прим. пер.: член банды, обязанностью которого является приведение в исполнение требований или приговоров банды, к которой он принадлежит) не был таким настойчивым. И сейчас один из таких моментов. Убрать соперника с поля боя было серьёзным делом, так что я понимал его тревогу. Я не использовал это против него. Почти. Он выдержал мой взгляд ещё несколько секунд, прежде чем опустить глаза в пол.

— Давай покончим с этим, — ответил он и ушёл.

Хоуп.

Выбросить Рока из головы оказалось далеко не лёгким делом. Я фантазировала о том, как врываюсь в «Хрустальный шар» и устраиваю ему вынос мозга на виду у всех. Я представляла, как буду навещать его в тюрьме и буду смеяться в его неопишимо сексуальное лицо. Должна признать, мне снилось несколько раз, что я забиралась на сиденье его байка, обнимала Рока руками и мы уезжали от всего. У меня даже были сны о яростном примирительном сексе на столе в моём конференц-зале. Я не горжусь ни одним из них.

Рассказ краткой и черновой версии истории мужу не принёс много сочувствия. Не то чтобы я ожидала. Такое случалось постоянно. Это бизнес. Ничего личного. За исключением того факта, что я всё воспринимала на свой счёт, и Клэй это знал. Он пытался приободрить меня. Вина накатывала на меня волнами, так как глубоко внутри я знала, что была расстроена в основном из-за того, что больше никогда не увижу Роклана Норта снова. Я спрятала чувство стыда поглубже в своё сердце.

В конечном итоге я собрала полный файл по его делу и передала Глассману, как только

тот зашёл за ним. Я также подписала чек на сумму аванса, выданного мне Роком, но не отработанного мной, поэтому тот был отправлен ему назад.

Я получила его обратно с запиской: «Ты заслужила это».

Какой. Отморозок.

Но чертовски верно. Я заслужила эти деньги! Заслужила их своей добротой и тяжёлым трудом. Заслужила своей репутацией, которая теперь была почти разрушена. Я обналичила этот проклятый чек и погасила один из своих небольших студенческих кредитов.

Херов Роклан Норт.

Я была огорчена и разъярена.

Эти боль и гнев оттолкнули меня от криминальной практики и вернули в суд по семейным делам. Я ни в коем случае не хотела иметь дело с такими ублюдками, как Рок. Когда однажды я ответила на телефонный звонок и какой-то парень сообщил, что меня ему рекомендовал Рок, моя ярость снова вынырнула на поверхность.

— Это было сто лет назад. С тех пор наши отношения слишком натянуты, — ответила я таким ледяным голосом, на какой только была способна. Я не хотела иметь ничего общего с кем-то, кто был связан с Роком. — Я не беру сейчас новых клиентов.

— О, ладно. Прошу прощения. Вы знаете, кто его адвокат?

— Роберт Глассман, — прошипела я. Будто этому ублюдочному клоуну нужно было больше денег.

— Спасибо, чика.

Ещё один отморозок.

Уверена, он проведёт незабываемое время с мистером Глассманом.

Глава 6.

Хоуп.

После моего жестокого увольнения Роком я в конечном итоге отставила в сторону свою ярость и решила двигаться дальше. Моя практика вернулась на круги своя. Возможно, она никогда и не страдала, а я всего лишь накручивала себя. Я держалась подальше от уголовных дел. С тех пор, как перестала смотреть новости и читать газеты, за исключением случаев, когда мне было это нужно, я не имела понятия, что в городе разгорелась война между бандами. Даже когда слышала об этом, я не уделила данному факту особого внимания.

Но что на самом деле привлекло моё внимание, так это убийство Роберта Глассмана. Его застрелили. Пресса осветила это происшествие как уличное ограбление, но я не могла перестать думать о Роке. Меня не оставляло старое воспоминание о телефонном разговоре, который произошёл после моего унижения в суде. Была ли связь между этими событиями? Я не имела понятия. Но что-то подсказывало мне, что прекращение общения с Роком и его «мотоклубом» было наилучшим вариантом для моей безопасности, и не имеет значения, насколько временами мне было больно от этого.

Беспрестанное жужжание моего сотового прервало мои размышления. Я не узнала номер. Надеюсь, что это просто клиент, я подняла трубку.

— Алло?

— Эм... Это Хоуп?

— Да.

— Хоуп. Это мистер Рихтер.

Босс Клэя. Струйка беспокойства поползла по моей коже. Хотя ничего плохого быть не могло. Может, он хотел купить Клэю подарочную карту за хорошо проделанную работу и посоветоваться со мной. Возможно, он получил штраф за превышение скорости, и ему была нужна моя помощь.

— Здравствуйте, мистер Рихтер. Чем я могу вам помочь?

— Хоуп. С Клэем произошёл... Несчастный случай. Вы можете приехать в «Эмпайр Мед»?

Медицинский центр Эмпайр был ближайшей главной больницей. Все виды ужасных несчастных случаев пронеслись в моей голове. Клэй упал с моста. Клэя сбил какой-нибудь невнимательный водитель.

— Да. Я сейчас приеду. С ним всё в порядке?

— Скоро увидимся, Хоуп, — так и не ответив на мой вопрос, он повесил трубку.

Струйка беспокойства переросла в ураган тревоги.

Что-то было очень, очень неправильно.

Клэю было всего тридцать пять. Я знала, что в его работе была степень риска, но также знала, насколько он был осторожным и дотошным. Его работа являлась единственным риском, присутствовавшим во всей его жизни. Он никогда не курил, не пил и не принимал наркотики. Чёрт, мы очень редко ели красное мясо. Его босс явно преувеличивал. Боялся, что жена-адвокат Клэя засудит его.

Это немного разубедило меня.

Поездка до госпиталя прошла в тумане. Я поехала туда на автопилоте, убеждая себя, что всё было в порядке. Клэй был слишком молод, чтобы с ним случилось что-то плохое. У нас была вся жизнь впереди, чтобы совершить вместе то, что мы хотели. Будущее, включающее в себя путешествия в экзотические места, постройку дома нашей мечты. Возможно, детей.

Мой отец умер, когда мне было тринадцать. Слишком жестоко было думать, что я могла потерять кого-то, кого любила, в ком нуждалась, раньше времени.

Один взгляд на мистера Рихтера сказал мне, что я глубоко-глубоко ошибалась.

— Нет, — прошептала я, как только увидела его.

— Хоуп, — начал он. Его голос был пропитан беспомощной интонацией, полностью противоположной его внушительной фигуре.

Рваное рыдание оцарапало моё горло. Рука дёрнулась к груди, бешено потирая её по кругу.

— Пожалуйста, не...

— Хоуп, мне так жаль, — попытался он снова.

Я попятилась назад, руки обвилились вокруг живота, пытаюсь унять тошноту, подступавшую к моему горлу.

— Нет... — простонала я.

— Хоуп, есть ещё кто-нибудь, кому я могу позвонить?

На пару минут из моей головы исчезло всё. Когда закрывала глаза, я видела лишь чёрные квадраты и круги.

— Его сестре Линн, — выдохнула я.

По определённой причине мы не были достаточно близки, но она была его единственной семьёй. Она должна была присутствовать здесь.

— Ладно. Иди сюда, присядь, милая, — его большие руки подвели меня к лавочке, на которую я опустилась, положив голову между колен.

Это не могло происходить. Это должно было быть ошибкой.

— Мистер Рихтер, вы уверены? — пробубнила я.

Он похлопал меня по спине.

— Уверен, милая. Врачи будут здесь с минуты на минуту, чтобы поговорить. Я помогу тебе со всем, что тебе будет нужно. Я знаю, насколько неожиданным...

Его голос умолк.

Какие были последние слова Клэя? Почему я не могла вспомнить? Утром я видела, как он вышел из душа. Мы поцеловались и обменялись планами на день. Запланировали ужин. Обычная ежедневная рутина. Сказала ли я ему, что люблю его?

Почему я не могла вспомнить, сказали ли мы друг другу «я люблю тебя»?

Я больше никогда не скажу этого снова.

Свежие слёзы заволкли глаза, и я попыталась сделать вдох прежде, чем ужас происходящего поглотит меня.

Они позволили мне увидеть Клэя. С этого момент реальность превратилась в агонию.

Ошибки быть не могло.

Мой муж был мёртв.

Доктор объяснил, что виной всему стал спазм коронарных артерий и что его никак нельзя было предвидеть. Меня это не утешало.

Затем он объяснил мне, что от четырёх до десяти процентов сердечных приступов происходят до сорока пяти лет. От этого мне тоже легче не стало.

Линн взорвалась в приступе гнева, как только ушёл врач:

— Я говорила тебе снова и снова, что необходимо лучше следить за его диетой!

Я была слишком разбитой, чтобы отвечать. Развернулась и уехала из больницы.

Я не могла говорить. Я должна была позаботиться о стольких вещах. Завтра. Мне просто нужно поспать.

Домой я ехала как в тумане. В зомбированном ступоре я прошла в нашу комнату и забралась в постель. Слёзы начали течь в ту же минуту, когда моя щека коснулась подушки и я вдохнула запах Клэя.

Его больше не было.

Рок.

Я случайно наткнулся на некролог, в котором шла речь о смерти мужа Хоуп. Я знал его имя, но понятия не имел, что он взял её фамилию. В газете почему-то напечатали фото их обоих. Возможно, это было старое фото со свадьбы. Я не был уверен. Вид её глаз и яркой улыбки на странице с некрологом вышиб воздух из моих лёгких. Я почти никогда не читал газет и не представлял, почему сделал так сегодня. Полагаю, кто-то назвал бы это судьбой. Но, как только я увидел эту заметку и понял, что случилось, уже знал, мне нужно поехать к ней.

Конфликт с «Вайперами» был улажен. Это был долгий и кровавый год, но нам удалось прийти к соглашению касательно города. Соглашению, в результате которого теперь намного меньше «Вайперов» ходило по земле, что не волновало меня ни капли. Они допустили ошибку, когда тронули гражданских, связанных как с «Волчьими Рыцарями», так и с «Потерянными Королями». Хоуп была не первой и не последней вне МК из тех, кого они взяли на прицел. Мы, может, и были незаконниками, но всё же жили по определённому кодексу. «Вайперы» делали цели из людей, которые даже понятия не имели о войне между

бандами, и таким образом отбирали у них шанс защититься, и это лишало их уважения или шанса на пощаду. В итоге старые первородные «Вайперы» пришли и умоляли «Волчьих Рыцарей» и «Потерянных Королей» помочь им избавить их клуб от новых безжалостных лидеров, а мы были более чем просто рады сделать это. После переговоров на таких условиях, какие, конечно, выгодны нашему МК.

С новообретённым миром я мог спокойно вернуться к своим регулярным поставкам марихуаны и ведению «легального» бизнеса. Хоуп всё ещё не выходила у меня из головы. Я не мог избавиться от мыслей о ней. Не имело значения, скольких танцовщиц в клубе я трахнул, лицо Хоуп было последним перед моими глазами, когда я ложился спать. Это раздражало меня, злило, а после сжигало. Я всегда говорил себе, что, когда найду хорошую женщину — милую, честную, умную, *верную* женщину — перестану трахать всех направо и налево, остепенюсь с ней. К сожалению, когда нашёл такую идеальную женщину, она уже оказалась замужем за другим. Конечно, я никогда бы не отыскал то, что мне было нужно, отираясь в МК или «Хрустальном шаре», но у меня не было уверенности, как и что с этим сделать.

Хоть я и был временами чертовски грубым ублюдком и уголовником, я уважал Хоуп настолько, чтобы оставить её в покое. Разумеется, ещё одна идеальная женщина ждала меня где-то. Та, что понимала бы мой образ жизни и роль МК в ней. Это была единственная черта, которой не было у Хоуп. Её личность была окутана пределами закона. Если бы я мог оторвать себя от своих безумных фантазий, стало бы понятно, что между нами никогда не могло быть отношений.

А затем внезапно Хоуп больше не была замужем. Честно, у меня не было никакой радости от смерти её мужа. Я не мог представить, насколько больно для неё стать вдовой в таком молодом возрасте. В некрологе не давалось никаких подробностей, но звучало всё так, будто смерть была связана с проблемами со здоровьем. И будучи бесцеремонным мерзавцем, я оседлал свой байк и направился к её дому.

Машины стояли у обочины по обеим сторонам её улицы. Я оставил байк на свободном месте и прошёл по длинной подъездной дорожке. Люди, болтая, стояли тут и там. Я последовал на шум в заднюю часть дома. Три женщины стояли рядом друг с другом. Самая высокая из них шмыгнула носом и перекинула волосы через плечо.

— Мой младший братик... Я столько раз говорила ей заботиться о нём. Но она всегда... Они даже не... Теперь я никогда не стану тётёй, — женщина начала рыдать, а подруги утешали её.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, что это золовка Хоуп. Тон, в котором она говорила о ней, вывел меня из себя. Её «младший братик» был взрослым человеком. Понятное дело, что его сестра переживала горе, но свалить всё на плечи вдовы было просто грёбаной хернёй.

Игнорируя эту королеву драмы, я протолкнулся через толпу. Даже если я оставил свою байкерскую куртку снаружи, а длинные рукава рубашки прикрывали почти все мои татуировки, люди всё равно расходились передо мной. Полагаю, я довёл до идеала поведение, кричавшее «подвинься или отойди».

Маневрируя по дому, я понял, как мало знал о Хоуп. Из-за моей одержимости ею я никогда не задумывался о том, кто она как человек. Я породил массу фантазий из моих *мыслей*, основанных на малой толике информации о ней. Кухня была заполнена едой, которую люди, очевидно, принесли с собой, но яркие брызги красок и немереное количество

неопознанной кухонной утвари заставили меня задуматься о том, насколько сильно Хоуп любила готовить.

Фотографии рядами висели на стенах недлинного коридора. Они с мужем любили путешествовать. Я представил, как было больно Хоуп каждый день проходить мимо этих фото, и мне было интересно, найдётся ли кто-нибудь настолько великодушный, чтобы снять их и спрятать.

В конце коридора была приоткрыта дверь, и я заглянул в ту комнату. Из полумрака доносилось мягкое хныканье. Когда мои глаза привыкли к плохому освещению, я узнал Хоуп, свернувшуюся на кровати. Боясь напугать её, я произнёс:

— Привет.

Она пробурчала что-то похожее на приветствие, но я не присел. И зашёл в комнату так тихо, будто был грабителем. Мы расстались не на хорошей ноте, и вот я здесь, вторгаюсь в её личное пространство в самый худший момент её жизни. Когда приблизился к кровати, я увидел яркое оранжевое одеяло. С того самого дня, как мы встретились, я представлял, как трахаю Хоуп в различных местах: на столе, у стены в своём офисе, на сидении своего байка, в душе, на кухонной столешнице моего дома, в своей постели в клубе. Но никогда не представлял, какие её дом или спальня изнутри. Наверное, потому что она делила их с другим. Ничего из этого не приходило мне на ум, когда я подобрался к ней. Нет, вместо этого у меня были пустые мысли о том, почему я никогда не представлял её на кровати с оранжевым одеялом. Очередная грёбаная Марта Стюарт (прим.: американская бизнесвумен, телеведущая и писательница, получившая известность и состояние благодаря советам по домоводству), не так ли?

На её ногах были прозрачные чёрные колготки, и от натянутой ткани пятки казались светлыми пятнышками под тёмной шёлковой тканью. Казалось таким странным — заметить этот интимный кусочек её тела. Не то чтобы я страдал фетишизмом. Я сжал кулаки, чтобы удержать себя и не погладить её ногу снизу вверх. Я искренне хотел утешить её, а не опошлить момент.

— Хоуп, милая, мне так жаль.

Она резко села на кровати, услышав мой голос. Руки дёрнулись к лицу, вытирая слёзы со щёк. Я выдернул салфетку из коробки на прикроватном столике и передал ей. Большие изумрудные глаза уставились на меня. Такие же прекрасные, какими я их запомнил.

— Роклан? Что ты здесь делаешь? — от моего полного имени, произнесённого её сиплым голосом, мои внутренности скрутило в узел. Как я вообще выживал последний год без неё? Я выдохнул с облегчением из-за того, что она не начала кричать, увидев меня, и не разбила лампу о мою голову.

— Я услышал о твоём муже... О Клэе. И хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. Прими мои соболезнования, Хоуп.

Она чуть сдвинулась на матрасе, но потом снова вжалась в подушки.

— Я просто великолепно, — пробубнила она.

От края кровати до неё появилось пару сантиметров свободного пространства, так что я принял это за приглашение присесть. Моя рука нашла свой путь к середине её спины и перемещалась по мягкой ткани платья успокаивающими круговыми движениями.

— Не могу поверить, что ты здесь, — произнесла она спустя несколько минут тишины. — Почти год прошёл с тех пор, как ты опозорил меня и попытался уничтожить мою карьеру. А сейчас ты в моей спальне в тот день, когда я похоронила своего мужа.

Её голос звучал как хриплый шёпот, но слова всё равно ранили.

— Хоуп, сейчас не время для объяснений, но, поверь мне, пожалуйста, когда я говорю, что для того поступка у меня была веская причина.

— Это как-то связано с тем, что Глассмана застрелили?

Я забыл, насколько резкой она могла быть.

— Да.

— Так ты подвергаешь меня опасности, находясь здесь?

— Нет. Боже, нет!

— Тук-тук, — сильный женский голос донёсся со стороны двери. Я повернулся, чтобы увидеть гостя. Стройная брюнетка с голубыми глазами вошла в комнату. Красивые глаза подозрительно прищурились, когда она увидела меня. — Здесь всё в порядке? Хоуп?

— Софи?

Как ублюдок, каким и являлся, я окинул взглядом облегающее платье женщины, оценивая изгибы её тела. Когда она заметила мою руку на спине Хоуп, её нежные черты лица приняли хмурый вид. Я встал с кровати и прислонился спиной к ближайшей от неё стене. Софи села рядом с Хоуп, всё ещё наблюдая за мной с осторожностью.

Хоуп привстала и обняла свою подругу:

— Спасибо тебе за всё.

— Не за что, солнышко. Ты уверена, что не хочешь пожить у меня несколько дней? Я улетаю в понедельник, но мой брат будет рядом, если тебе что-то понадобится.

— Нет, я в порядке. Мама и отчим побудут со мной пару дней. Хотя я ценю это.

— Эм... Приезжай, если хочешь, после того, как они вернуться к себе. Можешь звонить в любое время.

Хоуп кивнула, а потом спросила:

— Как твоя рок-звезда?

Софи фыркнула:

— Далеко. Мы почти никогда не бываем в одном месте в одно и то же время. Но ты и я можем поговорить об этом позже, лютик.

— Нет, мне нужно отвлечься.

— Почему ты не представляешь меня своему другу? — Софи склонила голову под углом, глядя в моём направлении.

Хоуп посмотрела на меня и махнула рукой в воздухе.

— Роклан Норт, это одна из моих лучших подруг, Софи Альфани.

Я протянул руку для приветствия.

— О! Так это и есть Рок? — она вскинула голову и оценила меня прищуренным взглядом.

Она явно слышала обо мне. Интересно. Хотя выражение её лица говорило, что она не собиралась флиртовать со мной.

— Линн уже уехала? — спросила Хоуп, меняя тему разговора.

Софи оторвала свой пронзительный взгляд от меня с видимым нежеланием:

— Нет. Прости, но она та ещё сучка.

— Это та, которая ныла, что никогда не станет тётей? — спросил я.

Софи закатила глаза.

— Господи, — прорычала она сквозь стиснутые зубы.

— Я понимаю. Они были всем, что у них осталось. Я просто хочу... — её голос затих.

— Эй, Мара и её судья заезжали.

Хоуп даже захихикала, и, хоть она понятия не имела об этом, Софи завоевала мою вечную преданность в момент, когда заставила Хоуп улыбнуться.

— Не могу поверить, что судья Оук был в моём доме. Он меня до смерти пугает.

Софи захихикала:

— Мара хотела, чтобы я спросила, нужно ли тебя подменить на каких-нибудь делах. Если она не сможет помочь, Росс или Бет это сделают. Адам сказал, что просмотрит все файлы, так что не переживай. Ты знаешь, что я тоже тебе помогу. Просто я никогда не бываю здесь.

— Нет, ты и так уже очень много помогаешь. Спасибо тебе.

— Ну всё, мне пора идти, — Софи подняла взгляд на меня, но следующий её вопрос был адресован Хоуп. — Ты уверена, что здесь всё в порядке?

Хоуп открыла глаза, встречаясь с моим взглядом:

— Да. Со мной все будет в порядке.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Хоуп.

После того, как ушла Софи, я свесила ноги с кровати и уселась на краю. Рок отошёл от стены. Впервые с тех пор, как я встретила этого огромного, пугающего байкера, он казался неуверенным.

Нет. Я не потеряла рассудок. Рок на самом деле был здесь. *В моей спальне.* Я была уверена, что в любую минуту Линн сунет свой нос в комнату и слетит с катушек.

Стены пульсировали и сжимались вокруг меня. Лёгкие начинали бороться за воздух. Почему я позволила Линн принять всех этих людей в своём доме? Я не смогу выдержать ещё больше стресса. Прием гостей вызывал у меня беспокойство даже в обычный день. Сегодня я могла думать только о Клэе. Я хотела, чтобы он гордился мной, но с треском провалилась, поэтому решила отсидеться в одиночестве подальше от всех.

Потом появился Рок.

Чтобы спросить, нужно ли мне что-нибудь.

После učinённого им я поняла, что никогда его не увижу снова. Поняла, что он ненавидел меня по какой-то причине, которую я так и не узнала. Как я могла думать о том, что он был настолько равнодушен ко мне, что не только узнал о смерти моего мужа, но и выяснил, где я жила, чтобы приехать и увидеть меня? В этом не было смысла.

Может, у меня были галлюцинации?

— Ты в порядке, куколка? — кровать прогнулась, когда Рок сел рядом со мной.

Его большая, тёплая рука потирала мою спину успокаивающими движениями, и я откинулась на него. Нет. Он был слишком твёрдым, чтобы быть частью моего воображения.

В моей голове родилась идея, и я схватила его вторую руку.

— Ты приехал сюда на байке?

Он ни секунды не медлил с ответом:

— Да.

— Увезёшь меня?

Он дёрнул головой, наблюдая за мной из-под прикрытых глаз.

— Тебе нужно убраться отсюда ненадолго?

— Пожалуйста.

Это было безумным и абсолютно неправильным решением. Глубоко в душе я это знала. Но я всего лишь хотела, чтобы хотя бы несколько неадекватных секунд остановили мою боль.

Рок.

Я никогда не был сентиментальным, но простая просьба Хоуп вместе со скорбным выражением её лица оставила следы на моём сердце. Не знал, было ли хорошей идеей то, что её семья увидит, как она уезжает с незнакомцем, но я не мог сказать ей «нет».

— В этом ты поехать не сможешь, — указал я на её платье.

— Окей, — она встала с кровати, пересекла комнату и включила свет.

Я окинул помещение взглядом. Много гладкой, блестящей, деревянной мебели. Два столика располагались возле противоположных стен. Один выглядел так, будто по нему прошёл торнадо, а второй был аккуратным и милым. Меня затопило странное ощущение того, что я сижу на кровати, которую она делила со своим мужем. Поэтому я встал. Сомневавшийся в том, что мне делать, я предположил, что могу уйти, чтобы она могла переодеться.

— Нет, останься, пожалуйста, — она закрыла дверь, повернув ключ в замке, и затем побрела к одной из дверей напротив кровати.

Выглядело так, будто внутри небольшой комнаты за дверью произошёл взрыв из одежды. Она заперлась изнутри, а я выругался про себя из-за того, что представлял её голой с той стороны двери. Несколько минут спустя Хоуп появилась в тёмных джинсах и свободной блузке с принтом из чёрных, голубых и зелёных завитков. Её длинные волосы свободно струились по плечам. Я посмотрел на её босые ноги.

— Есть пара сапог на низком каблуке?

Она кивнула и вернулась в гардероб, на этот раз оставив дверь открытой. Донеслось глухое топанье, затем шуршащие звуки, после чего она вышла в чёрных кожаных сапогах до колен, украшенных серебряными заклёпками. Казалось, внутри Хоуп скрывалась плохая девочка, о которой я ничего не знал. Она пожала плечами в облегающей чёрной кожаной куртке и вопросительно уставилась на меня.

Мой рот наполнился слюной при виде её.

Я прочистил горло:

— Пойдёт.

Она провела меня по дому, остановившись поговорить с мамой на несколько секунд. Даже когда женщина посмотрела на меня с подозрением, Хоуп не представила нас, но меня это не обидело. Она также проигнорировала свою золовку, что заставило меня гордиться ею.

Мы вышли через парадную дверь. По какой-то смешной причине я хотел взять её за руку, пока мы шагали по траве к подъездной дорожке. Желая быть воспитанным, я удержал свои руки при себе. Не было необходимости говорить ей, что байк в конце аллеи принадлежал мне. Она знала это, потому что никто в её жизни, кроме меня, не ездил на байке. Лишь те, кого она могла видеть на улицах.

— Я раньше никогда не ездила на мотоцикле, — мягко произнесла она.

Меня это ни капли не удивило.

Хоуп.

Я продолжала пялиться на байк Рока. Я до ужаса боялась мотоциклов. Или, по крайней

мере, так думала. Я больше не знала, кем была. Большим тугим комком боли, который пожирал мои кости и плоть. Живой, но едва заметной. Это всё, чем я была в тот момент. Немой, но скорбящей. В сознании, но не отдающей себе отчёта. Агония была неумолимой. Я хотела выбраться из своего собственного тела. Хотела уснуть и больше никогда не просыпаться.

Рок с нежностью разглядывал меня. Думала, он прыснет со смеху, когда услышит, что я никогда не сидела на байке, но он был таким же милым и понимающим, как и в доме.

— Это несложно, куколка. Я сяду первым, — он наклонился и убрал подножки с каждой стороны байка. — Здесь есть подножки для пассажиров. Как только будешь сверху, поставь ноги на них и держи их там. Лучше не притрагивайся к заднему колесу или ещё чему-нибудь. Есть ещё выхлопные трубы. Они очень нагреваются. Не прикасайся к ним чем бы то ни было.

Рок снял шлем, подтянул ремешок и надел мне на голову, застегнул, а потом убедился, что он хорошо на мне сидит.

— А твой где? — спросила я.

— На тебе, куколка.

— Рок...

— С нами всё будет в порядке. В твоей маленький милой головке больше информации, чем в моей, — он дважды постучал по шлему пальцем.

Я не смогла сдержать улыбку, и уголки губ Рока тоже дёрнулись вверх. Он перекинул ногу через байк и уселся на него одним грациозным движением, чему я сразу же позавидовала. Он достал чёрные очки из кармана и надел их. Повернувшись ко мне лицом, он продолжил объяснять то, что мне показалось очень лёгким делом:

— Положи руку мне на плечо, потом перекинь ногу через сиденье. Медленно скользни на байк. Как только окажешься на сиденье, поставь ноги на подножки. Даже когда я остановлюсь, не опускай с них ног, чтобы не повредить себе что-нибудь, — он остановился, прочищая горло. Сидеть на байке оказалось более комфортно, чем я ожидала. По крайней мере, сначала. Между нами было лишь маленькое пространство, и я изо всех сил пыталась сохранить его. — Куколка, тебе придётся придвинуться ближе, чем ты сидишь сейчас.

Оу.

Я позволила гравитации сделать свою работу, и тогда мои бёдра скользнули по сиденью ближе к Року.

— Можешь держаться за мои бёдра или обернуть руки вокруг моей талии. Так ты почувствуешь мои движения. Сохраняй вес по центру байка. Не оглядывайся часто. Наклонись вперёд тогда, когда и куда я наклоняюсь, ладно?

— Ладно.

Секунду ничего не происходило, и я поняла, что мои руки до сих пор находились по бокам. Я положила их ему на бёдра. Задумавшись, я скользнула руками выше по ткани его футболки хенли. Довольный, он крутанул ручку, и байк под нами ожил. Моё сердце затрепетало, и я открыла рот, чтобы сказать ему, что совершила ошибку, но он уже понёсся вниз по улице. Мы, наверное, сбавили скорость, но поездка всё равно казалась мне невероятно быстрой. Я завизжала и сжала его талию, крепко держась за Рока. Когда мы добрались до конца моей улицы, он остановился на знак «стоп» и опёрся на ногу. Его слова эхом звучали в моей голове, поэтому я оставила ноги на подножках.

— Ты в порядке? — прокричал он через грохот двигателя.

— Мне так кажется.

— Хочешь прокатиться в Флетчер-Парк?

Слёзы наполнили мои глаза, когда я услышала это название.

— Нет. Пожалуйста. Куда угодно, но только не туда.

Клэй сделал мне предложение в Флетчер-Парке, и лишь мысль о том, что я увижу застеклённую беседку, в которой мы сидели перед тем, как он опустил на одно колено, больно сжимала мою грудь. Укол вины пронзил сердце.

Какого хера я делала на сиденье байка этого мужчины в день похорон своего мужа?!

Глава 7.

Рок.

Может, и при самых ужасных обстоятельствах, но она была со мной. Хоуп была на сидении моего байка. По собственному желанию. Я не мог просрать это. Я хотел поговорить с ней. Объяснить ей, почему повёл себя как кретин в прошлом году. Но потом она обняла меня руками за талию, опустила подбородок на моё плечо, и все мысли из моей головы улетучились. Конечно, я помнил, как повернуть ключ и выжать сцепление, но, как только нас обвевал ветер, для слов стало слишком поздно.

Её реакция на моё предложение о Флетчер-Парке удивила меня. Это живописное, популярное место с прекрасными местами, где можно осмотреть всю территорию трёх округов. Из её отчаянного ответа я понял, что это место имеет что-то общее с её мужем. Интересно, расскажет ли она мне когда-нибудь. Когда мы свернули с окружной дороги, я понял, куда хочу отвезти её. Это было странно. Возможно, неподходяще. Но мне было всё равно. По какой-то причине я хотел, чтобы Хоуп там побыла.

Хоть МК и вёл только два бизнеса в городе, они были полностью законными. Наш клубный дом или конференц-центр, как мы иногда в шутку называли его, находился за городом. Так как он был расположен глубоко в лесу, его было нелегко найти, только если знаешь, куда ехать. Это было специально продумано, когда несколько лет назад мы купили эту собственность у кучки хиппи-буддистов, попавших в небольшие неприятности с налоговой службой. Корпорация с каким-то цветочным названием технически владеет землёй и зданиями, где и размещён клуб.

Верите или нет, у байкеров есть чувство юмора.

Когда я замедлил байк, Хоуп подняла голову. Если не принимать во внимание её прижимание к моей спине, что слегка отвлекало, она была идеальным пассажиром. Хоуп не издавала звуков, что меня даже взволновало. От её первого раза я ожидал визга или резких вдохов. Чего-то. Но она молчала всю дорогу.

Байк с лёгкостью свернул с трассы на покрытую гравием дорогу. Когда мы приблизились, высокие металлические ворота распахнулись благодаря маленькому сенсору на рукоятках руля. Они закрылись за нами, как только мы в сохранности оказались внутри. Не будь этого сенсора, нам бы пришлось ждать, пока кто-то в центре не сообразит, что мы здесь, или ввести код на панели рядом с воротами.

Когда мы остановились, я чувствовал смущение Хоуп и мог только догадываться о её вопросах. Собственность начиналась с длинной и узкой территории. За воротами всех приветствовала массивная садовая статуя Будды. Её окружали низкие каменные лавочки. Изящно высаженные цветы окружали большого медитирующего человека. Он уже был там,

когда мы въехали, и никто не захотел его сносить. Клубные девочки и проспекты ухаживали за ним. Длинный ряд сосен провожал нас с каждой стороны подъездной дорожки. Сквозь деревья можно было увидеть другие, меньшие, статуи и сады камней. После последнего холма поверхность выровнялась, и перед нами предстал клуб. Подъездная дорожка огибала его и вела к задней стороне. Это место служило конференц-центром, но подходило под все наши разнообразные общие нужды. Клубный дом, комнаты для встреч, спальни, кухня, ванны, спортзал, очень большой частный подвал, который мы использовали как место для выращивания травы. Слева была расположена наша главная жемчужина: исполинский отапливаемый гараж. А что ещё делать зимой байкерам, кроме как разобрать наши байки и заняться всеми починками, модификациями и усовершенствованиями, которые мы планировали на протяжении мотосезона?

В ту же минуту, когда я заглушил байк, один из проспектов клуба выбежал из гаража, чтобы встретить нас. Он, должно быть, второй год в проспектах, иначе ему бы не разрешили здесь находиться. Каждый раз, когда я видел мальчишку, он напоминал мне Howdy Doody (прим.: куклу-марионетку 50-х годов), но я держал это при себе, потому что, вероятно, стар и никто другой не знает, кто это такой.

— Мне нужно слезть первой? — спросила Хоуп.

На ум пришло несколько ответов, и один из них был «чёрт, да». Мне удалось сдержать своего внутреннего придурка и ответить ей так, как она того заслуживала.

— Ага, просто делай так же, как ты садилась, но в обратном порядке. Держись за моё плечо.

Без слов проспект подошёл и помог Хоуп слезть с байка, а потом снова исчез в гараже. Тихий, но полезный, — как раз такой, каким и должен быть. Хоуп скривила лицо от боли и потёрла руками джинсы спереди.

— У меня бёдра горят.

Клянусь. Я хотел остаться джентльменом, но она убивала меня.

Хоуп.

Я не была уверена, куда меня повёз Рок. То, что я увидела во время нашей поездки, не давало мне дышать. Но место, где она закончилась, выглядело как изысканный лагерь, куда люди приезжали провести выходные, помедитировать и попрактиковать йогу. Подняв голову и бросив взгляд, я заметила гараж, куда нырнул рыжеволосый парень, который помог мне слезть с байка. В нём было полно байков разной степени сборки и запущенности. Несколько классических машин, джип и грузовик также занимали всё то место, которое мне было видно.

Возле задней каменной стены выстроились три или четыре байка, перевёрнутые кверху. Рок слез с мотоцикла и открыл багажный отсек, чтобы вытащить оттуда свой кожаный жилет и накинуть его на плечи. Я не видела его в нём уже долгое время, и сейчас что-то дёрнулось внутри меня, но я решила проигнорировать это.

Он протянул мне руку, и я взяла её не колеблясь. Когда мы зашли внутрь, меня шокировала приветствующая нас огромная настенная роспись со словами «Потерянные Короли». Это был тот же рисунок, который он и его друзья носили на спинах своих жилетов. Увенчивающий гирлянду из красных роз череп с искусной короной и слова МК «Потерянные Короли», написанные ниже, занимали всю стену. Ноги перестали слушаться, когда я уставилась на шокирующую красоту.

— Нравится? Это работа Брикса.

— Вау, это действительно нечто. Он очень талантлив.

При близком рассмотрении рисунок был более детализирован и украшен, чем нашивки на спинах жилетов, но задумка была та же.

Никто не сидел за тем, что служило, как я догадалась, стойкой для встречи гостей. Это оказался своего рода байкерский бар, потому что бутылки ликера были выставлены на полке за ним.

Один коридор уходил в левое крыло здания. Там располагались кресла, столы, диваны и огромный телевизор, занимающий переднюю часть комнаты. Налево вёл широкий лестничный пролёт, приглашая к дальнейшей экскурсии.

— Хочешь посмотреть? — спросил Рок, мгновение изучая моё лицо.

— Конечно.

Он потащил меня в первый коридор, указывая на то, что мы проходили.

— Кладовая, ванная, студия для йоги, — услышав последнее, я перестала идти. Рок одарил меня кривоватой улыбкой: — Ну, это *была* студия для йоги. Теперь это больше служит комнатой для частных танцев.

Я знала, что у него есть стрип-клуб, так что значение комнаты не требовало долгих объяснений, но он всё равно открыл дверь. В самом деле, кто-то установил блестящий серебряный шест в центре комнаты. Две стены были отделаны зеркалами от пола до потолка, а у задней стены почти во всю длину стояла скамья с подушками. Она одновременно вызывала интригу и отвращение к тому, что может здесь происходить. В комнате я разглядела стеклянную банку, наполненную презервативами, на столе. Брови Рока взлетели вверх, и, подарив мне робкую улыбку, он закрыл дверь. В конце коридора ещё одно ответвление уходило вправо.

— Там спортзал, спальня и прачечная дальше по коридору.

Перед нами предстали огромная кухня и столовая зона. Стоял один большой стол, за которым спокойно могли поместиться двадцать человек, и было ещё несколько столов поменьше. Пустая стойка для завтрака находилась недалеко от открытой двери на кухню. Когда повернулась, я увидела до отказа заполненный бар длиной почти во всю переднюю стену. Дверь вела из кухни на улицу, благодаря чему было очень удобно вносить еду и напитки без необходимости пробираться через всё здание.

— Проголодалась?

Я потрясла головой и отпустила руку Рока, чтобы всё внимательно осмотреть. Рисунков черепов и корон в этой комнате было больше. За стойкой бара был изображён один с крыльями ангела и красными розами.

Рок прошёл за мной и скользнул руками по моим плечам.

— Готова к остальной прогулке?

— Конечно.

Он провёл меня назад в коридор и в главную зону. Мы миновали лестницу и направились к двери посреди стены. Что бы ни находилось за характерной резной дверью из массива дерева, это должно было быть особенным.

— Хочешь увидеть мой зал переговоров? Девушкам вход воспрещён, но я дам тебе взглянуть, — поддразнил Рок.

Я хотела обидеться, но любопытство заставило меня держать рот на замке, когда он завёл меня внутрь. Комната была в действительности как зал переговоров. Или байкерская

версия зала переговоров: огромный, заставленный бутылками деревянный стол, потёртые кожаные кресла. Кресло во главе больше походило на трон, и вдоль верхней его части вырезали слово «Президент».

Я вздёрнула бровь, глядя на Рока, а он пожал плечами.

— Идея последнего президента. Типа «трон короля».

О, да. Я догадалась, что смысл был в этом. С другой стороны его «трона» большой экран телевизора, частично покрытый чёрной кожей, и тот занимал пространство в конце комнаты. Рок вывел меня из зала и проводил к другой двери.

— Эту рабочую зону мы делим с другими членами команды. В ней нет ничего особенного.

После этого мы прошли к лестнице, и я последовала за ним наверх. Первая лестничная площадка была широкой настолько, что смогла вместить винтажный мотоцикл. Фотографии клуба на протяжении многих лет рядами выстроились на стене. Я пыталась найти на них лицо Рока, чтобы понять, сколько лет он является членом МК, но мы слишком быстро их прошли. Однажды я хочу сесть и изучить все эти фото, и не спрашивайте меня почему.

Вместо номеров на дверях я вижу слова и имена на каждой из них. «Свободная» указано на комнатах, находящихся ближе всего к лестнице. Ещё там была просторная ванная, как в общежитии, в конце левого коридора. Рядом с ней находилась маленькая прачечная, и невольно я задумалась о том, что, кто бы ни продумывал планировку, он был очень смыслёным, чтобы разместить ванную рядом с прачечной, дабы не таскать кипы грязного белья вверх и вниз по лестнице.

Рок повёл меня направо. В конце надписи сменились с «Свободная» на слова типа «Гость», «Семья», «Капитан Дорог», «Казначей», «Вице-Президент», и в самом конце коридора — «Президент». Я заметила, что на последних пяти дверях стояли засовы. Рок вытащил ключ и открыл свою дверь.

Я должна была нервничать. Должна была ощущать неправильность, входя в комнату, которая, в сущности говоря, являлась спальней Рока. Но меня толкало лишь моё любопытство. Будет ли эта комната отвратительной пещерой извращенца или элегантным оазисом джентльмена?

Ничего из этого. Или, может, понемногу от одного и второго. Кровать королевского размера доминировала у задней стены. Постельное бельё было чёрным. Чёрное стёганое одеяло, чёрно-бело-серые простыни с изящным узором в виде завитушек, и на них были разбросаны подушки ещё более насыщенного чёрного цвета. Ящики встроены в каркас кровати. У него были всего одна прикроватная тумбочка и большой плазменный телевизор на стене. Дверь направо от меня вела в ванную. В изножье кровати стояла оттоманка. Какой-то предмет мебели странной формы стоял перед телевизором, и, насколько я знала, то, что было принято мной за кресло для видеоигр, могло с таким же успехом оказаться какой-то изысканной мебелью для секса.

— Ты здесь живёшь?

— Нет, но провожу много времени.

— Здесь мило.

«Сколько женщин составило ему компанию в этой кровати?»

Рок.

Понадобилось немало самоконтроля, чтобы вывести Хоуп из своей спальни. Я не мог

даже придумать причину, по которой привел её сюда. Хотя, казалось, её это не волновало. Если уж на то пошло, она казалась слегка очарованной.

— Мне стоит вернуться. Семья будет спрашивать, что со мной произошло.

Я знал, что она была права, но не хотел, чтобы Хоуп уезжала. Для неё всё было таким сложным, и я не был уверен, когда увижу её снова.

— Конечно.

Думая, что лучше не усугублять агонию, я выбрал кратчайший путь к её дому. Сумерки поглотили практически всё, и я сфокусировался на дороге, чтобы избежать оленя-самоубийцу, который мог внезапно выпрыгнуть на середину дороги. Красные огни и сирены прервали нашу мирную поездку. Я проглотил поток ругани. На мгновение подумал обогнать шерифа — просто веселья ради — но не с Хоуп у меня за спиной. Остановился и почувствовал, как она выровнялась, чтобы я мог удержать баланс при резком торможении.

Я упёрся ногой в землю и оставил руки на руле, где коп мог бы их увидеть. Мягкий хруст гальки под его ботинками сообщил мне, что он с осторожностью приближался к нам. Я продолжал смотреть перед собой, готовясь ко всему, в чём он мог бы меня обвинить.

— Добрый вечер, сэр. Есть идеи, почему я вас остановил?

— Не-а. Почему бы вам просто не сказать мне? — я ненавижу игры с копами.

— На вас нет шлема. В штате Нью-Йорк действует закон о ношении шлема, сэр.

Хоуп, наверное, начала переживать, что я буду и дальше спорить с копом.

— Это моя вина, офицер. Я внезапно попросила его отвезти меня домой, и он отдал мне свой шлем.

Коп обратил свой пронзительный взгляд на Хоуп, и всё его лицо озарила улыбка.

— Я знаю вас. Вы иногда работаете с Барри Хансеном, так ведь?

При воспоминании имени другого мужчины, который связан с моей девочкой, меня заполнила внезапная ревность.

— Да, — ответила она.

— Он очень хорошо о вас отзывается. Говорит, что как адвокат вы лучше, чем он.

Тело Хоуп напряглось, но её голос прозвучал ласково и вежливо:

— Это очень приятно слышать. Спасибо.

Он метал свой взгляд между мной и Хоуп.

— Ладно. Поскольку ценю то, что вы пытались уберечь молодую девушку, я отпущу вас с предупреждением. Но позаботьтесь о дополнительном шлеме, сэр.

Похоже, связи Хоуп только что уберегли меня от ещё одной записи в моей криминальной истории.

— Непременно. Спасибо, — произношу я без запинки.

— Благодарю, офицер, — повторяет Хоуп.

Убедившись, что она в безопасности за моей спиной, я завел байк и сорвался с места. Поворот на её улицу появился очень быстро, и я боролся с желанием поехать дальше. Прежде чем я был готов отпустить её, мы уже находились на подъездной дорожке. Большинство машин уже не было.

— Ты можешь припарковаться возле дома, — прокричала Хоуп.

Это не показалось мне лучшей идеей, но с ней я спорить тоже не собирался.

Я заглушил байк и припарковался возле задней двери. Хоуп слезла и стала возиться со шлемом. Мне пришлось подавить улыбку, пока она боролась с тем, чтобы разобраться, как его снять. В конечном итоге я освободил её и положил шлем себе на бедро. Она тряхнула

волосами, и я заметил, что они стали немного короче, чем были в прошлом году. Хотя до сих пор такие же прекрасные, какими они мне запомнились, и я бы отдал почти всё, чтобы пробежаться по ним пальцами или просыпаться каждый грёбаный день, зарывшись в них носом.

— Спасибо, Рок. Спасибо, что отвлёк мои мысли ненадолго.

Её губы дёрнулись, когда она с трудом произнесла последние несколько слов, и моё обычно холодное сердце начало с силой стучать из-за неё. У неё впереди мучительный путь скорби, и я немногим мог здесь помочь. Я хотел от неё кое-что, что, знал, Хоуп не могла мне дать в данный момент.

— Всегда пожалуйста, Хоуп. Если тебе что-нибудь понадобится, позвони мне, — я вынул карточку и нацарапал свой номер на обратной стороне. Не могу описать словами, как сильно хотел, чтобы она воспользовалась им. Когда будет готова.

Она взяла карточку, пялясь на неё мгновение, прежде чем спрятать её в передний карман куртки.

— Спасибо.

После она развернулась и направилась в дом.

Один год.

На её подъездной дорожке я принял решение.

Один год скорби. Потом я вернусь, чтобы сделать эту женщину своей.

Часть 2

Глава 8.

(Восемь месяцев спустя)

Хоуп.

Выскользнув из постели, я некоторое время плююсь на дверь ванной. Моя грудь всё ещё поднимается и опадает с каждым тяжёлым выдохом. Мимолётный взгляд на часы — сейчас три ночи. Мне даже не нужно было смотреть. Мрак вокруг меня такой знакомый, что теперь я уже с лёгкостью могу догадаться, который сейчас час.

Каждый день словно наказание за жизнь, пока Клэй лежит в земле. Мне хочется спать. Это всё, что я хочу делать. Весь день, каждый день. Сон уводит меня от мук одиночества.

Протянув руку, я копошусь с прикроватной лампой. Чёртова вещичка выглядит красиво, но она бесполезна. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы найти выключатель и щёлкнуть по нему. Благодаря слабому освещению наша спальня ожила. Я едва ли прикасалась к «стороне Клэя» в комнате с тех пор, как он умер. Не могу вынести этого.

Я солгала Софи о моей матери и отчине, которые находились рядом, чтобы помочь мне. Мою мать нельзя было назвать заботливой уже около двадцати лет, и никаким магическим образом она не собирается становиться такой сейчас. Всю свою скорбь я несу сама и не могу переложить бремя на кого-нибудь ещё, даже на мою лучшую подругу. Сестра Клэя заезжала, чтобы покритиковать меня. В итоге ей стало скучно, и она уехала окончательно.

Перебирая его вещи, я обнаружила, что он оформил очень крупную страховку, когда мы поженились. Это и плюс то, что он умер во время работы, означало, что мне не нужно возвращаться к юридической практике, если я не хочу. После такой долгой борьбы за

финансовую независимость деньги кажутся какой-то потусторонней шуткой. Мысль о том, что они появляются при самом худшем повороте событий, сама по себе очень трагична.

Я выползаю из горе-оцепенения по мужу достаточно долго, чтобы погасить кредит за машину Клэя, продать мою старую развалюху, выплатить закладную на дом и свои студенческие ссуды. После у меня больше не остаётся долгов, так что я вольна зарыться с головой под одеяло и позволить миру продолжать вертеться без меня. Я плачу за электроэнергию, когда мне присылают яркие жёлтые уведомления, в которых речь идёт о том, что её отключат. Кабельное телевидение не работает, а я даже не замечаю этого несколько недель. Страховка автомобиля и баланс сотового телефона списываются непосредственно со счёта уже несколько лет. Не то чтобы это имело значение — я почти не выхожу из дома.

Друзья звонили, чтобы проверить меня, но спустя некоторое время прекратили. Наверное, потому что со мной неприятно разговаривать и потому что я не перезваниваю. Я отклоняю любые приглашения, и в итоге люди прекращают меня беспокоить.

Я так чертовски сердита. Я зла на Клэя, но не могу, потому что это не его вина. Он даже убедился в том, что со мной всё будет в порядке, если что-нибудь подобное случится. Это тоже хорошо, потом что я в замешательстве. Он хорошо меня знал. Он знал, как тяжело мне было, когда, будучи подростком, я перебиралась из одной наводнённой крысами квартиры в другую, потому что моя мать не могла взять себя в руки после смерти отца. Я поклялась, что никогда не буду так жить; это и было одной из причин, почему мы с Клэем так тяжело работали.

Один день перетекает в другой, и прежде чем я могу осознать, неделя сменяет неделю. Я едва ли ем. Едва ли вылезаю из постели. Боль безжалостна. Я почти хочу начать пить, чтобы унять агонию. Всё говорю себе «завтра». Завтра я что-нибудь сделаю. Вернусь на работу? Схожу в бакалейную лавку? Помою голову? Завтра я что-нибудь сделаю. Я просто не знаю, что значит это «что-нибудь».

Так я существую месяцами. Однажды в полдень ко мне внезапно заезжает Софи. Дорогая, милая, терпеливая Софи, которая просто не может понять намёков и оставить меня нахрен в покое. Взгляд на её лице говорит мне, в каком ужасном я состоянии, когда она меня находит.

— О, милая.

Мне настолько всё равно, что я не смущаюсь.

Она готовит простой обед из спагетти. Это первая настоящая еда, которую я ем за месяцы. Знаю, блюдо отличное, потому что она — замечательный повар, но я едва ли к нему прикасаюсь.

— Милая, тебе нужно сходить к доктору.

Стискаю зубы и отодвигаю тарелку.

— Я в порядке.

Она поджимает губы, но, благослови её душу, не давит на меня ещё сильнее.

После её визита я стараюсь немного усердней. На протяжении недели каждый день заставляю себя вылезти из постели до полудня. Первое путешествие в супермаркет оказывается шумным, ярким и вызывает желание свернуться в комок на полу. Когда затаскиваю продукты в пустой дом, я заливаюсь слезами.

Рок.

Я хочу проверить Хоуп, но также знаю, что ей необходимо пространство.

Один год.

Я сказал, что дам ей один год, но это самый долгий чёртов год в моей жизни.

В МК не хватает суеты прошлого года. Прибыль повсюду отличная. Даже при плохой экономике или, точнее, из-за плохой экономики люди отчаянно ищут способы скрыться от мира. Мой клуб многим предоставляет такую возможность.

Из-за какой-то смехотворной причины я убеждаю себя, что не буду ни с какой другой женщиной, пока Хоуп не станет моей. Полагаю, хочу увидеть, создан ли я всё ещё для моногамии? Я не хочу тратить её или моё время, если не смогу научить контролю свой член. Кроме того, думаю, она та девушка, которая оторвёт мой член, если когда-либо поймает меня с другой женщиной.

Во мне существует частичка, требующая отказаться от всех, если я не буду с Хоуп. Лишь из эгоизма к предвидимому будущему я не обсуждаю своё решение с любым из моих братьев, иначе они точно отберут у меня нашивку. Оно создаёт для меня море новых возможностей. Как только мой мозг избавился от мыслей о бесконечном параде доступных кисок, у меня появилось море времени, чтобы разобраться со всем дерьмом. Количество заказов в моём мотоциклетном бизнесе растёт. Я провожу много времени, тренируясь и боксируя в тренажёрном зале Рофа.

Странное чувство свободы — не позволять для разнообразия своему члену всё решать за меня.

Мой план мог быть напрасным. Насколько мне известно, Хоуп не трахает парней направо и налево, лишь бы облегчить свою боль. Но... Я знаю её. Её любовь сильна. Самый вероятный сценарий: она до сих пор распадается на кусочки после смерти мужа. Это одна из причин, почему я так сильно хочу её. Благородный парень внутри меня говорит, что года может быть недостаточно, чтобы она справилась со своим горем. Я игнорирую этого парня — он кретин.

Поспрашивав тут и там, я узнал, что она не вернулась к работе. Она полностью исчезла из поля зрения. Довольно странно, но я больше не езжу к её дому. Боюсь, буду не в силах остановиться и сделаю что-нибудь глупое, например, постучу в её дверь. Или украду её. Я оставил одного проспекта наблюдать за ней на расстоянии, чтобы убедиться в её безопасности.

За последние полгода или около того я кардинально сократил свою роль в «Хрустальном Шаре». Мне не хватает терпения с тех пор, как я связал себя этим причудливым обетом безбрачия, будучи окружённым горячими, обнажёнными, всё время готовыми трахаться и представляющими опасность цыпочками. Один или два раза в неделю я всё ещё провожу время в клубе, так как есть дела, которые требуют моего решения. Я выбираю самые оживлённые ночи, потому что понимаю, что так у меня не останется времени на искушение.

Однажды в «Хрустальный Шар» приходит интересный гость. Сначала я её практически не узнаю. Она такая охрененно горячая, что сначала я думаю, будто она пришла пробоваться на работу, но она и её парень занимают места в углу клуба. Множество пар приходит в «Хрустальный Шар» для того, чтобы добавить своего рода перчинки в их отношения. Обычно женщина выходит из себя и нервничает. Но не эта девушка. Также она не смотрит на танцовщиц с презрением. И выглядит уверенной в своих отношениях. Это не какая-то отчаянная попытка удержать своего мужчину.

Меня раздражает то, что она выглядит такой знакомой. Может, она бывала здесь ранее, но что-то не так. Я встречал её при других обстоятельствах. И потом я понимаю, что это подруга Хоуп, Софи. Сканирую чувака взглядом и понимаю, что он тоже выглядит знакомым.

«Как твоя рок-звезда?» — слова Хоуп всплывают в моей голове, и теперь понятно, почему он кажется мне знакомым. Он поёт в какой-то малоизвестной рок-группе. Чёрт, некоторые из девочек иногда даже танцуют под его песни.

Ноги несут меня в их направлении даже раньше, чем я успеваю подумать об этом.

— Софи, да?

Она поднимает голову, и на её лице тут же читается узнавание. Софи не улыбается, но и не говорит мне отвалить. Меня не сразу осеняет, но она не удивлена нашей встрече.

Девушка поворачивается к своему парню:

— Джонни, это друг Хоуп. Рок.

Джонни кивает, но не предлагает пожать ему руку, что меня совершенно не тревожит.

— Хоуп сейчас в плохом состоянии, — произносит Софи, не ходя вокруг да около. Эта девочка не промах, что я ценю.

Я подвигаю стул и сажусь за их столик. Одна из официанток — Уиллоу, полагаю — спешит к нам спросить, чего я хочу.

— Неразбавленный скотч, детка, — притягиваю её ближе и шепчу: — Всё, что они сегодня закажут, за счёт заведения, поняла?

Она бросает взгляд на пару, а потом снова смотрит на меня:

— Конечно, босс.

После того, как Уиллоу ставит передо мной напиток, я снова привлекаю её к себе:

— Пусть Лекси станцует под «Hold On», ладно?

Уиллоу — благослови её сердце — соглашается, хоть и выглядит сбитой с толку.

Когда она уходит, я киваю Софи:

— Представляю, насколько тяжело Хоуп.

— Нет. Не тяжело. Она не встаёт с постели. Не ест. Не разговаривает ни с кем из друзей. Я хотела уважать её желания и дать ей время на скорбь, но в итоге, выбравшись к ней в пятницу, нашла её в ужасном состоянии.

Меня угнетает услышанное, но я не уверен, чего от меня ожидает Софи. Я знаю, что *хочу*, чтобы она попросила меня сделать, но не собираюсь предлагать это первым.

— Где её семья? — спрашиваю я.

Софи издаёт смешок:

— От её матери нет толку. А помнишь её золовку (прим.: сестра мужа)?

Да, я помню суку, нывшую на похоронах так, будто всё вращается вокруг неё.

— Ладно, зачем ты говоришь мне это?

Софи вздёргивает подбородок и пронзает меня острым, но беззлобным взглядом:

— Не выводите меня, ладно? Тебе вообще есть дело до Хоуп? Если нет, скажи, и я придумаю что-нибудь ещё. Я не буду тебя судить.

Бросаю взгляд на Джонни. Хоть он и сосредоточен на происходящем на сцене, мне кажется, что его всё ещё интересует наш разговор.

Нахер это.

— Да, я переживаю за неё. Хотя мне кажется, сейчас неподходящее время, чтобы с этим что-то делать.

Она накручивает прядь волос на палец, пока выглядит так, будто раздумывает над тем, что сказать дальше:

— Я не говорю, что надо сделать ей предложение руки и сердца или что-то вроде того. Слушай, я знаю, что ты сделал для неё после похорон. Ты ненадолго освободил её разум от всего. Ещё я знаю, что произошло между вами двумя до этого.

Софи вновь пронзает меня своими пронцательными синими глазами, прежде чем слегка сместиться вправо и вздёрнуть бровями. Она сосредоточилась на том, что было коридором, ведущим в мой офис. Так что, наверное, Хоуп рассказала ей о нашем столкновении: обжигающем поцелуе, который я не могу выбросить из своей головы даже спустя полтора года.

Джонни опускает взгляд на мой прикид — особенную нашивку Президента — и накрывает ладонью руку Софи.

— Детка, — предупреждает он.

Тряхнув головой, я поднимаю ладони вверх:

— Всё в порядке, старик.

Вместе с приветствием из динамиков звучит «Hold On». Джонни испускает стон и трясёт головой.

— Блядь, — бубнит он. Софи издаёт несколько смешков.

Напряжение настолько крепко обвивает меня своими ручонками, что я не могу вытерпеть отвлечение, хотя сам и попросил о нём. Мы были близки к чему-то грандиозному, и мне нужно, чтобы Софи сосредоточилась на том, что её сюда привело.

— Что у тебя на уме, Софи?

Игнорируя дискомфорт своего парня, она наклоняется ко мне:

— Ты прав. Для неё это слишком рано. Но годовщина смерти через несколько месяцев, и я не хочу, чтобы она была одна.

Красивые красные губки Софи изгибаются в улыбке.

Что-то рождается в головке этой цыпочки, и я, блядь, ума не приложу, как работает её мозг.

Глава 9.

Хоуп.

Да благословят душу Софи, но она неумолима. Даже если брать во внимание её многочисленные командировки, нам удаётся выбираться на ланч почти каждую неделю. Между её визитами я чувствую себя будто на грани двух состояний, но со временем снова начинаю приходить в себя. Иногда в моём сердце появляется эта зияющая пустая дыра, и я не могу понять почему. Потом до меня доходит. Клэя больше нет.

Однажды, спустя несколько месяцев после того, как Софи впервые ворвалась в мою дверь, я ловлю себя на мысли о той сумасшедшей спонтанной поездке, которую мы совершили в штат Род-Айленд на День Труда в выходной, и улыбаюсь. Поскольку мы приехали туда во время праздников ни с того ни с сего, нам понадобилось несколько часов, чтобы снять комнату. Та, что мы наконец-то нашли, пахла несвежей морской водой, но нам было плевать.

Я достаю несколько фотографий, спрятанных мной после похорон. Воспоминания об историях, скрытых за каждой из них, вызывают у меня слёзы.

Жужжание телефона вырывает меня из моей меланхолии. Я снова начала включать его. Если я не делаю этого и Софи не может до меня дозвониться, она появляется на пороге моего дома. Или хуже: находясь за пределами города, она присылает своих друзей или *брата* проверить меня. В результате я поняла, что лучше оставлять чёртову вещицу включённой. Когда звонит моя подруга Мара, она потчует меня историями о своей малышке Коре, и от них я грустно смеюсь. Мы с Клэем так и не решили, хотели бы мы детей. Он бы стал потрясающим отцом.

Софи на другом конце линии. Прежде чем она затрагивает серьёзную тему, мы несколько минут болтаем о сверхъестественном.

— Милая, я знаю, что скоро годовщина его смерти.

Закрыв глаза, втягиваю воздух. Я боюсь четверга.

— Да, — выдыхаю я.

— Позволь мне пригласить тебя на обед. Ты не должна быть одна.

— Нет.

— Хоуп...

Даже Софи не сможет убедить меня изменить своё решение.

— Нет. Я ценю это, Софи, но в этот день мне нужно побыть одной.

Даже по телефону я могу сказать, что она недовольна моим ответом. Я делаю глубокий вдох.

— Но почему бы нам не сходить на «счастливый час» (прим.: вечернее время в баре, когда на выпивку действует скидка) в пятницу? — слова вылетают из моего рта прежде, чем я смогла передумать.

— Хорошо! Это здорово. Хочешь, я приеду и заберу тебя?

Хоть её офис и находится в десяти минутах от бара, куда мы обычно ходим на «счастливый час», Софи живёт в сорока пяти минутах езды в противоположном направлении. Просить её заехать за мной, а потом отвезти домой, будет за гранью наглости.

— Нее, всё нормально.

— Если передумаешь, дай мне знать.

Я и правда меняю своё решение раз пятьдесят до вечера пятницы. Четверг холодный и тёмный. Кажется подходящим для сидения на кладбище, чем я и занимаюсь.

Мне приходится объехать квартал пять или шесть раз, чтобы найти место для парковки перед баром «У Гамильтона». Вот почему я так чертовски ненавижу зависать в центре. Чувствую волнение, входя в бар, но, как только замечаю своих друзей в их обычном углу, мне становится лучше. Опасаясь, что приветствия будут выглядеть странно, я морщусь, как только мой друг Росс поднимается, чтобы уступить мне место. Но он просто обнимает меня.

— Здорово снова увидеть тебя, девочка, — шепчет он мне в волосы.

— Тебя тоже.

— Садись на моё место. Я собираюсь поболтать с Брайаном.

Я сажусь, и Софи тянется через стол и пожимает мою ладонь.

— Рада, что ты это сделала.

— Я тоже, — и я понимаю, что на самом деле имею это в виду.

Лилли машет мне и дарит широкую тёплую улыбку. За этим столом единственная, кто не является адвокатом, и ещё она одна из самых весёлых людей, которых я знаю. И это мягко

сказано. Она и Софи всегда дружили, так что на протяжении нескольких лет я весьма хорошо узнала Лилли. Девушка отпадная и безумно умная. Она заплатила за свою учёбу, работая стриптизёршей, и ни капли не жалеет. Она в поисках богатого мужа столько, сколько я её знаю, и об этом тоже не жалеет. Любовь к одноразовым интрижкам и плохим парням встаёт у неё на пути к её долгосрочной цели стать трофейной женой.

— Нам принесут кувшин маргариты, детка! — кричит Лилли. — Мара по-прежнему кормит грудью, так что она трезвый водитель.

Мара посылает Лилли на три буквы и наклоняется, чтобы крепко меня обнять. Она выглядит фантастически, и я оглядываю свои поспешно надетые джинсы и блузку. Поскольку почти год прожила в основном на диете из воды и воздуха, я весьма поубавила в весе. Я не замечала этого, пока не попыталась найти что-нибудь для сегодняшнего вечера. Волосы тоже пострадали. Я больше года не была у стилиста. Чёлка уже отросла, всё остальное также превратилось в длинный, дикий беспорядок. Макияж оказался пустой тратой времени, так что я не заморачивалась. Глядя на друзей, я начинаю жалеть, что сегодня не приложила больше усилий к своему внешнему виду. Но я уже здесь, и это стало большим шагом, так что, мысленно похлопав себя по спине, отбрасываю беспокойство подальше и пытаюсь вникнуть в разговор.

После второй маргариты я пьянею. У меня вообще никогда не было высокой устойчивости к алкоголю, поэтому два напитка сильно бьют по мне. Мы заказываем еду, и я осознаю, что истекаю слюной от мысли о тарелке знаменитых начос Гамильтона с начинкой. Это первый раз за долгое время, когда мне есть дело до еды, и это удивляет меня. Стоит отдать должное алкоголю.

Рок.

Бар для яппи (прим.: молодые состоятельные люди, ведущие построенный на увлечении профессиональной карьерой и материальном успехе активный светский образ жизни. Яппи имеют высокооплачиваемую работу, в одежде предпочитают деловой стиль, следят за модой, посещают фитнес-центры. Основным критерий принадлежности к «яппи» — успешность в бизнесе), в котором сидим мы с Зеро, именно тот тип мест, которых я обычно избегаю. Нас окружают молодые городские профессионалы с их противными разговорчиками, и мне хочется впечатать кулак в стену. Как только я вошёл сюда, Зед забавляется и наслаждается моими страданиями.

Хотя момент, когда я замечаю появление Хоуп, того стоит. Она не замечает меня на втором этаже, но я всё равно её вижу. Меня передёргивает от того, насколько она исхудала. Её сливочная кожа бледная, за исключением тёмных кругов под глазами. Одежда почти поглотила её, и обычно блестящие волосы висят беспорядочно и прилизанно. Она по-прежнему прекрасна, и я всё ещё хочу её так чертовски сильно, что становится больно.

Один из парней за столом Софи встаёт и обнимает её. Похлопывает по спине и шепчет что-то на ухо, пока находится рядом. Мои кулаки сжимаются под столом, когда я вижу, как он нависает над моей женщиной. Но, когда вижу, что он отходит пофлиртовать с барменшей, мне удаётся их разжать.

— Твоя девочка уже здесь, — произносит Зеро.

— Да, она здесь.

— Собираешься поговорить с ней или будешь здесь всю ночь стоять как пень, пуская слюни на её упругую попку?

— Пока нет, — я бросаю на него взгляд. — И держи свои глаза подальше от её задницы. Он пожимает плечами и потягивает свою «Корону».

Софи сказала, что напоит Хоуп, так что у меня будет оправдание, чтобы отвезти её домой, и, как я вижу, её план работает слишком хорошо. Кажется, моя девочка не очень справляется с алкоголем.

Мы оплачиваем счёт, но остаёмся на том же месте. У Зеро появляется интерес к одной из подруг Хоуп, но, поскольку мы пока не знаем её имени, он просто продолжает называть её «Большими Сиськами». Часть меня надеется, что, когда мы чуть позже спустимся вниз, он скажет ей это в лицо и она долбанёт его коленом по яйцам.

Спустя две маргариты Хоуп стеклянными глазами пялится в окно. Софи поднимает голову и колко смотрит на меня, и я понимаю намёк, что пора спустить свою задницу вниз.

— Идём.

Мы бредём вниз по лестнице, и я подавляю ухмылку от того, как люди пытаются поскорее убраться с нашего пути. Нас легко можно назвать самыми крупными парнями в баре и, безусловно, единственными, у кого есть нашивки. Это самое отдалённое от клуба байкеров место, которое я могу только представить, и клиентура не знает, что с нами делать. Поскольку Хоуп сидит ко мне спиной, Софи неистово машет нам поверх её головы.

— Эй, Рок! — кричит она. Хоуп не единственная, кого уносит туман от текилы.

Когда подхожу ближе к их столику, я замечаю реакцию Хоуп в окне, к которому она сидит лицом. Её глаза расширяются, когда она видит, что я приближаюсь. Она оборачивается и пялится на меня со слегка приоткрытыми розовыми губами. Я борюсь с тем, чтобы не наброситься на этот ротик и не унести её отсюда, закинув на плечо подобно злодею из комиксов.

По какой-то необъяснимой причине она встаёт и протягивает мне руку. Не для пожатия, а в некотором спасительном смысле. Этот жест сокрушает меня, и я, как идиот, стою там пару мгновений, прежде чем оборачиваю своими пальцами её.

— Что ты здесь делаешь? — её голос с придыханием дрожью проносится по мне.

Не могу придумать ни одной нормальной причины, почему мы могли бы оказаться в таком месте, поэтому я колеблюсь.

— Просто были поблизости и проголодались. Как дела, Хоуп? — вмешивается Зеро.

Её глаза расширяются, и она выгибает шею, чтобы посмотреть на него. Я не могу вспомнить, знакомы ли они официально, и думаю, даже в тумане алкоголя Хоуп это понимает.

— Кто твои друзья, Хоуп? — спрашивает Большие Сиськи.

Хоуп трясёт головой и поворачивается к своей компании.

— Рок, ты уже встречал Софи. Это Лилли и Мара, Росс возле бара. Ребята, это мой бывший клиент Рок и...

— Зед, — участливо добавляет он.

Глаза Хоуп будто стеклянные, щёки заливаются румянцем, и она слегка пошатывается на своём месте.

— Леди, как много вы выпили? — интересуюсь я.

Мара изгибает губы в самодовольной улыбке:

— Я — ни капли. Эти сучки заставляют меня развезти их по домам.

Зед фыркает. Софи подмигивает мне не так незаметно, как хотелось бы. Мой выход:

— Хоуп, я еду в твою сторону. Могу подкинуть до дома.

— Нет, я не могу оставить свою машину здесь.

— Куколка, ты не можешь сесть за руль в таком состоянии. Я найду кого-нибудь, кто пригонит твою машину.

— Куда направляешься, сладкая? — обратился Зед к Лилли.

Должен признать, я слегка раздражён тем, что он не использовал для неё то прозвище. Она как бомба.

Лилли вскидывает голову, и уголки её рта приподнимаются, образуя соблазнительную улыбку. Зед точно полностью займётся ею.

— Ты собираешься подвезти меня аж до Лейк-Джордж? — спрашивает она хриплым голосом.

— Дерьмо. Я не собираюсь везти тебя аж туда. Думала оставить тебя у Софи, — бурчит Мара.

— Я отвезу, — Зеро отвечает с такой скоростью, что это почти комично.

— Софи, ты можешь остаться в нашей гостевой, — предлагает Мара.

— Ага, конечно, — бормочет Софи. Она занята наблюдением за Хоуп и мной.

— О, привееет, джентльмены, — парнишка вернулся от барной стойки и теперь смотрит на меня и Зеда.

Мара хватается его руку и тащит к себе:

— Росс, это Рок и Зед, друзья Хоуп.

Он кивает нам и наклоняется прошептать что-то на ухо Маре, заставляя её хихикать.

Время для того, зачем я сюда пришёл.

— Хоуп, ты хочешь поехать сейчас, или я могу вернуться и забрать тебя...

— Нет, я готова, — она встаёт, шатаясь, и я поддерживаю её.

Я тяну Зеда в сторону:

— Прежде чем на твоём члене окажется чья-то влажность, позвони Дексу и скажи ему прислать проспекта, чтобы тот забрал машину Хоуп. Пусть подгонит её к клубному дому и оставит ключи на моём столе.

Его взгляд скользит по Лилли, но он кивает как маленький послушный ВП:

— Без проблем.

Обхватив рукой талию Хоуп, тяну её к двери. Никакого сопротивления. Она прижимается к моему боку и позволяет мне подвести её к байку.

— Думаешь, нормально себя чувствуешь для поездки?

Она слегка покачивается и шепчет:

— Я не знаю.

— Чувствуешь, что тебя стошнит?

— Нет.

— Ладно, если почувствуешь, хлопни по спине, хорошо?

Она кивает один раз. Я выуживаю шлем и надеваю его на неё. Хоуп выглядит так чертовски восхитительно, что мне до безумия хочется её поцеловать.

Когда я надеваю свой шлем, по её губам скользит слабая улыбка:

— Ты купил ещё один, чтобы нас снова не остановили?

Сердце сжимается у меня в груди.

— Да, куколка. Купил.

Хоуп.

Каким-то образом ночь заканчивается для меня поездкой на заднем сидении байка Рока. Как ему удаётся возникать из ниоткуда? Мозг всё ещё купается в текиле, и моё внимание в основном сосредоточено на том, чтобы держаться за свою жизнь и не блевануть. Рок обещал, что позаботится о машине. Я доверяю ему, но это доверие смешано с мыслью а-ля «я настолько пьяна, что мне плевать». Твёрдое тело Рока согревает меня. Оно и толстовка с капюшоном, которую он накинул мне на плечи перед тем, как мы тронулись. Она поношенная, мягкая и пропитанная его запахом. Упругий живот Рока пружинит под моими ладонями, когда он выруливает из центра. Разжав кулаки, я распластываю ладони на его прессе. Мягкая ткань футболки останавливает моё изучение. Могу ли я сунуть руки под его футболку, не будучи слишком очевидной? Мы разобьёмся, если я это сделаю?

Он направился к моему дому, но это последнее место, где мне хочется оказаться прямо сейчас. Он высадит меня. Может, проводит к двери, и кто знает, когда я снова увижу его?

— Рок? — выкрикиваю я, надеясь, что он услышит меня сквозь ветер.

— Ты в порядке, куколка? Нужно остановиться?

Господи, я такая жалкая бестолочь. Он думает, мне нужно выблеваться.

— Я в порядке. Не вези меня домой, — он ничего не говорит, поэтому повторяю свою просьбу: — Я не хочу ехать домой! — перекрикиваю рычание двигателя.

— А куда?

Я обнимаю его крепче бёдрами и руками.

— Куда угодно.

Мы продолжаем ехать, и в итоге я кладу подбородок на его плечо и закрываю глаза. Не то чтобы я заснула, ибо не хочу вылететь из байка на кочках на дороге, но гул байка постепенно убаюкивает меня.

Байк останавливается.

— Хоуп, ты не спишь?

Он подъезжает к стене. Перед нами оказывается центр его МК, клубный дом, да без разницы. По животу проносится дрожь. Картина его спальни вспыхивает у меня в памяти. Не думаю, что я готова к этому.

— Я не смог подумать о другом месте, куда можно поехать так поздно, — объясняет Рок.

Я ослабляю хватку на его талии и слезаю. Рок выдвигает подножку и встаёт с байка. Парковка забита машинами и ещё большим количеством мотоциклов. Пульсирующую музыку и радостные голоса можно услышать даже отсюда. Он направляет меня внутрь, прижав руку к моей пояснице. То, с какой уверенностью он ведёт меня, заставляет чувствовать безопасность и защиту, какие я никогда до этого не ощущала. Я так заморачивалась с тем, чтобы сделать свою жизнь независимой, что никогда и никому не позволяла защищать себя.

Люди выкрикивают Року приветствия, когда мы входим внутрь. Несколько парней кивают мне. Множество полуголых девиц смотрят на меня с презрением. Я тут же чувствую себя не в своей тарелке. Во-первых, на мне слишком много одежды — слишком. Я не уверена, чего Рок ожидает от меня сегодня. Даже не уверена, чего сама от себя ожидаю.

Он наклоняется, чтобы произнести мне на ухо:

— Ты голодна?

Я качаю головой. Всего лишь устала до мозга костей. Рок убирает прядь волос с моей щеки, но его пальцы медлят. Не думая, я лгну к его прикосновению и закрываю глаза.

— Не можешь справиться с алкоголем, да? — спрашивает он дразнящим приглушённым тоном.

Нет смысла отрицать очевидное:

— Да.

Он берёт мою руку и тянет меня вверх по ступенькам.

— Идём, сможешь проспаться.

Маленькие бабочки просыпаются и пляшут у меня в животе, и пробудил их не алкоголь. Шум снизу исчезает, как только мы минуем лестничную площадку. Появляются новые звуки. По крайней мере половина комнат здесь используется по назначению. Мы проходим мимо открытой двери, и я не могу удержаться, чтобы не уставиться на двоих парней и девушку внутри. Она объезжает одного из них, пока её губы плотно обёрнуты вокруг члена второго, стоящего перед ней. По моему телу проходит волна жара от этого вида. Никогда не видела ничего столь эротичного с такого близкого расстояния. Я чувствую возбуждение, но моя реакция смущает. Рок замечает, что я остановилась, и возвращается на пару шагов назад.

— Ублюдки, вы научитесь закрывать дверь? — рычит он, хватаясь за ручку и захлопывая дверь. — Прости, Хоуп.

Рок снова берёт мою руку, но останавливается посмотреть на меня. Мои щёки пылают ещё сильнее, и я знаю, что лицо, наверное, того же цвета, как и серединка арбуза.

— Ты хотела понаблюдать за ними, детка?

— Н...нет, — заикаюсь я.

— Хотела к ним присоединиться?

— О господи! Нет.

Он хохочет из-за моего девчачьего ответа и тянет меня по коридору к своей комнате. Она почти такая же, какой я её помню, только простыни на этот раз красные. Я отталкиваю воспоминания о своём последнем визите.

Похороны Клэя.

Похороны Клэя.

Слова продолжают рикошетить в моей голове. Я не могу вытряхнуть их или заставить остановиться. Прижимаю пальцы ко лбу, желая некоторой внутренней тишины. Голос Рока врывается в моё сознание:

— Хоуп? Ты в порядке? Хочешь воспользоваться ванной?

Как только оказываюсь в ванной, я сбрызгиваю лицо водой. В зеркале вижу лишь один фильм ужасов. Волосы посеревшие и растрёпанные. Щёки румяные, но остальная кожа отвратительно бледная. Под глазами глубокие тёмные круги. Прошло немало времени с тех пор, когда я в последний раз заморачивалась, чтобы посмотреть в зеркало и действительно увидеть себя. Рок, наверное, считает меня жалкой. Со всеми этими красивыми, вожделеющими девушками, шатающимися у лестницы, причина, почему он тратит время на пьяную потрёпанную вдову, остаётся выше моего понимания. Может, просто надеется, что я отключусь, тогда он смог бы пойти вниз и попытаться счастье. Не могу винить его.

Я едва не ударяю его дверью, когда открываю её. Он ожидает меня и помогает добраться до кровати. Гравитация берет своё, и я плюхаюсь задницей на матрас. Моё тело падает, и голова утопает во взбитых подушках, пахнущих чистотой. Где-то в угасающем разуме мой внутренний невротик говорит мне, что это плохая идея и что я опрометчива и глупа. Но остальная часть меня знает — Рок никогда не причинит мне вреда. Я уже сползаю по стене сознания, когда чувствую, как он поднимает одну из моих ног, снимает ботинок, а

затем проделывает то же самое с другим. Натягивает на меня тёплое мягкое одеяло.

«*Не уходи. Не уходи*», — пробегает в моём мозгу, но я не могу заставить свой рот вымолвить эти два слова. Я так устала быть одна.

Но в итоге слова достигают языка, и мне удаётся их озвучить.

Рок.

— Не уходи.

Два простых слова, но она шепчет их с такой болезненной грустью, что я примерзаю ступнями к полу. Я не собираюсь оставлять Хоуп одну. Я ждал этого момента со дня нашего знакомства. Конечно, в моих многочисленных фантазиях она не отключалась, будучи пьяной. Или не горевала до сих пор о своём муже. Но я непривередливый парень. Я заберу свою девочку, когда смогу получить её. С деталями мы разберёмся позже.

— Я здесь, Хоуп.

Она не отвечает. Лёгкое похрапывание говорит мне о её отключке. Настолько тихо, насколько только могу, я готовлюсь ко сну. Она лежит на покрывале, но я укрываю её одеялом. Ей будет достаточно тепло. Стараясь не толкать её, я устраиваюсь под одеялом на другой половине кровати. Я плююсь в потолок, просто слушая её дыхание рядом со мной. Но что я на самом деле хочу сделать, так это сгрести Хоуп в свои руки, но не уверен, как она это воспримет. Я имею в виду, в *моей* голове Хоуп принадлежит мне, но *она не* знает о моём сумасшедшем утверждении прав на неё.

Она хнычет и толкается во сне. Думая, что она успокоится, я жду. Когда её хныканье превращается в плач, я не могу этого выдержать. Перекатываюсь и прижимаю её к своей груди. С одеялами между нами она в безопасности от всех порочных вещей, которые я хочу с ней проделать. Пока что. Хныканье прекращается, и она снова начинает слегка похрапывать. В конечном счёте я принимаю удобное положение и отправляюсь за ей в небытие.

Хоуп.

Ещё даже не проснувшись окончательно, я знаю, где нахожусь. В руках Рока. Я не уверена, как и где это произошло, но меня это не тревожит. Его знакомый, успокаивающий запах окутывает меня. Моя безвкусная одежда прилипла к телу, а во рту такой привкус, будто я ела киви со шкуркой. Пытаюсь вывернуться из его объятий, но его хватка только крепнет. Когда барабанная дробь в моей голове утихает, морщусь и ёрзаю, пока не встречаюсь с ним лицом и лицу, и, чёрт возьми, я потрясена.

Вблизи его расслабленное во сне лицо почти прекрасно. Мой взгляд задерживается на щетине вдоль его подбородка, и у меня руки чешутся от желания прикоснуться к нему. Затем ко мне приходит понимание, что нет ни единой причины, почему я не могу так сделать. Как только высвобождаю руку для этого, я задеваю его тёплый живот. Тогда и осознаю, что он голый по пояс, а мой язык умирает от желания протанцевать по его коже. Я видела проблески его татуировок прежде, но такого близкого, беспрепятственного вида у меня ещё ни разу не было, и я понятия не имела о тату, украшающей его грудь.

Не раздумывая, я веду рукой по словам, изгибающимся прямо под его ключицей. «*Strength from Loyalty*» (прим.: *Сила в верности*). Мой указательный палец движется к пиратскому кораблю, рисунок которого покрывает его грудь и большую часть живота. Он большой и изображён в деталях, вплоть до вздымающихся парусов, текстуры древесины и флага с черепом и перекрещёнными костями. Тёплая ладонь Рока обхватывает моё запястье,

прерывая изучение.

— Мне щекотно, куколка, — произносит он хрипловатым, по-утреннему грубым голосом.

— Прости, — сама идея, что Року может быть щекотно, заставляет уголки моего рта дрогнуть. — Я никогда прежде не видела таких татуировок вблизи.

Он потирает рукой жёсткие, расписанные мышцы живота, когда смотрит вниз.

— У твоего мужа не было татуировок?

— Боже, нет, — я понимаю, что звучу осуждающе, чего не имела в виду.

Он вздёргивает бровь.

— А у тебя есть?

— Нет.

Его губы изгибаются, и он поднимает руку, замирая на середине движения:

— Однажды я расскажу тебе истории, которые скрываются за каждой из них.

Мне это нравится, но любопытно уже прямо сейчас.

— Что такое «Сила в верности»?

— Это девиз «Потерянных Королей». Если ты верен клубу, тебя не сломить.

Я обдумываю это:

— Так каждый в клубе доказал свою верность каким-то образом?

— Можно сказать и так. Мы прикрываем спины друг друга. Уверен, что любой из братьев бросится под пулю ради меня, и я сделаю то же самое.

— Броситься под пулю?

— Перейди дорогу одному и перейдёшь дорогу всем.

— Звучит опасно.

— Так и есть, — произносит он легко, и я не уверена, как это понимать.

Позволяю своему взгляду бродить по его рукам. Его восхитительно сложенным рукам.

— Всё ещё чувствуешь усталость?

Вздвогнув из-за того, что он поймал меня на подглядывании, я слабо оправдываюсь:

— Лишь проверяю, сколько женских имён вытатуировано на тебе.

Он фыркает:

— Ни единого. Мой отец чернилами написал на себе имена трёх разных сучек, когда мне ещё не исполнилось и четырнадцати. Я сказал себе, что никогда не совершу подобную ошибку.

Моя челюсть падает вниз от того, как он произносит «сучек», но, кажется, его это не задевает. Ха.

Как только мне удаётся высвободиться, я скатываюсь с кровати и направляюсь в ванную. Там я тоскливо смотрю на душ. Как бы хотелось, чтобы магическим образом у меня появилась чистая одежда. Умываюсь так хорошо, как могу. Пробуждение рядом с Роком воскресило во мне беспокойство и выбило из колеи. Желудок скручивается в узлы, а пульсация чуть ниже затрудняет способность фокусироваться. Это было так давно, что я даже не уверена, работают ли ещё мои девчачьи штучки. Как и прошлой ночью, Рок ждёт у двери ванной, когда я выхожу.

— Я прихватил тебе кое-какую одежду из ящика с забытыми вещами. Она чистая. Не переживай. Ничего особенного, но я подумал, ты захочешь принять душ или что-то типа того.

То, что он вручает мне, оказывается чёрными штанами для йоги и узкой розовой

майкой. Они пахнут чистотой, но я не уверена, что мне будет комфортно показаться в таком. Хотя я всё равно это сделаю, потому что тронута его милым жестом.

— Спасибо.

— Не спеши.

Я тороплюсь в душ, чтобы скорее вернуться к Року. У него не особо много принадлежностей для ухода: какой-то простой мужской гель для душа и шампунь два-в-одном, которым при обычных обстоятельствах я бы в жизни не намылила свои волосы. Хотя это всё не имеет значения. Сейчас я здесь с ним и не хочу терять ни секунды нашего времени, потому что я не уверена в том, сколько его у нас осталось. Глядя вниз, понимаю, как давно не брила ноги. Много времени прошло с тех пор, когда я думала о своём внешнем виде. Я колеблюсь. Какая разница. Я ведь не планирую показывать Року свои ноги. Так ведь? Заметив бритву и какой-то крем для неё, я быстренько справляюсь со своей проблемой. Не идеально, но, по крайней мере, если по какой-то странной причине он увидит мои ноги, не станет звонить на новостной канал TMZ с информацией о поимке йети.

Выпрыгнув из душа, я вытираюсь полотенцем за рекордно короткое время. Мысль о том, что мне придётся натянуть на себя те же трусики, вызывает отвращение, так что я надеваю чёрные штаны для йоги без них. Без лифчика пойти не могу, так что скольжу в него, а после и в майку. Ощущение от одежды такое, будто я голышом, но, поскольку здесь нет зеркала в полный рост, дабы убедить меня в обратном, я представляю, что ничего не выставлено напоказ. Я и так пряталась здесь очень долго.

Рок сидит на краю кровати и смотрит на дверь ванной, когда я выхожу. К сожалению, он надел рубашку. Я вроде как собиралась исследовать все его тату. Он просто сидит там и пристально смотрит, поэтому мою кожу пощипывает под таким взглядом. Даже если в комнате тепло, я содрогаюсь и быстро провожу руками по предплечьям.

— Чёрт, здесь недостаточно тепло для тебя. Можешь взять одну из моих рубашек, — он подскакивает с кровати и открывает ящик комода. Края его поношенных джинсов прикрывают пятки, и я не могу избавиться от мысли, что даже ступни у него сексуальные. — Вот, куколка.

Он передаёт мне голубую рубашку и возвращается на кровать. Полустёртые серые буквы «LOKI» написаны поперёк футболки. На спине — обесцвеченный череп в короне.

— Твой клуб что, занимается продажами?

Он подавляет смешок:

— Ага, типа того. В некоторых местах мы не можем носить наши цвета, но мы всё равно хотим, чтобы люди знали, кем мы являемся, так что...

— Цвета?

Он рисует воздушный круг у себя на груди.

— Жилет с нашивками, — объясняет он.

— Точно. Чтобы люди понимали, «перейди дорогу одному, перейдёшь всем»?

Он хмурится и не отвечает. Я не хотела обидеть его, но думаю, что, возможно, именно это и сделала.

— Прости, — произношу я, скользя в его рубашку.

— Не извиняйся. Я забываю, насколько ты невинна.

Я раздражаюсь смехом, совершенно не подобающим леди.

— Невинная? Ты думаешь, я невинная?

Выражение его лица смягчается.

— Я имею в виду, ты не знаешь ничего о жизни МК.

Я не уверена, что на это ответить, поэтому выдаю первое, что приходит в голову:

— И что это значит?

Я могла иметь в виду сотни разных вещей. Больше подробностей о его МК, которые — уверена — на девяносто девять процентов состоят из нелегальной деятельности. Или «это» — наше с ним пребывание в его спальне. Он собирается позже высадить меня возле моего дома, и пройдёт ещё один год, прежде чем я снова его увижу? Поцелует ли он, блядь, меня ещё хоть когда-нибудь так же, как в тот безумный день в его офисе в «Хрустальном шаре»? Потому что прямо в эту секунду я чертовски готова получить от него ещё один поцелуй. Мне больше не нужно чувствовать вину за то, как сильно я его хочу. Эта мысль заставляет меня остановиться. Я должна чувствовать себя виноватой из-за того, что желаю другого мужчину так скоро после смерти моего мужа. Особенно, если этот мужчина является тем, к кому меня тянуло даже до смерти Клэя. Это настолько, настолько неправильно.

— Иди сюда, Хоуп.

О боже, звук моего имени, слетевшего с его губ, превращает мои внутренности в желе. Я не думаю о том, чтобы не пойти к нему, и не колеблюсь. Когда я подхожу к нему, наши глаза оказываются на одном уровне из-за огромных размеров Рока и высоты его кровати. Крепкие руки опускаются на мои бёдра, и он притягивает меня между своих колен.

— Это может быть всем, что ты захочешь.

Глава 10.

Рок.

Конечно, я лгу.

Между нами может быть одно.

Хоуп — моя.

Неизменно.

Боже, в меня будто врезалась грёбаная фура, когда она вышла из ванной, одетая в узкие штаны, облегающие её настолько, что было чётко видно отсутствие на ней белья. Я был куском мудака, предлагая ей этот наряд, но я понятия не имел, какой у неё размер, так что нашёл растягивающиеся штаны, которые в любом случае подойдут. Майка явно была идиотским решением, потому что с самого начала я легко мог дать ей одну из моих рубашек. Но я умирал от желания увидеть больше её тела. Это тоже глупо, потому что ничего не распалило меня сильнее, чем её вид в моей футболке с логотипом клуба, нарисованным яркими цветами на её груди.

Она покусывает нижнюю губу, а потом кладёт руку мне на плечо:

— Это безумие. Мы едва знаем друг друга, но каким-то образом рядом с тобой всё обретает смысл, — её голос не громче шёпота, но каждое слово пронзает мою душу. Даже выразить не могу, насколько приятно слышать это от неё, хоть я и не пропускаю мимо ушей тревогу в её тоне.

Притянув руку Хоуп к своему рту, я оставляю поцелуй на её ладони и после встречаюсь с ней взглядом.

— Не имеет значения, как долго мы знаем друг друга. Я знаю тебя. Я тебя хочу. Просто будь рядом со мной. Если это то, чего ты хочешь.

— Что подумают люди? Прошёл лишь год, — поспешно говорит она.

Я не тот человек, которому следует задавать этот вопрос. Я хотел сделать её своей с тех самых пор, как впервые увидел. Её семейное положение никогда ничего для меня не значило. Я не полный придурок. Я сожалею о её утрате и на самом деле понимаю, что, если бы не внезапная смерть Клэя, она бы не стояла здесь и не задавала эти вопросы. Данная ситуация мне тоже не приносит никакого удовольствия. Но что есть, то есть.

— Я не знаю, что тебе ответить. Знаю, ты не можешь всё не анализировать. Это у тебя в крови. Но попытайся не делать этого. Ты никогда не станешь счастливой, если будешь пытаться угодить мнению людей о том, какой ты должна быть.

Кивнув, она застенчиво опускает голову, и я притягиваю её ближе. Теперь она стоит между моих ног, и всё, о чём я могу думать, — это сорвать с неё каждый кусочек этих тряпок. Мои руки покоятся на бёдрах Хоуп, и я чувствую, как выпирают её тазовые кости. За последний год она стала болезненно худой. Я хочу отвести её вниз на кухню и кормить, пока не вернутся её изящные изгибы.

Взволнованный взгляд на её лице тревожит тем, что я зашёл слишком далеко. Я убираю руки с её бёдер. Она до сих пор скорбит. Всё ещё хрупка. Все те вопросы только доказали, что я здесь ни при чём. Мне не стоило слушать её подругу прошлой ночью. Вся моя идея с ожиданием длиной в год, чтобы сделать Хоуп своей, будто я какой-то неандерталец, была чертовски тупой. Я хочу — нет, *нуждаюсь* — чтобы она была готова к другим отношениям прежде, чем мы что-то начнём. Потому что, как только она станет моей, я никогда не отпущу её. В этом я уверен.

Виной всему этот проклятый добровольный целибат. Я настолько возбуждён, что могу взорваться в любую секунду.

— Ты в порядке? — удаётся мне спросить.

Она подступает ещё ближе, пока её колени не упрутся в матрас. Её грудь на уровне моего подбородка, и я сопротивляюсь желанию зарыться в неё лицом. Хотя, подняв глаза на Хоуп и увидев голодный взгляд, я начинаю задумываться о том, что могу и ошибаться. Я здесь единственный, кто всё анализирует. Может, она тоже хочет этого. Мои руки снова возвращаются на её бёдра. Её губы приоткрываются, но Хоуп ничего не говорит. Она напряжена и расстроена. До меня наконец-то доходит: она хочет, чтобы я сделал первый шаг. Я забываю, что она совершенно не такая, как другие женщины, и наслаждаюсь мыслью стать главным. Все женщины, которые были у меня последние несколько лет, являлись быстрым перепахом. Не было смысла узнавать, кто и чего хочет, потому что мы желали лишь освобождение и ничего больше. Никто из них не нуждался в моём контроле. *Это* будет так хорошо. Я хочу раскрыть все без исключения чувственные подробности о Хоуп.

Я скольжу рукой к подолу её рубашки, а затем под неё, пока не встречаю мягкую тёплую кожу.

— Мне нравится, как ты выглядишь в моей рубашке, малышка.

Быстрым движением я дёргаю ту вверх, снимаю через голову Хоуп и отбрасываю её на туалетный столик. Мои ладони сползают вниз и сжимают её маленькую сладкую попку. Она резко хватается ртом воздух и для равновесия опускает руки на мои плечи.

— Хоуп, я действительно хочу тебя.

Её лицо озаряет самая искренняя и радостная улыбка:

— Я тоже тебя хочу.

«Сранный Боже, спасибо тебе».

Встаю, а она оступается, но я ловлю её. Запускаю руку ей в волосы и удерживаю за

затылок, чтобы снова можно было попробовать эти сладкие губы. Хоуп такая мягкая и податливая. Я касаюсь её кончиком языка, и она открывается для меня. Пока исследую её рот, я позволяю своим рукам спуститься вниз по её спине к заднице. Её небольшие ягодицы идеально заполняют мои ладони, когда я подтягиваю её вверх к своим бёдрам. Это движение пугает Хоуп, и она отклоняется. Не надо быть гением, чтобы понять, почему — я твёрд как сталь, а мои джинсы хреново справляются с маскировкой этого. Её руки соскальзывают с моих плеч. *«Блядь, нет».*

— Хоуп, ты в порядке?

Она впивается зубами в нижнюю губу, отвлекая меня настолько, что я почти пропускаю её слова:

— Я боюсь.

— Меня? — знаю, я животное, но я так стараюсь быть с ней нежным.

Уголки её рта опускаются вниз, а глаза изучают пол.

— Этого, — маленькой ручкой она указывает на пространство между нами. — Я не была ни с кем, кроме мужа, около двенадцати лет, — Хоуп шепчет последнюю часть, но я всё равно слышу.

Внутри я бью себя кулаками в грудь. Не то чтобы это для меня новость. Конечно, она не была с другим мужчиной. Всё в Хоуп излучает верность и честность. В глубине души я знаю, что именно по этой причине хочу её для себя так чертовски сильно. Разница между нами, может, и колоссальная, но в этом мы одинаковые. Если мы даём обещание, мы его держим. Каким бы плохим ни был мой первый брак, я никогда не ходил налево. К сожалению, бывшая жена не придерживалась того же мнения о верности. Но Хоуп другая. Я чувствую это нутром.

— Я вроде как понял, — говорю ей с такой нежностью, на какую только способен. Хоуп кивает, но не поднимает взгляда. — А до этого?

Я такой кретин. Потому что, если она решит спросить меня о том же самом, я не уверен, смогу ли ответить абсолютно честно. Но моё любопытство побеждает здравый смысл.

— Парень в старшей школе, — шепчет она.

Будь ты проклят.

— Я не собираюсь причинять тебе боль, малышка.

Наконец-то она смотрит мне в глаза.

— Знаю.

Эти слова многое для меня значат. Её доверие значит для меня всё.

— Мы не должны делать то, чего ты не хочешь, — я, наверное, умру от самого показательного случая посиневших яиц, если вскоре не окажусь внутри неё, но всему свой черед.

Затем она делает самую потрясающую вещь. Кладёт указательный палец на мои губы.

— Хватит разговоров. Поцелуй меня.

Нет надобности повторять дважды. Я притягиваю её в свои объятия и разворачиваю нас к кровати. Мои губы находят её, и в этот раз я не отступаю. Хочу, чтобы она поняла, кто я такой и что я такое. Насколько сильно желаю её. Она падает спиной на постель, утягивая меня за собой. Одной рукой я зарываюсь в её волосы, а другая покоится на её бедре. Одной из своих мягких ладошек Хоуп скользит по краю моей рубашки, поглаживая кожу. Хватаю ту сзади и тяну к голове. Она помогает мне избавиться от рубашки и бросает ту на пол. Её взгляд изучает меня, горяча мою кожу гордостью, потому что, кажется, ей нравится то, что

она видит.

Теперь Хоуп тяжело дышит, заставляя свою грудь подниматься и опадать так, что та готова вывалиться из обтягивающей майки. Мои руки проникают под ткань, и она садится передо мной, чтобы я мог полностью ту снять. Мне остаётся лишь пялиться на её прикрытые кружевом груди. Они прекрасно заполняют мои ладони, и Хоуп выгибается на кровати, когда мой палец потирает сосок. Так чертовски восхитительно. Она настолько отзывчивая, что это сводит меня с ума. Я обрушиваю свой рот на её и требую ещё один длинный, медленный поцелуй.

Руки Хоуп обрамляют моё лицо, скользя по щекам и челюсти. Я не могу насытиться её прикосновениями. Стоны удовольствия смешиваются со звуками нашего поцелуя. Она пропускает ногти сквозь мои волосы, посылая тем самым искры по моему позвоночнику. На этот раз я разрываю поцелуй, неистово двигая ртом по её челюсти, затем вниз по шее, ключице и дальше по ложбинке между её грудями. Поднимаю взгляд, но её голова откинута назад, а глаза закрыты. Пальцами оттягиваю кружевные чашечки лифчика вниз, чтобы можно было полакомиться её сосками. Я посасываю их и щёлкаю языком по твёрдым горошинам, пока Хоуп изворачивается подо мной.

Эти маленькие остренькие коготки остаются похороненными в моих волосах, слегка царапая кожу головы и посылая дрожь во всему моему телу. Всё ещё играя с её соском, я позволяю своей руке спуститься вниз по её боку. Она ёрзает, когда я щекочу её рёбра и дразню пупок, но замирает, когда обхватываю её киску. Боже, эти узенькие тонкие штаны промокли. Я безжалостно потираю большим пальцем её бугорок и дьявольски улыбаюсь, когда Хоуп начинает извиваться подо мной. Как только я скольжу рукой вверх к поясу, она напрягается:

— Не надо. Там беспорядок. Внизу.

Честно, я понятия не имею, что это должно значить. На моём лице, наверное, огромными буквами написано «какого хера», потому что она вздыхает и приподнимается на локтях, чтобы взглянуть на меня. Хоуп покраснела от груди и выше, но это потрясающий вид.

— Ты привык ко всем этим тщательно ухоженным стриптизёршам, а я... Я не... Я какое-то время *этого* не делала.

Я до сих чувствую себя тупоголовым, но до меня начинает доходить.

— Ох, детка, мне действительно плевать. Я лишь хочу твою сладкую маленькую киску, — у меня не выходит удержаться от грубости.

Абсурдность её опасений, что какие-то грёбаные лобковые волосы удержат меня от того, по чему я истекаю слюной больше двух чёртовых лет, почти заставляет меня рассмеяться.

Не дав ей второго шанса на протест, я цепляю пальцами пояс её штанов и сдёргиваю их вниз по ногам. Хоуп вскрикивает и зажмуривает глаза, но её бёдра отрываются от кровати, а ноги распахиваются, предоставляя мне божественный вид.

Мне стоило передёрнуть утром. Когда она ушла в душ, я должен был бежать вниз и подрочить, потому что долго мне не продержаться. Я хочу, чтобы наш первый раз был идеальным для неё, а мой оргазм через пять секунд, будто я подросток, не сделает его таким.

Она вся бледная, с кремовой кожей и блестящими рыжеватыми завитками. Так чертовски прекрасна. Я скольжу вниз по кровати и закидываю её ноги к себе на плечи. Используя пальцы, осторожно потираю её клитор круговыми движениями, пока её тело не

расслабляется и пока она не начинает стонать. Затем с помощью языка я раскрываю её складочки, дабы подразнить её: сначала мягко вылизывая, а потом нежно посасывая. Один палец с лёгкостью скользит в неё, поэтому я добавляю второй. Она такая горячая, влажная и чертовски тугая, что мой рот останавливает свои ласки на минуту.

Слабое хныканье из её уст заставляет меня продолжить. Языком я провожу вверх по её киске и дразню клитор нежными, ненавязчивыми щелчками. Хоуп задерживает дыхание, а её бёдра приподнимаются к моему лицу. Первым делом я поглаживаю её киску пальцами, входя и выходя из неё. Опускаю рот на её бугорок, слегка лаская его языком, а затем принимаюсь жёстко сосать до тех пор, пока её ноги не начинают дрожать. Сладкие слабые стоны, мольба, бессвязные слова отдаются по комнате эхом, пока Хоуп бьётся в конвульсиях вокруг моих пальцев. Её бёдра бесконтрольно подёргиваются, но, удерживая их, я выжимаю из моей девочки всё до последней капли.

Хоуп.

Сверкающие искры продолжают сыпаться перед моими глазами. Он превратил моё тело в желе. Я едва ли могу пошевелиться. Прошло чертовски много времени с тех пор, когда так кончала. В душу закрадывается чувство вины, тогда как слабый внутренний голосок говорит, что я вообще никогда не кончала таким образом.

«Просто прошло время. Это было так давно, и ты забыла, что такое оргазм».

Это успокаивает сознание, но моё тело не обмануть.

Необходимость коснуться Рока побеждает всё остальное. Он ползёт вверх по моему телу, целуя по пути каждый его дюйм.

— Хоуп? Ты со мной?

Я киваю, потому что прямо сейчас не могу произнести ни слова. Мои руки скользят по его плечам и притягивают Рока ко мне. И тогда я целую его, пробуя свой вкус на его губах и ни капли не волнуясь. Я не могу насытиться. Пальцы возятся с пуговицей на его джинсах. Вместе нам удаётся спустить жёсткий материал по ногам. Его твёрдое тёплое тело накрывает моё, а мощная эрекция покоится на моём бедре. Я раздвигаю ноги и врезаюсь в него бёдрами, умоляя о большем. Мне нужно, чтобы он заполнил меня своим твёрдым, горячим, толстым членом.

— Малышка, мне действительно сейчас необходимо трахнуть тебя, — грубо шепчет он.

Бездумно я выдыхаю в отчаянии:

— Да, да.

Я слышу, как он надрывает пакетик с презервативом, и наблюдаю, как раскатывает его по своей длине. Боже, Рок прекрасен и огромен везде. Кажется, приподняв бёдра и обвив ногами его торс, я удивила его. Он в идеальной позиции, чтобы скользнуть прямо в меня, но Рок останавливается и сначала смотрит мне в глаза:

— Прошло много времени, детка. Я, вероятно, опозорюсь.

Я не уверена, что он имеет в виду. Что для Рока много? Сутки? Неделя? Мужчины, окружившего себя горячими, доступными стриптизёршами на постоянной основе. Я больше не могу об этом думать, потому что одним ударом он наконец-то погружает свой член глубоко внутрь меня.

— Блядь, — стонет он, так протягивая ругательство, что вместо вульгарного оно становится самым сексуальным словом, которое я когда-либо слышала.

Я хватаю Рока за очень симпатичную задницу, впиваясь ногтями в кожу в попытке

притянуть его поближе к себе. Наконец он начинает двигаться. Каждое скольжение внутрь и наружу заставляет меня хватать воздух ртом и стонать. Ощущения пронзают мою сердцевину. Каждая точка, где соприкасаются наши тела, горит от нужды. За долю секунды нежные, чувственные движения превращаются в жёсткие, сильные удары. Я шире раздвигаю ноги, поднимая колени и желая, чтобы он был так глубоко во мне, как только возможно. Он закидывает одну мою ногу к себе на плечо, а потом и вторую. Удовольствие врывается в меня под новым углом. Каждый безжалостный выпад толкает меня ближе и ближе к следующему оргазму, и затем, крича и содрогаясь, я кончаю. Его член, пульсируя, дёргается внутри меня, когда и сам Рок приходит к кульминации.

Он спускает мои ноги со своих плеч и прижимается лицом к моей шее, прежде чем захватить мои губы обжигающим поцелуем.

— Спасибо тебе, — мурлычет он до того, как выйти из меня, чтобы избавиться от презерватива.

Всё во мне по-прежнему колотится и трепещет. Я рассеянно тянусь вверх и пальцами пощипываю свои всё ещё твёрдые соски.

— Иисусе, ты самая горячая штучка, которую я когда-либо видел, — шепчет Рок.

Я опускаю руки от смущения. Он забирается обратно на кровать и притягивает меня к себе. Ласковым поцелуем он медленно овладевает моими губами. Его руки поглаживают мою спину с умопомрачительной нежностью, если учесть, насколько жёстко он только что меня трахнул.

Возрастающее желание зарождается внутри, и я снова хочу Рока. Его свежий запах теперь заменён сладким ароматом похоти, и это заставляет меня желать облизать всё его тело. Я закрываю глаза и прислоняюсь лбом к его подбородку. Накрывшее меня чувство удовлетворения фальшивое, потому что я знаю, что это, возможно, наш единственный раз, проведённый вместе. Рок не сможет долго удерживать свой интерес ко мне. Сомневаюсь, что он способен быть постоянным, и, честно говоря, я совершенно не похожа на тех девушек, к которым он привык. А теперь, трахнув такую, как я, правильную девушку вне его системы, он снова может иметь стриптизёрш или клубных сучек, у которых гораздо больше опыта, чем у меня.

Это безумие, но мне хочется его удержать. Я пока не должна желать отношений с кем-либо в своей жизни, но ничего не могу с собой поделать. Печально и ужасно, что Клэй умер таким молодым, однако я чувствую: годичный туман рассеивается, а я тянусь к солнечному свету.

Рок своей большой ладонью убирает волосы с моей щеки.

— Ты выглядишь такой серьёзной.

«Ага, я серьёзно схожу по тебе с ума», — но я оставляю эти слова при себе. Последнее, что ему нужно, — это женщина, отчаянно желающая быть любимой, в его постели. Если этому суждено закончиться, то я, по крайней мере, хочу, чтобы это было мило.

Выдавливаю из себя улыбку:

— Умираю от голода.

Беспокойство омрачает его лицо.

— Тогда давай тебя накормим.

Я, вообще-то, хочу спать, но живот протестует, поэтому приходится одеваться. Я вздыхаю, когда поворачиваюсь и вижу Рока одетым — мне так и не удалось изучить его татуировки.

— Что не так?

— Ты надел рубашку. А я хотела рассмотреть все твои татуировки.

Он запрокидывает голову назад и смеётся.

— Позже поиграешь в исследователя, — он протягивает ко мне руки. — Ты можешь изучить эти, пока мы будем есть.

Думаю, я так и сделаю. И мне понравилось его обещание о «позже».

Внизу — бардак. Тарелки, пустые бутылки, пластиковые стаканчики и все виды другого мусора валяются чуть ли не на каждой поверхности. Спящие тела различной степени наличия одежды или, наоборот, её отсутствия лежат на нескольких диванах. Дверь конференц-зала наглухо закрыта, и мне интересно, есть ли там кто-нибудь. Рок игнорирует беспорядок и ведёт меня на кухню.

Моё любопытство возрастает, когда мы минуем комнату для йоги. Я даже представить не могу, что там творилось прошлой ночью. Дверь слегка приоткрыта, так что я вижу лишь стену и часть зеркала.

Мы входим в столовую. Несколько парней сидят вокруг одного из маленьких столиков. Я сразу же узнаю Брикса.

Широкая усмешка приподнимает его щёки, когда он встаёт.

— Привет, Брикс.

Он подходит ближе и смотрит на Рока, который ему кивает. Странно.

— Эй, Хоуп. Рад видеть тебя.

Быстрое объятие сбивает меня с толку. Когда его бывшая жена подала очередную грёбаную жалобу на него, суд переслал ту мне, официальному адвокату Брикса. Я тут же получила письмо с просьбой направить дело другому юристу. Из-за этого было очень больно. Я проделала для него чертовски хорошую работу, но, если учесть, как закончились дела с Роком, меня это не удивило. Энтузиазм в приветствии Брикса — вот что меня удивило.

Мне хочется спросить его, и, кажется, он чувствует мой вопрос, потому что засовывает руки в карманы и переминается с ноги на ногу. Рок, пожалуй, тоже ощущает это, поэтому прижимает меня крепче к своему боку и целует в макушку. Другие парни за столом, где сидел Брикс, удивлённо смотрят на нас. Это из-за меня? Или же их внимание привлекло открытое проявление привязанности Рока? Несомненно, они видели его с другими женщинами раньше?

— Присоединишься к нам, През? — спрашивает один из них.

Он высокий и широкоплечий, вьющиеся светлые волосы достигают края его челюсти, у него острый нос и сексуальная щетина.

— Проспект помогает Трин с завтраком, — проинформировал нас парень пониже ростом и чуть менее мускулистый, чем остальные.

Рок кажется смущённым. Ему уже неловко, что его видят со мной?

Но потом он вытягивает стул и предлагает мне сесть. Мужчины снова странно смотрят на него. Рок подтаскивает второй стул ближе к моему и падает на него. Даже устроившись на разных стульях, мы прикасаемся друг к другу практически по всей длине предплечий и бёдер. И я абсурдно счастлива.

Хотя мне всё равно не удаётся насладиться моментом. Высокая роскошная блондинка появляется из кухни с подносом еды. Она одновременно и прекрасная, и милая. Внезапно я чувствую себя старой морской ведьмой. Запустив руки в волосы, я пытаюсь превратить их в

нечто менее неряшливое.

— Эй, Рок-н-Ролл, — выкрикивает она с ухмылкой.

— Привет, Тринити. Ведёшь себя как следует? — спрашивает Рок.

— Никогда.

Она останавливается и расставляет тарелки перед каждым из парней. Когда последняя тарелка оказывается на столе, мощный блондин, который больше похож на Викинга-воителя, дёргает её к себе на колени и оставляет на её щеке влажный поцелуй. Она хихикает и отбивается от него, но затем фокусируется на Роке.

— Чего бы тебе хотелось, Рок?

Его ладонь накрывает мою и сжимает, тем самым привлекая внимание девушки ко мне.

— Ой, привет. Я Тринити, — она машет мне несколькими пальцами, пока слезает с колен Викинга.

— Привет, я Хоуп.

— Ну, что я могу для вас сделать?

Её рот поддёргивается в нервной улыбочке, и мне становится плохо из-за того, что я заставляю её чувствовать себя некомфортно. Я смотрю на то, что уминают ребята — яйца и гора бекона — и у меня в животе урчит.

— Есть что-нибудь из сухих завтраков? Кукурузные хлопья, рисовые шарики? Или что-то такое? — я начинаю отодвигать стул. — На самом деле, я могу пойти...

Рок сильнее стискивает мою руку, когда тянет назад:

— Всё в порядке, Хоуп. Ты мой гость, — Тринити сейчас на пути к абсолютной панике. — Тринити, принеси мне то же самое, что и у них, Хоуп — её завтрак, ещё два стакана воды, пожалуйста, — указывает Рок.

Она кивает, но ничего не говорит, просто быстренько убирается назад на кухню. Я даже не уверена, как на это реагировать.

— Ты ведь знаешь, как она получила имя Тринити? (прим.: «Trinity» с англ. «троица»). Все три дырки...

— Роф! Какого хера? — рычит Рок.

Викинг скользит в мою сторону виноватым взглядом:

— Извини, Хоуп.

Парень рядом с ним давится от смеха, когда протягивает мне руку:

— Прости нашего президента за сраные манеры. Я Сказочник.

Рок ворчит в ответ:

— Она знает имена нужных людей.

Я кратко пожимаю его протянутую руку.

— Приятно познакомиться, Сказочник.

Брикс мотает головой и задерживает на мне свой взгляд.

— Рок рассказывал, что фреска в передней комнате — твоя работа. Она действительно впечатляющая, — произношу я, пытаясь завязать нормальную беседу.

Это правильный ход, потому что лицо Брикса озаряется. Он закатывает рукав, чтобы показать мне татуировку на бицепсе: мини-версию рисунка на стене. Я не могу удержаться и, наклонившись вперёд, провожу пальцами по линиям.

— Вау, она потрясающая, — он кажется шокированным моим прикосновением, так что я отдёргиваю руку. — Прости.

— Нет, всё в порядке.

И мы снова возвращаемся к странному поведению.

Тринити залетает в комнату, ставя передо мной огромную семейную коробку кукурузных хлопьев, миску и галлон молока (прим.: мера объёма в английской системе мер, соответствующая от 3,79 до 4,55 литра (в зависимости от страны употребления). Американский галлон равен 3,79 л).

— Господи Боже, Трин, сколько, думаешь, она съест? — бормочет в её сторону Роф.

Рок изгибает бровь, но нет ни единого шанса, что я позволю ему усложнять жизнь этой девочке. Она, наверное, уже ненавидит меня.

— Всё нормально. Спасибо, Тринити. Я голодна.

Она одаривает меня благодарным взглядом и снова исчезает на кухне.

Занимаю руки, насыпая хлопья в тарелку, потому что я не врала — я действительно хочу есть.

— Так что, Брикс, как обстоят дела с детьми?

— Прекрасно. Сюю наконец-то сдалась. Но, если она снова начнёт это дерьмо, я хочу, чтобы ты о нём позаботилась.

Рок напрягается рядом со мной, но молчит.

— Я действительно не...

— Теперь это безопасно. «Вайперы» в грёбаном г... — начинает Роф.

Кулак Рока впечатывается в стол, отчего моя тарелка с хлопьями дрожит:

— Ты под сраным кайфом?

— Что? Она не знает? — он вскидывает подбородок в мою сторону.

Вокруг меня разверзается ад, а я не понимаю причину.

— Знаю что? — спрашиваю я.

— Ничего, — рычит Рок.

Роф смотрит на Сказочника и Брикса, но они оба качают головами.

Я внезапно теряю аппетит.

Рок.

Я собираюсь прикончить Рофа. Это позор, потому что мы уже долгое время являемся братьями, но сегодня утром этот ублюдок хочет встретиться со своей смертью. Может, мне врезать кулаком по его горлу, чтобы он, блядь, наконец заткнулся?

Мы заканчиваем наш завтрак в тишине. По крайней мере, я. Хоуп излучает смятение и едва ли ест. Да, за это я надеру Рофу зад.

Моя девочка поняла, что сегодня утром здесь что-то происходило. Именно поэтому я не решался сесть и разделить трапезу с этими засранцами. Я, может, и доверил бы им свою жизнь, но нихрена не доверяю им рассказывать то дерьмо, которое моя женщина ещё не готова услышать.

Когда я заканчиваю, Хоуп похлопывает меня по руке.

— Мне нужна моя машина, — мягко произносит она.

Чёрт. Я ещё не готов отпустить её. Увидев, с каким возбуждением она изучает тату Брикса, я с нетерпением ждал, когда мы поднимемся наверх, чтобы она занялась моими. Может, своим языком вместо пальцев.

— Должна быть перед домом, куколка, — Хоуп поджимает губы, и я чувствую, что она думает о самом худшем. — Я не знал, куда мы в итоге попадём прошлой ночью, поэтому подумал, что здесь для неё самое безопасное место.

Хоуп с благодарностью принимает мой ответ:

— Сбегаю наверх и захвачу свою обувь.

Она вертит своей босой ногой рядом с моей, и внутри себя я благодарю Будду за то, что она не злится на меня. Хочу быть джентльменом и сказать ей, что пойду и сам всё принесу, но нет ни единого грёбаного шанса, что я оставлю её на милость этих подонков:

— Я пойду с тобой.

Но она уже встала:

— Я знаю дорогу. Сейчас вернусь.

Мне нужна минутка с Рофом, но я не могу решиться отпустить её бродить по дому без сопровождения. Не то чтобы ей кто-то навредит, но я не хочу, чтобы кто-то из парней подумал, что она доступна для секса.

— Если наткнёшься на кого-то, смело говори, что ты со мной.

Она странно на меня смотрит, но потом наклоняется и целует меня в щёку. Это самый сладкий поцелуй, когда-либо мной полученный, и на мгновение я ошеломлён. К тому моменту, как я открываю глаза, она уже выходит за дверь.

Роф считает, я не замечаю, как он пытается улизнуть.

— Сядь на место, говнюк, — он опускается на стул. — Что за вечная херня с тобой творится?

Сказочник и Брикс ржут.

— Заткните пасти. Вы двое были не лучше.

— През, я думал, она хотя бы чуть-чуть знает.

— Ну, она не знает. Всё это дерьмо для неё ново, и я, если ты не против, хотел бы доводить её до этого медленно, усёк?

Он ухмыляется после «доводить её», пока не ловит мой строгий взгляд.

— Ок, конечно.

— И относись к Тринити с некоторым уважением, понял?

Сказочник корчится от смеха ещё больше, чем до этого.

— Что, блядь, смешного, говнюк? — рычу я, зная, что не получу ответа.

— У всех есть частичка Тринни.

Не знаю, что вселилось сегодня в моих братьев, но они испытывают моё грёбаное терпение.

— И что, блядь? Она позволила твоей неотёсанной заднице трахнуть её, так скажи спасибо и не выёбывайся.

Выпятив губу, Сказочник откидывается на спинку кресла. Чёртовы младенцы.

— Босс прав. Она хорошая девушка и многое здесь делает, — добавляет Брикс.

— Жополиз, — бурчит Роф.

Я устал от этих ребят.

— Козлы. Все вы.

Толкаю Брикса в плечо, так что он знает, что я не объединяю его с этими придурками, на которых действительно зол. Затем я ухожу. Хоуп не рядом со мной уже слишком долго.

По тому, как она сбегает вниз по ступенькам, невозможно поверить, что ей за тридцать. Первым делом она дарит мне сияющую улыбку, словно рада меня видеть, но потом та меркнет, и мне кажется, Хоуп вспомнила, что недовольна мной. Фантастика.

Я беру её за руку, и мы направляемся наружу. Сегодня идеально свежее, прохладное утро.

— Тебе достаточно тепло?

— Мне хорошо.

— Слушай, прости.

— Ощущение, что завтракала я в чужой стране, на языке которой не говорю.

Это очень точно описывает происходившее, о чём ей и говорю.

— Так... Это байкерские штучки?

— Угу.

— Что такое «Вайперы»?

Чёрт, я пока не готов к этому разговору с ней. Но, если хочу видеть её в своей жизни, она должна знать некоторые вещи.

— Не «что». Кто. Они конкуренты нашего МК, заправляют в Айронворксе и на большей части близлежащего округа, вплоть до границы Вермонта. У нас были кое-какие проблемы с ними, но теперь всё кончено.

Я вижу, как она переваривает информацию.

— Оу. Ладно, — в итоге произносит Хоуп.

Очевидно, ничего в действительности не стало понятней. В этот момент мне приходится нелегко, потому что я хочу быть откровенным с ней, но ещё не хочу, чтобы сообщённая информация излишне напугала её или, возможно, оттолкнула от меня. Не тогда, когда мне наконец-то удалось заполучить её в свою жизнь, о чём я так долго мечтал.

Мы продолжаем идти. Миновали стену, которая окружает главное здание, и теперь идём к лесу по листьям, хрустящим у нас под ногами.

— Сколько из этого принадлежит тебе?

— Всё, около трёхсот акров (прим.: 121 гектар, что соответствует 121 полю для регби размером 144×70 м).

— Ого. Впечатляет. Что ты собираешься делать со всей этой землёй?

Хороший вопрос. Тот, над которым я немало размышлял в последнее время. У меня есть дом в центре города, но большую часть времени я провожу здесь, и он кажется мне расточительством. Наверное, было бы гораздо безопасней, живи многие из нас здесь. Тринити здесь на постоянной основе. Она единственная клубная девушка, у которой есть своя комната, потому что она тоже ухаживает за этим местом для нас. Двое парней остаются здесь круглые сутки, чтобы приглядывать за теплицей. Роф, Зед, Сказочник и Мёрфи в основном живут здесь, хотя Сказочник и проводит много времени в доме своей бабушки, помогая заботиться о своей младшей сестре.

Было бы неплохой идеей добавить несколько новых зданий. Может, построить дом, если у меня появится кто-то, с кем я разделю его.

— Многие из парней охотятся осенью, так что вот. Мы организовали небольшое стрельбище.

— Это опасно?

— Нет, если знаешь, что делаешь.

Хоуп молчит.

— Почему ты не вернулась к работе, Хоуп?

Она не отвечает долгое время, и мне интересно, услышала ли она меня.

— Не могу.

Я нежно кладу руку на её:

— А что с домом и другими вещами, милая?

Мы останавливаемся, а она лишь переминается и пялится в лес.

— У Клэя была страховка. Сейчас я ни о чём не волнуюсь.

— Ох, это хорошо.

На самом деле это меня не касается. Но мне становится легче от осознания, что её муж позаботился о её обеспечении на случай, если с ним что-то случится.

— Этот последний год был... ужасным.

Моя рука обвивает её талию, и я притягиваю Хоуп ближе. Не могу вынести мысли о её боли, эмоциональной или ещё какой-нибудь. Я также не могу избавиться от чувства, что если надавлю на неё, то потеряю. Всё, что мне хочется сказать, — это «у тебя есть я» или «я здесь для тебя». Но у меня складывается впечатление, будто она отреагирует не очень хорошо, поэтому я лишь предлагаю ей плечо, на которое можно опереться. Спустя несколько минут Хоуп оборачивает руки вокруг моей талии и закидывает голову вверх.

Вот оно. Эти прекрасные зелёные глаза, преследовавшие меня с самого первого дня, когда я заметил её в переполненном зале суда. Даже когда я смущал её или досаждал ей, она видела меня. Для неё я не был каким-то низкопробным уголовником или парнем, которого она эгоистично хотела объездить. Хоуп видела меня и относилась ко мне с уважением, даже если я раздражал её до посинения.

— Здесь очень мило. Мирно.

На её лице безмятежность, и я погибаю. Мы ещё немного наслаждаемся видом на горы. Она останавливается и снова одаривает меня своим милым расстроенным взглядом. Я наклоняюсь для поцелуя, и она, оборачивая мою шею руками, цепляется за меня. Подхватив её под попку, я приподнимаю Хоуп так, что она оказывается на идеальном уровне для поцелуя. Каким-то образом, прежде чем понимаю как, я уже прижимаю её к огромной сосне. Её ноги обёрнуты вокруг моего торса, а жаркая сердцевина прожигает меня сквозь все слои одежды между нами. Я настолько, блядь, твёрдый, что не уверен, удастся ли джинсам сдержать мой член. Мне действительно необходимо выбраться из них и оказаться в ней.

Кора дерева впивается в кожу на моих костяшках, и я понимаю, что сдери её, если мы продолжим в том же духе. Её руки сдвигаются южнее, и она тянется к моему ремню.

— Детка, подожди. Мне нужно тебя поставить.

Она отпускает меня, и ощущение от её отсутствия паршивое. Но, как только её ноги касаются земли, она поворачивается и упирается руками в ствол дерева. Поза сексуальная как ад, но Хоуп делает ещё хуже, выгибая спину и вздёргивая попку повыше. Ох, чёрт возьми, блядь, да! Она наблюдает за мной через плечо, пока я вынимаю презерватив из кармана и изо всех сил стараюсь освободить себя, чтобы надеть его.

— Ну, разве ты не бойскаут?

— Парень может помечтать.

Эта игривая версия Хоуп виляет своей задницей передо мной в приглашении, и у меня нет намерений отказываться. Быстрым движением спускаю её штаны до колен и хватаю её за бёдра. Мне приходится немного наклониться, чтобы быть под нужным углом, но, как только я вхожу в неё, всё превращается в рай, а меня больше ничего не заботит.

Можно не беспокоиться, что нас увидят. Нет причин, по которым кто-то из парней преследовал бы нас в лесу, но меня одолевает безумное желание прикрыть её. Тело Хоуп — моё, и даже мысль о лесных медведях и оленях, которые на неё глазают, раздражает меня.

Она хнычет, когда я выхожу, и, оглянувшись, бросает на меня стервозный, но до охерения милый взгляд. Я стягиваю рубашку через голову.

— Стой так, малышка.

Бросив рубашку на землю, я сажусь на неё, прислоняясь спиной к стволу дерева. Она до сих пор упирается в него, глядя на меня вниз.

— Иди сюда, — я протягиваю руку, и она берёт её, стягивая свои штаны другой. Ладно, теперь она ещё более голая, чем прежде. Затем она седлает меня и адски медленно опускается на мой пульсирующий член. — Блядь, Хоуп.

Она плотно прижимается ко мне и целует линию челюсти, глядя в мои глаза. Спустя несколько мучительных секунд её полуприкрытые веки подрагивают, и она скользит вверх и вниз по моему члену, сводя тем самым меня с ума. Теперь на моём пути слишком много одежды. Я хочу, чтобы её сиськи оказались у меня во рту, но этому препятствуют моя хлопковая футболка и ещё пара слоёв ткани. Пробравшись руками под материал и заполнив ладони её грудью в кружевах, я потираю её соски большими пальцами. Это сумасшествие. Я хочу касаться её везде и сразу. Впиваюсь пальцами в её бёдра, пощипываю соски и удерживаю её за плечи, чтобы оставлять её неподвижной и толчками входить в неё. Её крики отдаются эхом по лесу. Возможно, в клубе уже слышали, но мне на самом деле похер. Все будут знать — я доставлял здесь удовольствие своей женщине. Подумаешь.

Стенки её узкой маленькой киски стискивают меня, вызывая мой собственный оргазм. Теперь мой резкий стон наполняет воздух вокруг нас. Уткнувшись лицом в мою шею, она переживает кульминацию, облизывая и прикусывая мою кожу. Я обхватываю руками её лицо и притягиваю к себе для победного поцелуя.

Соприкоснувшись лбами, мы сидим неподвижно несколько минут, мои руки на её талии. Наконец-то я подталкиваю её и помогаю встать. Хоуп оборачивается и наклоняется, чтобы поднять штаны, и я борюсь, лишь бы не взять её снова. Но она опустошила меня. Зарываю презерватив в куче листьев.

— Они зелёными не станут, — шутит она.

Хоуп оделась, и только что оттраханной она выглядит очень привлекательно. Она всегда должна быть такой: румяные щёки, алые губы, спутанные волосы. Я вытаскиваю несколько маленьких щепочек, запутавшихся в кончиках её локонов.

— Я скучаю по той миленькой чёлке, которая у тебя была, когда мы познакомились, — произнёс я рассеянно.

Её лицо замирает, и Хоуп застенчиво проводит рукой по волосам:

— У меня действительно не...

Быстрым поцелуем я прижимаюсь губами к её лбу:

— Куколка, ты всегда прекрасна.

Напряжение на её лице пропадает. Я подмечаю, что проблема с самооценкой так и осталась. Мне будет приятно помочь ей с этим.

Когда мы поправили нашу одежду, я беру её за руку и веду глубже в лес, пока мы не достигаем поляны.

— О мой бог! У тебя есть ветряки! Это так круто!

Она хлопает в ладоши — очень девчачий жест — и улыбается от уха до уха. Энтузиазм на её лице всё во мне переворачивает. Я никогда не встречал женщины милее.

Там возле трансформаторной подстанции стоят четыре ветряка (прим.: ветрогенератор — устройство для преобразования кинетической энергии ветрового потока в механическую энергию вращения ротора с последующим её преобразованием в электрическую энергию). Их не заметить издали, но вблизи они довольно впечатляющие. Для МК их наличие

означает то, что, когда у нас большие скачки в энергопотреблении, электрокомпания не доложит об этом управлению по борьбе с наркотиками. Содержание нашей подвальной теплицы требует много энергии. Это наиболее важная причина, почему мы выкупили этот хиппи-комплекс. Самодостаточность.

— Было слишком темно, чтобы ты заметила их прошлой ночью, но и крыша покрыта солнечными батареями.

Она поворачивается ко мне с тем прелестным, любознательным выражением на лице:

— Я понятия не имела, что мотоклуб настолько обеспокоен защитой окружающей среды.

— Вообще-то, всё уже было здесь, когда мы купили это место, но не получать счета за электричество очень даже приятно.

— Что насчёт зимы? На холме, должно быть, она зверская.

— Нам явно нужна снегоуборочная машина, но ветер здесь бушует круглый год. До сих пор это не было проблемой.

Она над чем-то задумывается и молчит, пока мы спускаемся назад.

Когда мы возвращаемся, перед домом нас встречает Роф. Ему повезло, что у меня было время успокоиться. Желание схватить его за горло и задушить уже не такое сильное. Хоуп одаривает его тёплой улыбкой, которой он не достоин, и у этого ублюдка хватает наглости улыбнуться в ответ. Когда он достаёт её ключи из кармана и передаёт ей, жажда встречи моего кулака с его кадыком возвращается.

Мой взгляд, наверное, убийственный, потому что он отдёргивает свою руку.

— През, сегодня днём у нас дело.

В эту самую секунду мне насрать на сделку, которую мы заключили с шайкой с Грин-стрит, или на их мелкого сучку-главаря. Я не готов отпустить Хоуп. Изогнув бровь и кивнув головой, я даю ему понять, что лучше ему больше не болтать о бизнесе клуба перед Хоуп. Впрочем, он не полный идиот, ну или уже полностью протрезвел, потому что дальше ничего не уточняет.

Взяв Хоуп под локоть, я отвожу её подальше от Рофа — любопытному придурку не нужно слышать наш разговор.

— Прости, куколка. Сегодня днём мне необходимо позаботиться о кое-каком деле. Вероятно, оно затянется.

Она поворачивается и кладёт руку на моё сердце. Блядь, и я снова готов взять её прямо на капоте её грёбаной машины перед всеми.

— Я понимаю. Эм, спасибо за прошлую ночь, — её щёки горят. Снизив голос, Хоуп добавляет: — И за утро.

О, чёрт, она милая. И Хоуп делает для меня невозможным сказать ей «прощай».

Глава 11.

Хоуп.

Я еду домой в такой эйфории от Рока, что почти теряюсь по дороге. Мой GPS сходит с ума в этих горах. Как только достигаю трассы 156, осознаю, где я нахожусь и что мой дом не так уж и далеко. Телефон умер посреди ночи, но я этого не понимала, пока не переступила порог и не поставила его заряжаться. Он взрывается мигающими огоньками и звуковыми сигналами, сообщая мне о том, что уже какое-то время кто-то пытается связаться со мной.

Боже, кто бы это мог быть?

Софи, конечно.

Пока она не примчалась ко мне, я перезваниваю. С ней смс в ответ не проканает.

Пищащее приветствие на том конце настолько громкое, что мне приходится отодвинуть трубку от уха.

— Расскажи мне всё, — орёт она.

— Боженьки, успокойся, любопытная извращенка, — но я и сама не могу сдержаться хихиканье.

— Ты с ним того?

— Не твоё дело.

— О мой Бог, это да!

Я вздыхаю, потому что действительно не отношусь к тем, кто обсуждает подробности личной жизни. Я знаю, что Софи и Лилли ведут себя как два пьяных моряка, но мне всегда было некомфортно от такого рода разговоров. Я такая ханжа.

Чтобы отвлечь от себя внимание, я спрашиваю:

— Ты хорошо добралась домой?

— Забавная история, кстати. Джонни раньше вернулся из тура и приехал в поисках меня, чтобы сделать сюрприз, но я была у Мары и Дэймона.

— Он тебя нашёл?

— В итоге да, — отвечает она без каких-либо подробностей. — Оу, а Росс наконец-то отправился домой с Брайаном.

— Ого, он давненько пытался забраться к нему в штаны.

— Ага, он передаёт свою благодарность. Пугающие байкеры принесли ему удачу.

Ладно, это так весело, что я даже рассмеялась. Когда я всё-таки успокоилась, мой затуманенный разум вспомнил, как Лилли и Зед трахали друг друга глазами.

— Лилли нормально добралась домой?

— Её подвезли, — заявляет Софи, а потом прыскает со смеху.

Я закатываю глаза. Иногда я не могу поверить, что мы ровесники.

После разговора с Софи первым делом я записываюсь к парикмахеру. Звоню туда, где также есть и спа. Попросить Софи или одну из моих подруг было бы неплохой идеей, но мне необходимо время наедине с собой.

«Colors Day Spa» — идеальная смесь стильного и вычурного. Салон вечности существовал в этом районе, но я никогда не записывалась сюда из-за нехватки денег. Теперь они у меня есть, и это совершенно другой опыт. Когда я вхожу внутрь, меня приветствует дружелюбная девушка и затем ведёт к стойке с напитками. Она наливает мне немного огуречной воды, которая, как я обнаружила, невероятна. Я выбираю полный комплекс процедур, и остаток дня меня моют, щипают, депилируют, полируют, подстригают, увлажняют и массируют до тех пор, пока я не чувствую, что одеться в то же и уехать, — это преступление. Разница потрясает, и я не могу перестать пялиться на себя в зеркало заднего вида. Я скучала по своей чёлке. Теперь она вернулась: идеально подстриженная и уложенная. Покупка одежды — вот что следующее на повестке дня. Мои брюки сейчас держатся исключительно благодаря поясу, в котором мне пришлось проделать дополнительные дырочки.

Я выбираю несколько пар джинсов, свитеров, футболок, ночнушек и одно платье. Почувствовав себя более чем немного виноватой, я направляюсь в отдел нижнего белья и трачусь на некоторое количество новых пикантных бюстгалтеров и едва заметных трусиков. Просто на всякий случай. Если я понравилась Року в своём худшем виде, представляю, что он подумает теперь.

Моя глупость осеняет меня прямо посреди торгового центра. Мы не договорились о другой встрече. Хотя мы и попрощались этим утром на очень приятной ноте, второго свидания запланировано не было. Ни тебе: «Я позвоню позже». Ничего. Я тяжело опускаюсь на одну из лавочек, и фонтана энергии во мне как не бывало.

— Проклятье.

Я поворачиваю голову и улавливаю аромат шампуня, который использовали в салоне. Этого достаточно, чтобы выдернуть меня из уныния. И что такого, если мы ничего не спланировали? Он определённо запал на меня. Он свяжется со мной. Я не собираюсь превращаться в одну из этих сумасшедших, назойливых барышень. У меня есть и своё дерьмо.

Только вот в моей жизни ничего не происходит. Ещё два дня назад я была в депрессивном тумане. Но я разберусь. Затем я подхватываю свои пакеты и направляюсь домой.

Рок.

— Повторите ещё раз, почему я терплю этих членоголовых с Грин-стрит? — спрашиваю я Рофа, наблюдая, как уезжает Хоуп.

Я должен быть тем, кто отвезёт её домой, или по меньшей мере позволить ей следовать за мной, чтобы она не заблудилась. Но она настояла на том, что с ней всё будет в порядке, и вместо того, чтобы отвести её наверх и привязать к своей кровати, я смотрю на облако пыли.

— Потому что они покупают почти всё, что мы выращиваем, — предполагает Роф. Ответом служит моё бурчание. — И когда мы прекратили толкать дурь мексиканцам и начали выращивать это дерьмо, они стали зависать с нами?

Ага, ладно. Это было скользкое время в истории нашего клуба. Роф и я идём обратно. Мы друзья с тех пор, как я нашёл его на улицах подростком, который выживал с помощью того, что выбивал дерьмо из людей в нелегальных подпольных боях. Он на два года младше меня и ближе родного брата, что также, наверное, объясняет, почему я хочу надрать ему зад большую часть времени.

Роф — единственный, кому я в своей жизни могу доверять.

Почти десять лет назад мы вместе с Зедом воспользовались возможностью продвигать «Потерянных Королей» в новом направлении. Мы стали первыми, кто присоединился к братству гонщиков, ищущих свободу. МК дал нам семью, какой у нас никогда не было. Это кое-что значит. Но клуб начал развиваться в скверном для всех, за исключением верхушки, направлении. Разве мы когда-нибудь собирались стать законопослушными гражданами, работающими с девяти до пяти? Блядь, нет. Но нам и не нужно было становиться головорезами, которые набивали свои карманы за счёт таких же братьев.

— До сих пор не пойму, почему этот напыщенный мелкий панк настаивает на моём присутствии при каждой грёбаной поставке.

— Думаю, он запал на тебя, През.

Роф мнит себя юмористом. Я же намереваюсь снова надрать ему задницу.

— Так что за история со строгой цыпочкой-адвокатом? Как она?

Серьёзно обеспокоенный психическим здоровьем моего друга, я склоняю голову в сторону:

— У тебя есть какое-нибудь предсмертное желание, которое ты бы хотел со мной обсудить?

— Она теперь твоя старуха?

Мне даже не приходится думать об этом:

— Да, она ею станет.

Роф отходит на шаг назад и, широко распахнув глаза, кивает:

— Вау, это успех, През. У нас сейчас нет ни одной старухи. Итак, это весома.

Блядь, так и есть. Будто у меня мало дерьма, которое нужно разгрести. В клубе захотят узнать больше о Хоуп. Им необходимо доверять тем, кого мы приводим к нам. Если я не буду держать её полностью изолированной от МК, со временем она случайно подслушает что-то, и они захотят узнать, можно ли ей доверять. Я уверен: тот факт, что она адвокат, тоже создаст проблемы, хотя и не понимаю причину. По сути, поскольку Хоуп связана клятвой о неразглашении, к которой, я знаю, относится крайне серьёзно, им стоит на хрен перестать кипятиться по этому поводу.

Хотя Роф в одном прав. У нас сейчас нет действующих старух. Весь клуб на самом деле довольно молод. Мне тридцать семь, и я почти самый старший член «Потерянных Королей». Также я являюсь им дольше всех: примерно двадцать лет. С тем исключением, что все наши старые участники либо мертвы, либо на пенсии. Те, кто на пенсии, обычно ведут дела во Флориде. Они заявляются и критикуют нас во время самых жарких летних дней на протяжении нескольких недель, а затем возвращаются обратно на побережье, увозя своих старух с собой.

— Уверен, Тринити была бы не против, сделай ты её своей старухой, — говорю я лишь потому, что прямо сейчас мне хочется позлить Рофа.

— Этого никогда не случится, През.

— Почему? Она хорошая девушка. Безумно красивая. Знает, когда закрыть рот. И в курсе, как обращаться с клубом.

— В этом и проблема: она слишком хорошо знает, как обращаться с клубом.

— О, пожалуйста, ты трахал всякую шваль в радиусе ста миль (прим.: около 161 км), так в чём разница?

Я ненавижу мнение некоторых парней о том, что клубная задница достаточно хороша для траха, но не настолько хороша, чтобы осесть с ней. В действительности это могло бы вызвать намного меньше проблем. Хотя, учитывая мой случай с Хоуп, я едва ли в состоянии раздавать советы по этому поводу.

— Разница в том, что я бы не стала его старухой, даже если бы он встал на колени и попросил бы меня об этом перед всем МК.

Вот дерьмо. Я не видел, что Тринити зависает за углом. Боль в её голосе заставляет меня пожалеть о произнесённом моим проклятым ртом. Издёвки над Рофом не стоят тех ран, которые его сраные комментарии могут ей нанести.

— Блядь, Тринити. Мне необходимо заставить тебя носить сраный колокольчик на шее, — подтруниваю я, смягчая напряжение.

Она полностью показывается из-за угла. На лице застыла не затрагивающая её глаз улыбка.

— Спасибо, что вступаешься за меня, Рок.

Я раскрываю руки, и она устремляется ко мне, одаривая Рофа смертельным взглядом. Я быстро обнимаю её.

— Ты очень помогаешь клубу, Тринни, и мы *все* ценим то, что ты делаешь.

— Я знаю: это неправда. Но уверена, что *ты* ценишь, лишь это имеет значение.

Я ласково похлопываю её по боку и вижу, как трепещут ноздри Рофа. Это абсурд, потому что он чертовски хорошо знает, что она для меня словно младшая сестра.

— Ты уезжаешь, детка? — спрашиваю я.

— Кухня на данный момент вымыта. Там ещё остались девушки, поэтому, если вы снова устроите бардак, они позаботятся об этом.

— Хорошо. Ты вернёшься позже?

Её взгляд скользит по Рофу, а потом она отвечает:

— Нет. Вечером у меня свидание.

Роф разворачивается и без слов идёт внутрь.

Тринити хохочет:

— Это было смешно.

— Спасибо, детка. Он всё утро на это нарывался.

Она оборачивается с серьёзным выражением на лице:

— Мне понравилась Хоуп. Мы ещё увидим её здесь?

— Это входит в мои планы.

— Хорошо. Тебе пора найти правильную женщину. Ты так много делаешь для каждого. Ты тоже заслуживаешь быть счастливым, Рок.

Это, пожалуй, самый серьёзный разговор между мной и Тринни за последние несколько лет.

— Думаешь, сможешь ввести её в курс дела? Потихоньку?

— Конечно. Ты же знаешь, я всё для тебя сделаю, През, — мягкая улыбка поигрывает на её губах, и мне интересно, что происходит в её красивой головке. — Не переживай насчёт меня и Рофа. Этого никогда не случится. Я с этим покончила.

— Тринити...

— Серьёзно, Рок. Я в порядке.

Я нахожу Рофа в конференц-зале.

— Ты закончил заёбывать меня по поводу Тринити?

— Полагаю, да.

Он кладёт руки на стол и встаёт:

— Давай проверим внизу. Проспект подгонит фургон.

— Мы не станем брать сраного проспекта, — предупреждаю я, пока мы идём бок о бок по ступенькам в теплицу.

Здесь чертовски влажно и воняет будто подслащённым дерьмом, как только мы входим в герметическую дверь. В первой комнате ничего не растёт. Здесь всё расфасовывается. Стэш и Сказочник занимаются взвешиванием и упаковкой травки, которую мы поставляем шайке на Грин-стрит.

— Где Спарки?

Сказочник поднимает голову и закатывает глаза:

— Поёт своим саженцам.

Ничего нового. Спарки — золотая жила для клуба, но он проводит слишком много времени с травкой. Он смастерил себе небольшую спальню прямо здесь, но, когда конопля (прим.: сырьё, из которого делается марихуана) всходит, Спарки спит на раскладушке рядом с ней.

— Чудесно, — бурчу я.

Преодолев ещё одну герметическую дверь, я нахожу его в тот момент, когда он действительно поёт своим маленьким растениям. Шесть следующих комнат — настоящая эротическая мечта садовода. Спарки мог бы разбогатеть, если бы занимался обустройством теплиц на частной основе. Но много лет назад он выбрал клуб. Его гениальный план состоял в том, чтобы освободить нас от мексиканского картеля. Оправившись от первого ценового шока на оборудование теплицы, мы стали получать прибыль. Речь идёт о меньших суммах, чем от дел с мексиканцами, но также это подразумевает меньше риска и мёртвых «Королей». Безопасность моих братьев значит для меня больше, чем возможность покупать новую «Эскаладу» (прим.: марка внедорожника Cadillac Escalade) каждый год.

Отец Спарки был электриком, так что парень выучил это ремесло в юном возрасте. Он пошёл в инженерную школу, но по какой-то причине решил, что предпочёл бы жить вне закона вместо того, чтобы стать чопорным профессионалом.

Находка этого конференц-центра помогла Спарки воплотить план в жизнь. Независимая, огромная, изолированная и с двумя разными альтернативными источниками энергии. О большем и не попросишь. Он изменил нижний этаж так, чтобы тот отвечал его требованиям, не разрушая при этом всего сооружения, из-за чего множество теплиц могли бы пострадать. Я не знал всех подробностей, но до сих пор дом не сторел дотла, никто из нас не умер от плесени, поэтому понятно, что Спарки проделал отличную работу. Разные виды травки, которую он выращивал, имели хорошую репутацию и пользовались большим спросом. Деньги поступали на счёт, и все были счастливы.

Спарки вскидывает голову, прижимая указательный палец к губам.

— Шшшш, босс, эти детки ещё не знают тебя.

Я киваю. Не из-за моего мнения о том, что растения беспокоятся об официальном знакомстве, но потому, что не хочу вывести из равновесия ненадёжное присутствие рассудка Спарки. Указав пальцем на дверь, я лишь губами говорю ему, что нам нужно встретиться снаружи. Он вносит некоторые исправления и следует за мной.

— Это пиковое время для роста, босс. Мне нужно быть с саженцами, — шепчет он, как только дверь за нами закрывается.

— Ага, у нас сегодня поставка шайке с Грин-стрит. Есть что-то, о чём я должен знать?

Эта часть воодушевляет Спарки. Он потирает ладони в манере безумного учёного.

— Следуй за мной, босс.

Мы возвращаемся в переднюю комнату, где Сказочник и Стэш упаковали и сложили всё в три большие контейнера. На одном нарисована красная решётка, на другом — зелёный крест, на последнем — фиолетовый круг. Это способ Спарки держать всё под контролем.

Возбуждённый предстоящим волнительным объяснением того, как работают его детки, он ласково проводит рукой по контейнерам, останавливаясь на третьем.

— Это «Фиолетовый Призрак». Скажи им, что лучше всего он подойдёт для стресса, тревоги и бессонницы, потому что после курильщик будет в состоянии счастья и эйфории, но его будет слегка клонить в сон.

— Понял.

Парень смотрит на меня с прищуром, будто чувствует, что я не возбуждён этим всем так, как он.

Спарки заботливо касается следующего контейнера.

— Ладно, это «Искушённый Ублюдок». Мне понадобилось два года, чтоб сделать его идеальным. Отличная травка, пробирающая до костей. Больше всех они должны заплатить именно за неё, ладно?

— Ок, я это передам, — он кивает. — Что в ней особенного? — подсказываю я.

Спарки сияет от счастья из-за моего интереса к его созданию. Пока я не верю во всю эту хрень о том, что мы предлагаем медицинское лекарство, в душе я обманщик, который хочет уговорить покупателя взять свой товар.

Он ударяет кулаком об кулак перед своим лицом и отвечает через несколько секунд:

— Ладно, ладно. Это крутое средство для облегчения боли. Кто угодно с мигренью, артритом, фибромиалгией (прим.: состояние организма, вызванное постоянной, а иногда и изнурительной болью в мышцах, которая сопровождается усталостью всего тела. Никто не знает точно, что вызывает её, но фибромиалгия может быть последствием как физических, так и эмоциональных травм, а также вирусных инфекций) или с дерьмом вроде того — оно для них.

Болеутоляющее. Господи Боже, что стало со старым добрым «Мотрином» (прим.: болеутоляющее на основе ибупрофена)?

Я указываю на последний контейнер, и Спарки начинает свою долгую проповедь:

— Это самое лучшее. Она — красавица. За неё определённо проси больше, — он не понимает, что уже говорил подобное в прошлый раз, но и я не напоминаю. — «Рыжая Вдова».

Я глубоко вдыхаю. Это совпадение, но ощущается странным предзнаменованием.

— «Рыжая Вдова» облегчает депрессию лучше, чем какой-то «Прозак» (прим.: антидепрессант). Она оставит их счастливыми и с приподнятым настроением.

Роф, всё время молчавший, начинает смеяться как придурок. Чувства Спарки мгновенно оскорблены.

— Неее, ты проделал невероятную работу, бро. Просто През как раз нашёл свою «Рыжую Вдову», приподнявшую ему настроение.

Удовлетворённый его ответом, Спарки возвращается к своим растениям.

Я тычу пальцем в Рофа:

— Грузи эти контейнеры в фургон и держи свой рот закрытым. Ещё одно слово, и ты останешься здесь на ночь.

— Рок, я всего лишь шучу. Ты не можешь поехать без меня.

Он прав. Я выбрал его своим инфорсером (прим.: член гангстерской банды, функцией которого является принуждение к выполнению её требований или приведение в исполнение её приговоров) не просто так. Хотя у меня и хорошие отношения с шайкой с Грин-стрит, это не означает, что поставки безопасны. Тем не менее он весь день испытывает моё грёбаное терпение.

— Остынь, мать твою, или я выкину тебя из доли. Не испытывай меня.

По большей части доход клуба распределяется поровну. Двадцать пять процентов идёт прямо на счёт МК. Остальное делится между всеми членами, за исключением тех, кто имеет непосредственно прямой доступ к проведению поставок. Им перепадает дополнительный

куш. Поэтому, паясничая, Роф рискует своим толстым конвертом с наличкой. Спарки также получает определённую долю, как и мы, по очевидным причинам. Сейчас всё по-другому, нежели тогда, когда я появился в клубе. Парни из верхушки забирали всё, оставляя крошки тем, кто был ниже рангом. Моё видение ситуации такое: мы все подвергаем себя определённому риску, поэтому должны быть вознаграждены за свои жертвы. Я бы никогда не смог спать спокойно в своём поместье, зная, что ребята сводят концы с концами, оплачивая счета или подобную хрень. Я так не поступаю и *знаю* точно: этот метод не предполагает верность. Лидерство по-прежнему приносит больше, потому что включает в себя больше работы и риска, но в конечном итоге всё это — работа команды. Я стараюсь платить честно каждому. Не моего ума дело, что они делают после этого.

— Давай, пора загружать это дерьмо, — рычит Роф Стэшу и Сказочнику.

Стэш поднимает выдвижные ступеньки подвала и толкает створки двери.

— Шутник! Подгоняй фургон!

Убедившись в том, что они могут справиться с этим без меня, я отправляюсь наверх подготовиться.

Скомканные простыни напоминают мне о произошедшем здесь пару часов назад: я владел женщиной, которая два года жила у меня под кожей. Мой член твердеет от воспоминаний о её мягкой коже и скользком жаре. Блядь. Я так соскучился по ней и начинаю дёргаться из-за этого. Поверить не могу, что превращаюсь в такого сентиментального придурка. Особенно сегодня вечером, когда меня ожидает серьёзное дело. Не самое удачное время. Мы совершаем эту поставку только раз в пару месяцев. Мне нужно привести голову в порядок.

Меня дразнит даже душ. Внутри я нахожу несколько длинных волосков Хоуп. Пусть меня долбанёт молнией, если она не воспользовалась и моим бритвенным станком тоже. Мысль о взволнованной Хоуп внутри моей душевой, готовящейся для меня, пробуждает во мне желание выследить её и трахать до потери сознания.

Едва успев обсохнуть после купания, я уже стою в своей гардеробной и надеваю кевларовый (прим.: арамидное волокно (полипарафенилен-терефталамид), выпускаемого фирмой DuPont. Кевлар обладает высокой прочностью) жилет. Я всегда в нём на поставках. Как уже было сказано, у меня хорошие отношения с шайкой с Грин-стрит, но чем чёрт не шутит. Я не доверяю ни одному из этих мелких засранцев. Натягиваю рубашку, а потом застёгиваю кобуру. В ней уже ждут два девятимиллиметровых. В прошлом году моя обойма признана нелегальной сраным нью-йоркским законопроектом по контролю за оружием, потому что в ней десять патронов. Эти уличные панки не их тех, кто скажет: «О, мне разрешено вставить только семь патронов». Да и я не такой. Опускаю пару дополнительных обойм в карман брюк и направляюсь вниз.

Просовываю голову в фургон, дабы убедиться, что все три контейнера загружены. Хоть в чём-то Роф сегодня хорош. Зед и Сказочник сидят впереди. Мы с Рофом берём байки. Меня накрывает чувство тревоги, и я возвращаюсь в клубный дом:

— Брикс, рад, что ты здесь. Почему бы вам с Мёрфи не сесть нам на хвост сегодня вечером?

— Уверен, босс?

— Что не так, През? — интересуется позади меня Роф.

— Всего лишь странное чувство. Не переживай — я заплачу им из своей доли.

Он вздыхает:

— Это не то, что я имел в виду. Мы всегда ездим вчетвером. Что тебя беспокоит?

Я не уверен на сто процентов, что ужалило мою задницу сегодня.

— Ничего. Я просто хочу, чтоб они поехали на поставку. Посмотрели, как всё происходит.

— Я найду Мёрфи, и встретимся снаружи, — отвечает Брикс, поднимаясь с места.

— У тебя плохое предчувствие? — спрашивает Роф.

Я пожимаю плечами, чувствуя вес двух пистолетов по бокам.

— Пусть поедут в фургоне.

Очевидно, Роф хочет узнать что-то ещё, но он всё понимает. Я сажусь на свой байк. Четверо братьев размещаются в фургоне, и мы срываемся с места. Я возглавляю нас, Роф едет рядом, а фургон следует за нами. Теперь мне интересно, стоило ли поставить двух парней позади машины. Не очень хорошо начинать сомневаться в этом направлении бизнеса.

Эмпайр, конечно, не самый большой округ в Нью-Йорке, но даже при таком раскладе понадобится полтора часа на поездку из одного конца в другой. Пробег до Эмпайр-Сити занимает тридцать минут, а потом ещё пятнадцать, чтобы проехать по городу до Ривервок-Парк, где и назначена встреча. Место находится сразу же за магистралью, но помимо нескольких бездомных, спящих там каждую ночь, обычно никого нет. В задней части парка густые деревья обеспечивают нам достаточно уединения.

Как только мы проверяем пустую парковку, я даю ребятам сигнал отогнать фургон дальше по дороге, ведущей к нашей точке обмена. Я еду вперёд, дабы убедиться в том, что всё выглядит нормально. Заметив Стрелка, паркую байк и встречаю молодого главаря.

— Где твоя команда, мужик? — спрашиваю я после нашего мужского ритуала приветствия через рукопожатие и удар плечом к плечу.

— Ублюдки опаздывают. Ты же знаешь, всегда преследуют какую-нибудь киску.

— Знаю, но тебе бы установить правила. Ты босс.

В конечном итоге я консультирую Стрелка гораздо чаще, чем хотелось бы признать. С недавних пор на его плечи легло немало ответственности. Мне нравится парень, но не думаю, что он долго продержится. Банда его не уважает.

Урчание машины прерывает нашу беседу. Фары освещают тротуар. Я узнаю двоих во внедорожнике: Мизинца и Кидда. Они машут и паркуются возле фургона, практически блокируя путь. Мой взгляд скользит к обочине и травянистому участку вдоль дороги. Он плотно усеян зарослями кустов, но, если понадобится, я смогу прорваться через них на байке. Как и фургон. Он в состоянии пробиться сквозь вечнозелёные деревья перед ним, если это будет необходимо.

Почему я думаю об этом? В какой-то степени мой мозг так работает везде. Сегодня же вечером он почему-то трудится сверх меры.

— Давай посмотрим товар, — смеётся Стрелок.

Он похлопывает меня по плечу и важно идёт к фургону. Мизинец и Кидд встречают нас у задних дверей. Роф, Зеро, Сказочник и Брикс также присоединяются к вечеринке. Стрелок выгибает бровь, видя дополнительных вооружённых людей, но у него нет яиц, чтобы спросить о причине. Мёрфи распахивает створки дверей изнутри и подталкивает один из контейнеров к краю. Этот наполнен «Искушённым Ублюдком».

Стрелок фыркает:

— Такой МК есть в Окленде, знаешь? — я не знал, но задумался о Спарки. — Мелкий.

Типа из бывших копов или подобных засранцев, — продолжает Стрелок, будто мне есть до этого дело.

Я начинаю передавать ему партию товара, а он достаёт небольшой блокнот и один из этих маленьких, остро заточенных карандашей и начинает записывать каждую упаковку. Это, в самом деле, бесценно.

Когда мы заканчиваем с представлением, Кидд передаёт Стрелку толстый конверт и маленькую брезентовую сумку. Я вопросительно вздёргиваю бровью на конверт: наша обычная плата прекрасно помещалась в подобном мешке. Стрелок отводит меня в сторону, и я даю ребятам сигнал перенести контейнеры во внедорожник.

— Это чаевые от Локо (прим.: в оригинале Лосо, что с испанского «безумный», «чокнутый») в знак благодарности за заботу о проблеме с «Вайперами».

Вопрос с ними был решён в прошлом году, так что я не знаю, почему Локо понадобилось столько времени, чтобы сказать спасибо. Это тоже чертовки странно. Никто в нашем мире не делится деньгами ради прикола. Я открываю конверт, и в нём где-то двадцать тысяч. Интересно. Стрелок мог бы оставить их себе, и я бы никогда не узнал о них.

Ах, это тест. Чтоб меня. Стрелку недолго осталось. Никакого уважения снизу и доверия сверху. Боже.

— Спасибо, чувак. Я перезвоню Локо и скажу, насколько благодарен ему, — не хочу быть ответственным за смерть этого малого.

Когда я запикиваю конверт за пояс джинсов, тихую ночь заполняет грохот выхлопных труб Харлеев. Слишком уж, блядь, близко. Они определённо заехали в парк. Мой взгляд мечется к Стрелку, и тот уже готов обосраться. Не впечатляет и не удивляет.

— Сворачивайтесь! — кричу я своим парням.

Четверо следуют к фургону и запирают его. Роф передаёт сумку через переднее окно Зеро и прыгает на свой байк. Кидд и Мизинец стоят снаружи внедорожника, выглядя сбитыми с толку.

Стрелок пялится в сторону деревьев.

— Где твой ствол, Стрелок?

Он поворачивается ко мне и смотрит так, будто понятия не имеет, о чём я говорю. Медленно он приподнимает рубашку и вытаскивает свой Глок. Вытащив один из своих пистолетов из кобуры, я прикручиваю к нему глушитель. Мы не совсем в городе, но и не в глуши.

Два ездока на Харлеях появляются перед внедорожником, беспорядочно стреляя в воздух. Какого хера? Я узнаю в них панков с 18-ой Стрит-бойз, соперников шайки с Грин-стрит. Ума не приложу, почему они, мать вашу, на Харлеях. Явно не то, что они обычно выбирают для поездок, — это видно по тому, как им с трудом удаётся контролировать свой транспорт. Первый идиот тормозит и наставляет своё оружие на Стрелка. Роф появляется из ниоткуда и сбивает панка с байка. Оба — и парнишка, и байк — падают на землю.

У второго, кажется, даже нет пистолета. Он по-прежнему ошеломлён тем, как его приятелю надрал задницу образчик ярости, представляющий собой некогда подпольного бойца с шестидюймовым пистолетом, ростом сто восемьдесят два сантиметра и весом сто семнадцать килограммов. Мне и самому есть чем похвастаться по части драк. Мы с Рофом годами тренировали друг друга. Бросившись на панка, я пришилаю его к земле. Он получает несколько точных ударов, но те лишь распалают меня. Когда он наконец-то перестаёт сопротивляться, я поднимаю его на ноги. Роф делает то же самое со своим

трофеем.

— Какого хуя, думаешь, ты делаешь? — кричу я.

Панк, которого я держу, плюёт в мою сторону.

— Я не собираюсь отвечать тебе, старик.

— Этот старик только что надрал тебе задницу, — отвечаю я прежде, чем бью кулаком ему в живот. Он сгибается пополам и недовольно бурчит.

Стрелок в конечном итоге выходит из своего ступора, комы или чего-то в этом роде, что его парализовало. Он приставляет свой пистолет к голове панка:

— Пытаетесь нас грабануть? На ёбанных Харлеях?

Да, касательно этого.

— Брикс, Сказочник, сюда.

— Панки, вы увели их у кого-то?

Я получаю всего лишь стоны от того, который сейчас валяется у моих ног. Придурок Рофа более сговорчив:

— Да! Мы стащили их у «Грин Рум».

Территория «Вайперов».

— Вы двое самоубийцы или просто тупые?

— Не так быстро, — киваю Бриксу. — Прихвати немного стяжек и маркер.

Он возвращается через несколько секунд. Мы тащим мелких панков к деревьям и прислоняем спинами к одному с самым толстым стволом. Стяжками я притягиваю обоих спинами к друг другу и к дереву. Удовольствия ради пишу на их лбах: «*Не кради у "Вайперов"*».

Роф пожимает плечами и кивает:

— Поделом.

Стрелок, Мизинец и Кидд подходят к нам и ржут.

— Возвращайтесь к «Грин Рум» и скажите им, где они могут найти их байки, ок?

Если туда поедет Стрелок, проблем будет гораздо меньше, нежели сделай это один из нас. Да и вся эта ёбаная ситуация является проблемой шайки с Грин-стрит, а не «Потерянных Королей», так что я не хочу ввязываться в неё ещё больше, чем уже пришлось. Весь адреналин, струящийся во мне, вызывает зверское желание увидеть Хоуп. Быстрый взгляд на запястье говорит мне, что сейчас только половина десятого. Она ещё не ложилась в постель.

— Забери деньги в клуб и положи в сейф, — шепчу я Сказочнику.

Будучи казначеем, он считает и сортирует их перед тем, как запереть в сейфе. Завтра ночью мы поделим их в церкви. Он ударяет кулаком об мой кулак, и четверо братьев залезают в фургон.

— Куда направляешься, През? — с ухмылкой спрашивает Роф.

Мой взгляд «*не твоего ума дело*» сегодня не работает.

— К Хоуп.

— Передавай ей привет.

Ага, конечно.

Глава 12.

Хоуп.

Уставшая после шопинга и спа-дня, я первым делом, когда прихожу домой, ложусь спать. Плачевно, знаю, но за последние два дня я сделала больше, чем за последние двенадцать месяцев вместе взятых, так что имею право.

Когда я просыпаюсь, на улице уже темно. Проверяю телефон, но от Рока нет ни звонков, ни смс. Моя гордость слегка задета. Я представляю его в «Хрустальном шаре» с девушкой типа Инги на коленях перед ним, и от этого мой желудок скручивает.

Глупость. Мы провели вместе лишь ночь. Я попрощалась с ним менее двенадцати часов назад. Он не обязан звонить мне или ещё что-то. Кроме того, я напоминаю себе, что у него есть дела. Кто знает, какое время они займут? Его бизнес ведь не обусловлен рабочими часами.

Чувствуя себя немного вспотевшей после сна, я собираю волосы на макушке и принимаю быстрый душ. Обернувшись полотенцем, разбираю свои дневные покупки. Вытаскиваю атласные пижамные шорты с кружевными бантиками по бокам и соответствующую им крохотную хлопковую футболку. Как только я почувствовала себя ухоженной и гладкой после дня спа, мне хочется носить нечто достойное моего нового облика. Ноги мёрзнут, но я не собираюсь надевать ничего, что скроет мой свежий небесно-голубой педикюр, поэтому регулирую в комнате температуру.

Вроде удобно.

Моя дремота оставила меня обессиленной. Подумываю позвонить Софи, но она говорила, что Джонни в городе, поэтому лучше не буду её тревожить. Листая Netflix (прим.: американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа), решаю начать смотреть сериал, который есть в моём списке. Немного попкорна не помешало бы, так что я достаю аппарат для его приготовления и нахожу чашу с кукурузными зёрнами. В ту секунду, когда моя задница касается подушек на диване, я слышу отдалённый рокот мотоцикла. Моё сердце колотится. Это, должно быть, Рок.

Естественно, несколькими минутами позже в мою дверь стучат. Сначала я выглядываю в окно и только потом открываю дверь. Его лицо заставляет меня попятиться на несколько шагов назад.

— О боже мой! — я затаскиваю его внутрь и касаюсь пальцами его подбородка, дабы получше рассмотреть синяк, украшающий правую сторону лица Рока. — Что случилось?

— Ничего, — он берёт меня за руку и сжимает её, а потом целует пальцы. — Ты всегда так одета, открывая дверь посреди ночи?

— Нет, я... Эм... — его вопрос раздражает меня, когда я понимаю, о чём он. — Сначала я проверила, чтобы убедиться, что это ты, и только потом открыла, — бурчу я. — А теперь отвечай, что случилось с твоим лицом?

— Несчастный случай на работе, — после его слов уголки моих губ опускаются. Ненавижу видеть его боль. — Я не стеклянный, детка. Поверь, я выдерживал и худшее.

Мне от этого не становится тепло и уютно. Меня это даже страшит. Прежде чем я окончательно впадаю в панику, он удерживает мои плечи и хорошенько осматривает меня.

— Мне нравится то, что на тебе надето. Это ужасно мило.

Я пожимаю плечами:

— Сходила сегодня за покупками.

Он пинает дверь, чтобы та закрылась.

— О, да? Чем ещё ты занималась?

Я надуваю губы:

— Сходила в спа.

Впервые он замечает мои волосы. Рок втягивает воздух, а после медленно выдыхает в сторону моего лба, раздувая новоявленную чёлку.

— Ты вернула её.

Я снова передёргиваю плечами, приглаживая ладонью свои короткие локоны. Моя новая причёска всё ещё немного смущает меня, и взгляд Рока не помогает.

Его руки опускаются к моей талии, и он притягивает меня ближе. Я машинально встаю на носочки, чтобы встретить его губы, обещающие обжигающий поцелуй. Он обнимает меня, притягивая в безопасность своего тела. Аромат кожи и свежего воздуха окутывает его, и я делаю глубокий вдох.

Движение его губ на моих становится более настойчивым, когда он толкает меня к кухне. Мне бы стоило знать планировку собственного дома, но я так потерялась в его поцелуе, что врезаюсь в столешницу. Рок не пропускает это. Он поднимает меня и усаживает на неё, устраиваясь между моих колен.

Он разрывает поцелуй и прислоняется своим лбом к моему, глядя прямо в мои глаза.

— Твои столешницы идеальной высоты, — шепчет он.

Его дьявольская улыбка только подливает масла в огонь, который полыхает у меня в животе.

— Это *ты* идеального роста, — отвечаю я, отталкивая его и соскальзывая со стойки.

Голод и любопытство борются на его лице. Мне приходится ухватиться за его бёдра, чтобы не упасть, когда я опускаюсь на колени. Чтобы разобраться с ремнём, мне требуется минутка. Ладони Рока скользят поверх моих, когда он расстёгивает его, а после позволяет мне заняться пуговицей и ширинкой.

Жёсткая длина заполняет мои руки. Лёгким касанием я пробегаю пальцами по мягкой, будто атлас, коже, познавая и восхищаясь. Раскрыв губы, провожу языком по его гладкой головке, затем скольжу им снизу и полностью беру в рот. Рок стонет надо мной, а затем шипит, стоит мне обвести член языком. Его руки запутываются в моих волосах, но прикосновение остаётся лёгким. Я медлительна и нетороплива в своём исследовании. Прошло немало времени с тех пор, как я занималась этим.

Голова немного кружится от всепоглощающего желания, когда я отклоняюсь, чтобы посмотреть на его тяжёлую эрекцию, покачивающуюся перед моим носом. Дикий голод распространяется во мне от живота до клитора, но я сопротивляюсь желанию коснуться себя. Сейчас это не для меня. Обернув пальцами его ствол, я двигаю ими вверх и вниз по шелковистой коже. Наклоняюсь вперёд и вдыхаю его запах. Дикий, солоноватый, мускусный аромат мужчины. Мой язык дёргается вперёд, снова пробуя чувствительную кожу на кончике его члена. Я слышу надо мной грубый рык Рока.

Хммм... Я могу и лучше.

С мыслью об удовольствии Рока я принимаю ближе и кружу языком вокруг головки его длины. Позволяю своим глазам закрыться, пока моя рука двигается вниз и вверх по его стволу. С болезненной медлительностью я беру его в рот. Мой язык танцует под его членом, зарабатывая оценку в виде шипения мужчины надо мной. Пальцы Рока стискивают мои волосы немного сильнее, а его бёдра подаются вперёд, с большим напором толкаясь к моим губам. Накатывающее чувство паники растёт внутри меня, но я не даю ему вырваться наружу. Я так сильно хочу Рока. Медленно выпускаю член изо рта, пока между моих губ не остаётся лишь головка, а потом снова глубоко его вбираю. Ещё несколько подобных

повторений, и его бёдра дёргаются вперёд с отчаянной нуждой. Мои глаза распахиваются, и я пялюсь на него. Ярость и голодный блеск в его взгляде посылают болезненный жар к моему центру.

— Хоуп, — хрипит он, — Малышка, остановись.

Я мычу в несогласии и слышу, как он со свистом втягивает воздух. Когда его глаза снова закрываются, я проталкиваю свою руку в джинсы Рока и обхватываю его яйца.

— Иисусе, Хоуп, — рычит он.

Его руки подхватывают меня и поднимают с пола. Я отпускаю его с мягким, влажным хлопком. Я не сразу могу почувствовать холодную поверхность столешницы под моими бёдрами. Рок берёт моё лицо в ладони и накрывает мой рот глубоким поцелуем. Края его футболки щекочут мои бёдра, и я задираю её, нуждаясь в твёрдой горячей плоти на своей. У меня на пути оказывается его кожаный жилет, который я спихиваю с его плеч. Рок убирает руки от моих щёк, но не разрывает поцелуй, так что я могу стащить жилетку. Я складываю её и аккуратно кладу рядом с собой, на секунду прекращая наш поцелуй. Я в шоке глазею на то, что пряталось под ней.

В пристёгнутой к его телу кобуре находятся два пистолета. Моя челюсть отвисает, и я отдёргиваю руки к коленям, боясь прикоснуться к оружию. Он расстёгивает кожаные ремни и снимает кобуру со своего тела. Очень осторожно Рок кладёт их поверх своей жилетки. Я не уверена, что думать о таком аксессуаре. Пистолеты заставляют меня нервничать. Но потом его руки снова в моих волосах, губы на моих губах, и я возвращаюсь к его футболке. Он разрывает поцелуй ровно настолько, чтобы снять её и бросить на стволы. Если оружию не удалось напугать меня до ужаса, то пуленепробиваемый жилет бьёт все рекорды.

— Рок, что...

— Шшш. Позже, детка.

Потом он снимает маечку с меня. Мои руки сразу же тянутся к его животу, следуя по твёрдым линиям мышц и очертаниям татуировок. Он сплошное точёное совершенство. Его ладони обхватывают мои груди, а большие пальцы находят и дразнят соски. Дикое желание на его лице заставляет меня извиваться.

— Рок, — шепчу я.

Он скользит руками к моей талии и стягивает мои шорты. После небольшой борьбы срывает их и пленит меня ещё одним поцелуем. Его твёрдое тело толкается между моих бёдер, а его член на уровне...

Рок стонет и отодвигается. Мои глаза распахиваются, и я наблюдаю, как он выуживает маленькую коробочку из кармана своей жилетки.

— Кто-то много мечтал, — дразню я.

— У нас есть только три, малышка. Давай их посчитаем, — отвечает он, раскатывая презерватив по своей длине.

Его руки опускаются на мои бёдра, когда он притягивает меня к краю столешницы. Подняв ноги, я обвиваю ими его талию, открываясь перед ним. Он подаётся вперёд и слегка сдвигается, но угол неудачный. Издав разочарованный стон, Рок поднимает меня и полностью насаживает на свой член. Я обхватываю его шею руками и набрасываюсь на его губы. Мои бёдра неистово подрагивают в воздухе, скользя по нему.

Рок отрывается от моего рта.

— Диван? — задыхается он.

Я взмахиваю рукой в направлении гостиной:

— Туда.

Всё ещё удерживая меня в руках, с джинсами на бёдрах, он перемещает нас в гостиную. Опустившись на диван, он рычит, когда под новым углом его член входит в меня глубже. Для равновесия мои ладони покоятся на его широких плечах.

— Хорошая девочка. Так и объезжай меня.

Ему не нужно повторять дважды. Я двигаюсь вверх и скольжу вниз, упираясь коленями в подушки дивана.

— Ох, блядь, — стонет Рок мне на ухо. — Ещё раз, — одной рукой он шлёпает меня по бедру, а второй устремляется к моему клитору. — О, малышка, что ты...

Он слишком далёк от того, чтобы закончить мысль, но я знаю, что Рок имеет в виду.

— Дёпиляция. Сегодня.

Его ладони сжимают меня:

— Такая гладкая. Не могу дождаться, когда вылижу её.

Всего лишь обещание его языка, скользящего по только что оголённой плоти, посылает волну жара к моей киске. Я шире раздвигаю ноги, сильнее насаживаясь на него. Он двигает бёдрами мне навстречу, наталкиваясь мои толчки, и мы оба начинаем задыхаться.

— Блядь, Хоуп.

— Аах-хааа.

Рок стискивает мои бёдра по бокам и начинает яростно насаживать меня на себя. Животные звуки удовольствия поднимаются в его горле, пока он продолжает наращивать темп. Наша кожа сталкивается в свирепом, превосходном ритме. Каждый его дюйм стимулирует меня. Это напряжение наконец-то спадает, когда меня настигает мой первый оргазм. Жгучие, почти болезненные волны освобождения. Глаза Рока светятся сумасшедшей похотью, но это только толкает меня к тому, что я взрываюсь с ним ещё раз.

Неприятная судорога охватывает мою ногу, и я подпрыгиваю на нём. Из-за моих криков боли и удовольствия, Рок не понимает, что что-то не так, пока не открывает глаза.

— Хоуп, ты в порядке?

— Судорога... До сих пор... Нога.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Каким же, блядь, абсурдным кажется этот момент? Удовольствие стихает, уступая место мучительной боли в моей лодыжке.

— Встань, малышка.

Он помогает мне слезть с него и подняться, но я всё равно не могу выпрямить ногу. Рок наклоняется, массируя мою лодыжку, и помогает мне опереться на неё всем весом. Когда боль в конечном итоге утихает, я взрываюсь истерическим смехом и плачем.

— С тобой всё хорошо?

Я падаю на диван рядом с ним и разминаю ногу несколько раз.

— Думаю, да. Боже, со мной никогда такого не случилось.

Он поглаживает мою ногу, а затем встаёт с дивана.

— Я принесу тебе немного воды. Сейчас вернусь, — он проводит пальцами по моей щеке и уходит в сторону кухни.

Когда Рок возвращается, джинсы застёгнуты, но футболки, слава Богу, нет. Он передаёт мне стакан. Диванные подушки проминаются, когда он садится рядом со мной. Вода охлаждает горло — я и не понимала, как сильно оно першит. Всё выпив, ставлю стакан на стол возле себя. Рок внимательно за мной наблюдает:

— Лучше?

— Да, спасибо.

До меня доходит, что я абсолютно обнажённая, но мне плевать.

— Иди сюда, — Рок притягивает меня за руку.

Я без колебаний забираюсь к нему на колени. Усевшись к нему боком, обнимаю руками его плечи и целую небритую щёку. Он пришивает меня к своим бёдрам, а большим пальцем выводит бесконечные узоры на моём бедре. Синяк на лице Рока выглядит ещё хуже.

— Давай принесу лёд для этого, — предлагаю я, выбираясь из его объятий. Тяжёлые шаги следуют за мной на кухню. — Я бы принесла туда, — отвечаю ему, не оборачиваясь.

— Всё в порядке. Не хочу выпускать тебя из виду.

На моих губах появляется стеснительная улыбка. Я открываю дверцу морозильника в поисках льда или замороженного горошка... Хоть чего-то. Наконец нахожу брокколи. Лучше, чем ничего. Оглядываюсь на Рока, который расшнуровывает у двери ботинки. Во мне вспыхивает слабое волнение, стоит мне интерпретировать его действие как намерение остаться здесь. Его потёртые джинсы свободно висят на нём, но я всё равно замечаю под ними подтянутую задницу. Меня накрывает сумасшедший порыв подбежать и сжать её. Вместо этого я нахожу кухонное полотенце и обворачиваю им пакет с брокколи. Когда поворачиваюсь, Рок стоит прямо передо мной, отчего я негромко вскрикиваю.

— Ты очень тихий без своих ботинок, — замечаю я.

Его губы изгибаются в усмешке, которая превращается в гримасу, как только я мягко прижимаю ледяной компресс к его лицу.

— Теперь расскажешь мне, что случилось?

— Нет, — просто отвечает он.

Он забирает пакет из моей руки, но оставляет его у своего лица.

Я умиряю свой гнев. У нас только что был взрывной секс, и Рок всё время остаётся милым с того момента, как переступил порог. Мы не знаем друг друга достаточно, чтобы я была готова показать ему всю свою внутреннюю стервозность, но меня трясёт от этого человека-загадки.

Выражение моего лица, наверное, выдаёт мою злость, потому что Рок вытягивает руку и скользит пальцем по моей щеке, вниз по шее и по ключице. Его прикосновение посылает по мне дрожь, и соски напрягаются в ответ. Я не могу оценить эффект, который он прямо сейчас оказывает на меня. Бросив взгляд на свою одежду на столешнице позади Рока, я пересекаю кухню и хватаю её.

— Эй, не прикрывай это сексуальное тело.

Я фыркаю в ответ. Холодные руки хватают меня за плечи и разворачивают.

— Думаешь, мы могли бы принять быстрый душ?

— Да, конечно.

Рок кладёт полотенце на столешницу и забрасывает овощи обратно в морозилку. Нечто серьёзное отражается в его глазах, когда он протягивает мне руку. Я беру её и веду его в ванную комнату рядом с прихожей. Не знаю, почему не в хозяйскую в моей спальне. Я не готова впустить его в пространство, которое мы делили с Клэем. По сути, из-за только что произошедшего на диване меня начинает грызть чувство вины. Мы с Клэем почти год копили, чтобы купить его, и никогда не занимались на нём сексом. Я не уверена, что с этим делать.

На меня обрушивается волна стыда.

Рок прижимает ладони к моим щекам, завладевая моим вниманием.

— Ты со мной, Хоуп?

— Ага.

— У тебя есть полотенца?

Я поворачиваю голову и понимаю, что на протяжении года я даже не входила в это помещение. У меня была уборщица, которая приходила пару раз, но здесь на некоторых поверхностях всё ещё лежит слой пыли. Я открываю небольшой шкаф, достаю два пушистых полотенца и кладу их на край раковины.

Рок отодвигает шторку душа, и я прикусываю губу. Любимые шампунь и гель для тела Клэя выстроены на полке в ряд. Как я могла быть такой глупой? Вот почему я не заходила сюда. Это была его ванная. Так как он уходил на работу раньше меня, Клэй всегда принимал душ и одевался здесь, а не в нашей спальне. Не знаю, как остановить это сумасшествие, кипящее внутри меня, или как показать Року, насколько я не хочу здесь находиться.

Пока ждёт, когда вода достигнет нужной температуры, он стаскивает с себя джинсы. Задница, которую несколько минут назад мне хотелось облапать, теперь находится на расстоянии вытянутой руки, но я ничего не могу сделать. Мои глаза поднимаются выше и расширяются, стоит мне увидеть его тагуировку во всю спину. Это городские джунгли в форме красочного черепа, увенчанного короной. «МК “Потерянные короли”» написано под ним.

— Это действительно красиво, — шепчу я.

Рок поворачивается ко мне:

— Точно. Тебе предстоит кое-какая исследовательская работа.

Мой взгляд мечется вверх и вниз по его телу, когда он заходит в душ. Он придерживает шторку открытой, подзывая меня к себе. Я подхожу к шкафчику и хватаю резинку. Собрав свои недавно уложенные волосы в пучок, я присоединяюсь к Року в душе.

— Почему пиратский корабль? — интересуюсь я, когда он оказывается ко мне лицом. Его тело блокирует все брызги воды, поэтому я относительно сухая, пока стою там.

— МК как современные пираты. По крайней мере, они такие для меня.

Не знаю, как это понимать. Моё внимание привлекает покрасневшая и посиневшая кожа в верхней части его груди, но я больше не задаю вопросов. Не тогда, когда аромат геля Клэя заполняет пространство между нами. Слезы застилают мне глаза.

— Хоуп, ты в порядке?

— Да, просто немного устала.

— Вперёд, выбирайся, малышка. Я закончу через секунду.

С облегчением я вылезая из душа, заворачиваюсь в полотенце, сажусь на закрытый унитаз и позволяю слезам тихо катиться по щекам.

Рок.

Что-то случилось в ту минуту, когда мы вошли в ванную. Всё в Хоуп изменилось. Ни одна из запланированных мной игр в душе сейчас не будет к месту. Смотрю на бутылочку «Dove for Men» в своей руке и прикусываю язык, дабы не выругаться. Я так обрадовался, что мы не отправились в её ванную комнату. У меня даже мысли не возникало, что её муж мог пользоваться этой душевой. Мне хочется ударить себя за то, что я не был более чутким.

В моём сердце Хоуп уже моя девочка, но я не представляю, как она всё это воспринимает. Я не хочу больше ничего, кроме её постоянного присутствия в моей жизни.

Она нужна мне в моих руках, на моей коже, в моей постели, на моём байке каждую секунду каждого дня. Понятия не имею, чувствует ли она то же самое.

Моя отстранённость на кухне, вероятно, тоже не помогла. Хоуп не такая, как остальные женщины. Она не принимает отказ. Даже если она ещё и не стала тем же адвокатом с дерзким язычком, коим была в нашу первую встречу, эта её сторона рано или поздно вернётся. Когда я буду приходить домой адски загруженный, она будет требовать ответы каждый грёбаный раз. С её острым умом и заботливым сердцем, которыми я восхищаюсь, будет несправедливо утаивать от неё правду.

Насколько я знаю, парни либо рассказывали своим старухам всё, либо не говорили ничего. Разрозненные факты принесут лишь больше проблем. Хоуп будет такой старухой, с которой я буду делиться всем. Меньшего она не допустит. Только я не уверен, примет ли она меня. Всего меня. То, кто я есть и чем занимаюсь. Чёрт, в день, когда мы встретились, я был в наручниках и кандалах, но вот где мы сейчас. Я не настолько тупой, чтобы думать, будто она забыла нашу первую встречу. Мне наконец-то выпал шанс быть с ней. Теперь необходимо совместить Хоуп из моих воспоминаний с той, что стоит сейчас передо мной. Если говорить начистоту, настоящая Хоуп превосходит ту из воспоминаний.

До моих ушей доносится тихое всхлипывание, и я выключаю душ. Отдёрнув занавеску, нахожу съёжившуюся на унитазе и завернутая в полотенце Хоуп. Не взглянув в мою сторону, она хватает второе полотенце с раковины и передаёт мне.

Я начинаю вытирать им лицо и морщусь, пройдясь тканью по щеке.

— Как насчёт полуночной поездки? — не знаю, что ещё сделать, чтобы вытащить её из дома.

Она шмыгает носом в последний раз и фокусируется на мне:

— Конечно.

— Есть рюкзак?

Она хмурится и миленько сжимает губы, как делает это всегда, когда что-то обдумывает.

— Кажется, да. А что?

— Собери кое-что из одежды — хочу забрать тебя к себе домой.

Следует небольшая пауза.

— Ладно, — она встаёт, потуже затягивая полотенце.

Я вылезаю из ванны и опускаю руки на её бёдра.

Хоуп тянется вперёд и касается своими губами моих, прежде чем уйти. В момент, когда за ней закрывается дверь, я с облегчением выдыхаю. Мне нужно увезти нас подальше от скорби, которая окружает это место.

Настроение Хоуп улучшается, как только мы покидаем её дом. Мои инстинкты не подвели меня в том, что нужно забрать Хоуп оттуда. Забрать *нас* от тех призраков, с которыми она не в силах бороться. Каждый раз, когда сажусь на байк, привычный образ мыслей совершенствуется. Это чувство неопишуемой свободы. А с Хоуп за спиной оно превращается в совершенство.

Мы не обсудили произошедшее. Я не напоминал о том факте, что она явно плакала и после ничего не объяснила. Хоуп встретила в меня в гостиной, будучи уже одетой в джинсы, пару сексуальных сапог, облегающих её ноги от лодыжек до колен, и в одну из моих

толстовок. Трещащий по швам рюкзак висел у неё на руках. Кажется, она немало туда запихнула. Если честно, я был готов арендовать грузовик, чтобы прямо сейчас перевезти все её вещи в свой дом.

Мы влетаем в город. Мой дом находится всего лишь в нескольких кварталах от «Хрустального шара». Он расположен в приятном районе, но не представляет собой ничего фантастического: небольшое кирпичное бунгало с широким каменным крыльцом. Я огородил весь двор забором. Нажав на маленькую кнопочку на ключах, я открываю ворота. Как только мы без происшествий заезжаем внутрь, они с щелчком запираются за нами. Датчики движения оживают, освещая просторную подъездную дорогу и очень большой гараж, который я пристроил спустя год после покупки земли. Усовершенствованная система безопасности защищает гараж так же хорошо, как и дом. Среди инструментов, мотоциклов и деталей в гараже у меня больше ценного, чем во всём моём доме. Однажды я покажу ей своё рабочее место, но сейчас мне хочется увести её внутрь.

Я не был здесь несколько дней, оставив его в порядке, но сейчас воздух кажется слегка спёртым.

Хоуп стоит в прихожей, наблюдая, как я снимаю ботинки. Её руки теребят лямки рюкзака, поэтому я приподнимаю его и стягиваю с её плеч.

— Хочешь экскурсию?

Она вскидывает голову, и слабая улыбка зарождается в уголках её губ:

— Конечно.

Первая комната, в которую мы входим, — кухня, и Хоуп останавливается:

— Боже мой.

Мои губы изгибаются в улыбке от благоговения в её голосе. Кухня небольшая по всем параметрам, но всё равно кажется огромной. Тут установлены гранитные столешницы и первоклассные приборы, потому что, когда у меня есть настроение, я наслаждаюсь готовкой. Очень долгое время в моей жизни не было никого, кому бы я хотел готовить. Моя любимая часть — это встроенный угловой диван и стол, где могут уместиться восемь человек. Это место расположилось в большом эркере (прим.: выступающая за плоскость фасада часть помещения. Позволяет увеличить внутреннее пространство жилища, а также улучшить его освещённость и инсоляцию, в связи с чем эркер обычно остеклён, часто по всему периметру). Почти каждое утро, когда я бываю дома, мой завтрак заканчивается за кухонным островком с барными стульями.

— Здесь прелестно, — наконец-то произносит она.

— Утром я приготовлю для тебя хороший завтрак.

— Большие плохие байкеры готовят?

— Большие плохие байкеры делают много всего, — поправляю я.

Я тащу её в гостиную. Типичная гостиная парня. Даже если я едва ли смотрю телевизор, у меня на стене висит огромный экран. У противоположной стены стоит кожаный диван. Мы минуем туалетную комнату (прим.: в оригинале «a half bath», что значит санузел, состоящий из туалета и раковины). Гостиная больше напоминает кладовую для запчастей. Я веду её наверх. Моя спальня очень похожа на клубную. Хоуп подавляет зевок, переступая порог, и меня беспокоит слабое чувство вины. Я привык проводить на ногах большинство своих ночей, но не она. Пока я на подъёме, Хоуп, кажется, готова упасть и заснуть прямо сейчас.

— Иди сюда, куколка.

Я сажусь на край кровати и привлекаю её к себе. Наклонившись к её сапогам, медленно тяну молнию вниз. Одной тёплой рукой Хоуп держится за моё плечо, тогда как второй помогает снять сапог. Босиком, в узких джинсах и моей огромной толстовке она выглядит более молодой и хрупкой. Уверенность, что я позабочусь об этой женщине, выбивает из меня весь воздух.

— Ты прихватила тот сексуальный наряд, в котором собиралась спать?

— Нет, — смущённая улыбка расплывается на её пухлых губах.

— Хммм, и в чём же ты будешь спать?

Её взгляд опускается в пол. Несмелое действие не такое уж и робкое. Она просто очень осторожная. Когда Хоуп не отвечает, я задираю толстовку, стягивая ту через её голову. Под ней бледно-голубая майка, и я отчётливо вижу, что на ней нет лифчика. Слюна собирается на моём языке.

— Я могу спать в этом, — бормочет она.

Да. Да, она может. Или без ничего.

Я тянусь к пуговице на её джинсах, а затем помогаю им соскользнуть с её ног. На ней ярко-голубые хлопковые трусики-шорты. Здесь намного больше ткани, чем я привык видеть на женщинах, но они идут Хоуп. Без раздумий я выпрямляю руку и провожу пальцем по её тазовой кости. Она отскакивает.

— Я не осознавала, сколько потеряла веса, — шепчет она.

— У тебя был тяжёлый год, Хоуп, но ты красивая, несмотря ни на что.

Я встаю и прижимаю её к себе. То, как она тает в моих руках, пробуждает что-то во мне. Больше, чем просто мой член, хотя тот уже готов выйти и поиграть. Я опускаю руку и откидываю покрывало.

— Вперёд, залезай. Я закрою дверь и выключу везде свет.

Хоуп послушно забирается в мою постель и ёрзает под одеялом. Я спешу выполнить свою ночную рутину, желая поскорее вернуться к своей девочке. Когда возвращаюсь, звук её дыхания говорит мне, что она уже спит. В темноте я снимаю с себя одежду и ложусь рядом с ней. Слов «счастливый» и «довольный» будет недостаточно для описания моего состояния. Пляясь в потолок, я размышляю о том, как много раз за последние два года фантазировал лежащей в моей постели о Хоуп. Это подобно тому, как в детстве я чувствовал себя перед каждым Рождеством, только в этот раз вместо разочарования, что этот жирный весёлый ублюдок пропустил мой дом, у меня есть всё, чего мне хотелось. Я перекатываюсь и привлекаю её к себе. Она вздыхает и приникает к моему телу. Проходит много времени, прежде чем я засыпаю.

Всю ночь мне грезится Хоуп, хотя я и держу её в своих руках. До того, как сон окончательно рассеивается, осознаю, что моя ладонь находится в её трусиках и я ласкаю её гладкую кожу на недавно депилированном холмике. Мои глаза распахиваются. В комнате всё ещё темно. Пальцы следуют ниже, окунаясь в её влагу. Блядь. Средний палец скользит между её складок и вжимается в киску. Я представляю, как это делает мой член: она такая чертовски узкая. Моя голова склоняется к груди Хоуп. Её пухлые соски торчат под тонкой майкой. Я зажимаю один между зубов и дразню его языком через материал. Резкий вдох говорит мне, что она полностью проснулась.

— Рок? — зовёт она хриплым голосом.

— Да, малышка. Не двигайся.

Вынуть руку из её трусиков подобно пытке, особенно когда Хоуп выгибается от потери

ощущения моих пальцев в ней. Я поворачиваюсь на бок и достаю презерватив из прикроватной тумбочки. Она пытается обернуться и посмотреть на меня, но я удерживаю её на месте одной рукой, пока второй раскатываю латекс по своей длине. К счастью, она снимает с себя трусики и майку. Больше нет ничего, кроме нашей разгорячённой кожи. Я просовываю колено между её ног и закидываю её бедро на себя, тем самым широко раскрывая.

— Оставайся так.

— Да, — выдыхает она.

Я пристраиваюсь к ней и погружаясь в неё сзади. Одна моя рука обнимает её, а пальцы второй находят её клитор, и я принимаюсь описывать круги вокруг него. Хоуп стонет в ответ, начиная двигаться мне навстречу. Я нахожу её сосок и перекаत्याю его между пальцами, в то время как она насаживается на меня. Моё нападение на её клитор не останавливается, пока она не начинает кончать. Хоуп откидывает голову назад. Её губы распахиваются, тогда как её киска сжимает мой член. Я вырываю руку и обхватываю Хоуп за подбородок, чтобы поцеловать её. Она отвечает мне с такой отдачей, что я пропадаю. Толкаю её на живот, отбрасывая подушки с нашего пути. Мне всё равно недостаточно. Я стискиваю её бёдра и ставлю на колени так, что её плечи вжимаются в матрас.

— Вверх, малышка, я хочу видеть, как раскачиваются твои сиськи.

Она одаривает меня самым странным взглядом, но повинуется. Блядь, Хоуп охуенно горячая в этой позе для меня, поэтому я сразу вколачиваюсь в неё, словно обезумевший.

— Блядь. Я не могу насытиться. Ты такая чертовки горячая сейчас.

Мои руки цепляются за её плечи, пока я продолжаю трахать Хоуп. Она кричит, тяжело дышит и дёргается в моей хватке. Её киска сжимается вокруг моего члена, посылая меня через край. Я пропадаю.

Я, блядь, просто пропадаю.

После она прижимается ко мне сбоку, будто наши тела были созданы друг для друга. Хоуп осыпает мои лицо и шею этими нежными поцелуйчиками. Сладость этой женщины станет моей погибелью.

— Спасибо за понимание того, что мне нужно было выбраться из дома, и за то, что привёз меня сюда, — шепчет она между поцелуями.

Я обхватываю рукой её затылок, а второй прижимаю её бедро к себе. Смотрю на неё вниз.

— Ты хочешь поговорить об этом?

— А ты хочешь это услышать?

— Не спросил бы, если бы не хотел.

Хоуп, кажется, думает целую минуту, прежде чем заговорить:

— Ты сказал, что это может быть всем, чем я захочу. Но мне нужно знать. Или, думаю, ты должен знать. Я так не могу. Не могу быть временным трахом. Если это всё, что я для тебя значу, лучше скажи мне прежде... — она перестаёт бормотать и прижимается головой к моему боку. — Прости, — бубнит она в мою кожу.

— Малышка, посмотри на меня, — когда Хоуп наконец-то поднимает голову, я продолжаю: — Для меня это не временно.

Я хочу рассказать ей, как год назад решил, что она станет моей, и с тех пор не посмотрел ни на одну женщину, но понимаю: это прозвучит так, будто я сумасшедший сталкер, поэтому я проглатываю своё признание.

— Ты не могла быть случайностью для меня.

Её тело немного расслабляется.

— Думаю, я чувствую себя немного виноватой и грустной.

— Понимаю. Почему бы тебе не отдохнуть ещё немного. Ещё очень рано. Мы сможем поговорить утром.

Хоуп кивает у моей груди, а её длинные шелковистые волосы дразнят мою кожу. Я так благодарен за то, что она в моих руках, но не могу не заметить, как смерть Клэя поменяла мою девочку. Она явно потеряла ту дерзкую черту, которая завела меня при нашей первой встрече. Эта более мягкая, более ранимая версия Хоуп взывает ко всем моим внутренним инстинктам защитника.

Глава 13.

Хоуп.

Солнечные лучи пробиваются сквозь тонкие шторы. Потянувшись руками в другую сторону кровати, я осознаю, что одна в кровати Рока. Меня омывает волна разочарования. Пробуждение с ним несколькими часами ранее было похоже на блаженство, и не могу сказать, что не мечтаю о повторении.

Приглушённые голоса доносятся до меня, и я предполагаю, что он смотрит внизу телевизор. Моя скомканная майка запуталась где-то в простынях, но я нахожу её и натягиваю на себя. Обнаруживаю свои шортики на полу, где и скинула ночью, и тоже надеваю. Останавливаюсь в ванной, чтобы освежиться, а потом направляюсь вниз. Только когда вхожу в гостиную, я понимаю: это не телевизор. У Рока здесь компания.

— Бля...

Я поворачиваюсь и пытаюсь взбежать по ступенькам, но падаю, болезненно приземляясь на колено.

— Хоуп, ты в порядке? — Рок спешит ко мне. — Оставайся здесь, — приказывает он кому-то в гостиной. Думаю, это тот парень, Зед, но я не уверена.

Рок прикасается к моей спине, и я поворачиваюсь к нему лицом.

— Мне казалось, ты смотришь телевизор. Я не понимала, что здесь кто-то есть, иначе оделась бы, — жалко произношу я.

Его губы расплываются в широченной улыбке, и он давится смешком. Затем его сильные руки обнимают меня, поднимая вверх.

— Ты себе спину повредишь.

— Умоляю, Хоуп, ты едва ли что-то вешишь, — отвечает он с видимой обидой.

— Мне очень неловко.

— Не стоит. Зед прекрасно разглядел твою хорошенькую задницу. Теперь мне придётся ударить его несколько раз в лицо. Не переживай. Уверен, он согласится, что это того стоило.

— Не смей! — кричу я, пока Рок опускает меня на кровать.

Он садится передо мной на корточки, ласково прикасаясь к моему колену.

— Когда оденешься, спускайся вниз, чтобы мы могли приложить к нему лёд.

Тревога в его голове взывает прямо к моему сердцу.

— Спасибо, — шепчу я.

Он оставляет мягкий поцелуй на моём колене и встаёт.

Я влезаю в джинсы. Мне бы найти рубашку. Планировка спальни напоминает комнату в

клубе, так что я выдвигаю один из ящиков и нахожу стопку футболок. Чувствую себя немного странно, копаясь в его вещах, и хватаю первую футболку, к которой прикоснулась: чёрную с изображением Харлея спереди. Она доходит мне почти до колен, но я, по крайней мере, прикрыта. На всякий случай, если вдруг Рок попытается воплотить в жизнь угрозу Зеду, я спешу вниз. Они на кухне и заняты серьёзным разговором. Оба вскидывают головы, стоит мне войти.

Мне слишком неловко встречаться взглядом с Зедом. Я бормочу:

— Привет, — и фокусируюсь на Роке.

— Привет, Хоуп.

— Привет, Зед.

Я набираюсь смелости посмотреть на него.

— Ну, мне пора валить. Извиняюсь, что прервал, — отвечает он с ухмылкой.

Рок бьёт его по руке, заставляя Зеда поморщиться, а потом смеётся. Как только дверь за ним закрывается, Рок надвигается на меня.

Окутав себя его руками, я избавляюсь от всей отягощающей тревоги.

— Я одолжила одну из твоих футболок. Надеюсь, ты не против? — бурчу я в его грудь.

Его ладони рассеяно выводят круги на моей спине.

— Я совершенно не против, малышка. Можешь брать у меня всё, что тебе нужно.

Ого. Вроде бы он произнёс поспешно, но слова переворачивают всё внутри меня.

— Ну а сейчас ты, наверное, умираешь с голоду, поэтому давай приготовим тебе завтрак.

Его руки скользят к моей талии, и Рок поднимает меня, усаживая на высокий барный стул, выставленных в ряд вдоль кухонного островка. Он открывает морозильник, достаёт один из голубых пакетов со льдом и несёт ко мне. Прикладывает его к моему колену, и боль тут же начинает растворяться. Дома я бы, вероятно, проигнорировала её и забыла об ударе, но, когда за мной приглядывает Рок, такое невозможно.

Наблюдение за тем, как этот большой плохой байкер разбивает яйца в миску, нарезает лук и картофель и поджаривает хлеб, заводит меня. Футболка плотно обтягивает его массивную спину, и я, раз он стоит лицом к плите, могу нагло любоваться им. Созерцание того, как Рок готовит, распалает и волнует меня настолько, что к моменту, когда он ставит передо мной тарелку, я начинаю задыхаться.

— Ты в порядке?

С полным ртом яичницы бубню:

— Да. Так вкусно, — удаётся выдать мне до того, как набрасываюсь на хрустящую картошку.

Мы едим молча. Спустя несколько минут я отставляю тарелку.

— Как же я наелась.

Рок смотрит на меня с удивлением:

— Ты едва ли что-то съела.

Я пожимаю плечами:

— Для меня это много.

— Тебе нужно восполнить энергию, малышка.

— Неужели?

Он кивает, приканчивает свой кофе и соскальзывает со стула. Взяв за руку, Рок ведёт меня на улицу по влажной траве. Достаёт из кармана связку ключей и отпирает боковую

дверь массивного гаража, занимающего большую часть двора.

— Хочу показать тебе свою мастерскую.

Ладно, теперь я заинтригована. Помимо руководства стрип-клубом и своего мотоклуба — который, теперь я знаю, чертовски больше обычного «клуба» — я не была уверена, чем он на самом деле занимается. Конечно, как только мы оказываемся внутри, я чувствую себя глупо из-за своего любопытства, потому что пространство заполнено байками различной степени сборки.

Рок подводит меня к каждому экземпляру. Если учесть то, что это место используется для работы с грязным транспортом, гараж выглядит достаточно прибранным. Наступив босой ногой на какой-то изогнутый кусок металла, я ощущаю резкую адскую боль.

— Ой!

— Блядь. Я забыл, что ты без обуви.

В истинном стиле Рока он подхватывает меня на руки и усаживает на столешницу у стены. Боль настолько острая, что мне кажется, будто я уже всё забрызгала кровью. Когда Рок берёт мою ступню в руки, я с облегчением выдыхаю, видя неповреждённую кожу. Несколько минут спустя он прекращает потирать место укола и опускает мою ногу. Рок медленно наклоняется вперёд, прижимая руку к моему затылку и поворачивая мою голову, а после набрасывается на мои губы. Чувственное нападение на рот резко заканчивается, и он осыпает поцелуями мою шею, насколько это позволяет футболка, одолженная у него. Он тянет её вверх и бросает на столешницу рядом со мной. Моя майка не представляет серьёзного препятствия — он попросту сдвигает лямки по моим плечам и опускает материал вниз, открывая мои груди голодному взгляду и жадному рту. Боль в ноге становится далёким воспоминанием.

Медленные, соблазнительные, дразнящие движения языка и поцелуи чувствуются так хорошо, что я извиваюсь напротив него. Желая — нет, *нуждаясь* в большем. Его рука ныряет между моих бёдер, ладонью потираясь о шов моих джинсов. Боже всемогущий, мне недостаточно давления, чтобы кончить. Запах Рока, его сила и мастерство — всё это потрясает мои чувства. Его тело накрывает моё, а руки не останавливаются между нами, растёгивая мои джинсы и стягивая их вниз по моим ногам.

Я распахиваю глаза, замечая открытую дверь. Хочу сказать ему притормозить, что его соседи могут увидеть, но Рок проникает в меня пальцем, и я откидываю голову назад. Он продолжает изучать, лаская и продвигаясь глубже, пока не находит идеальную точку, посылающую дрожь по моему телу. Рок вводит ещё один палец, и, ох, они начинают потирать то самое секретное местечко. Упав на колени, он располагает мои ноги на своих плечах, широко разведя их, и ртом всасывает мой клитор. Давление его скользящего языка и трахающие волшебные пальцы заставляют меня извиваться, но вторую руку он прижимает к моему животу, чтобы удержать на месте и продолжить свою соблазнительную пытку. Тяжёлое дыхание и стоны, наполняющие мои уши, вылетают из моего собственного рта. Спина выгибается, когда я взрываюсь от мощного оргазма. Пусть соседи катятся к чёрту, но я не могу сдержать крик, который вырывается из моего горла.

Рок медленно встаёт, позволяя моим ногам упасть с его плеч, но прижимая колени к своим бёдрам. Он проводит ладонями по моему телу: от голой груди к киске. Его руки скользят по моей талии, когда он двигает меня ближе к себе, а затем склоняет голову, чтобы втянуть мой сосок.

Шум вырывает меня из сексуального тумана, и мои глаза следуют к... Рофу, который

стоит в дверях. Его руки сложены на груди, и он смотрит на нас.

Ожидая.

Я открываю рот, чтобы предупредить Рока или запротестовать, но в этот момент он прикусывает зубами мой сосок, и я откидываю голову назад, пока вместо предупреждения с моего языка скатывается стон.

Он наблюдает.

Я сопротивляюсь и отталкиваю Рока, пытаюсь надеть на себя майку. Роф с ленивой усмешкой на губах всё ещё стоит на том же месте.

— Не переживай обо мне, солнышко. Ничего такого, чего я раньше не видел, — говорит он, подмигивая мне.

— Какого хуя!!! — взрывается Рок.

Роф, явно шокированный реакцией друга, пятится назад на несколько шагов. Матерь божья, они реально испепеляют друг друга. Я протискиваюсь в футболку. Джинсы на полу, поэтому сейчас меня скрывает лишь она.

Щёки горят, будто после сильного солнечного ожога.

Чувствуя опасность, Роф поднимает руки вверх:

— Извините. Дверь была открыта. Я пытался тебя звать.

— Вон! — рывкает Рок.

Роф мудро отходит назад и закрывает за собой дверь.

Я не в силах сдержать слёзы.

— Шшш, Хоуп, всё в порядке. Прости, я увлёкся.

— Не могу поверить, что опозорилась перед двумя твоими друзьями всего за один день!

— Малышка, ты не сделала ничего позорного. Ты прекрасна. Ты — моя. Не переживай об этом.

— Но вы раньше занимались этим вместе?

Спина Рока каменеет:

— Пожалуйста, не говори, что тебя интересует тройничок, детка. Я знаю его большую часть своей жизни. Он как брат, но сейчас от мысли, что он прикоснётся к тебе, мне хочется перерезать ему глотку.

— Нет. Боже, нет!

Он рычит и захватывает мой рот ещё одним поцелуем. Ярость в его словах и поцелуи должны до чёртиков напугать меня, но этого не происходит. В действительности его настойчивость заводит, сжигая на своём пути любой стыд из-за того, что ты попался.

Рок разрывает наш поцелуй и, подняв с пола мои джинсы, передаёт их мне. Я прижимаю те к груди, потому что мне очень неловко надевать их сидя на столешнице. Рок, кажется, понимает мою нерешительность прыгнуть на бетонный пол, где я раньше наступила на не бог весть что, поэтому подхватывает меня и несёт назад в дом. В холле он ставит меня на ноги, и я могу надеть джинсы. Войдя на кухню, мы застаём Рофа у столешницы. Он поднимает голову и дарит мне скромную улыбку:

— Прости, Хоуп.

Мой рот дёргается в нервной улыбке, но я не могу произнести ни слова. Рок прожигает взглядом дыру в своём друге и подталкивает меня пройти дальше:

— Что ты здесь делаешь?

— Мне нужно с тобой поговорить.

— Ты убиваешь меня. Я уже разгребал это дерьмо с Зедом сегодня утром.

— Это по поводу кое-чего другого, — Роф переводит взгляд на меня, а потом смотрит на Рока.

Поняв намёк, быстро целую Рока в щёку.

— Поднимусь наверх и приму душ, — теперь я чувствую себя немного смелее, поэтому приникаю к нему и шепчу на ухо: — Присоединяйся ко мне, когда закончишь.

Рок.

Я знаю, что мне нужно разобраться с тем, с чем пришёл Роф, который сейчас стоит на моей кухне и дёргается. Но я не хочу. Я хочу оказаться в душе с Хоуп. Намыливать её скользкое тело, всасывать её твёрдые соски и вколачиваться членом в её маленькую, узкую киску. Несколько секунд до того, как нас грубо прервали, мы были очень близки к этому.

— През, прости. Я не понимал...

Я обрываю его, чтобы объяснить кристально ясно:

— Хоуп для тебя вне досягаемости. Я не буду повторять дважды. Ещё раз посмотришь на неё не как на друга — я прикончу тебя. Относись к ней с уважением.

Роф пялится на меня некоторое время, прежде чем ответить.

— Понял. Может, в следующий раз, знаешь, закрывал бы сраную дверь или типа того, — добавляет он.

Смех, который я не могу сдержать, приподнимает уголки моих губ.

— Ага. Я не собирался увлекаться снаружи.

— Я понял, брат. Прожаренные отбивные, горячая девочка... — он останавливается, когда видит, как я смотрю на него. — Что? Я не могу подметить, как горячо выглядит Хоуп в дружеском и уважаемом смысле? — поддразнивает он, с ухмылкой бросая мне мои же слова.

Придурок.

Я подумываю надрать ему задницу, но это кажется той ещё работёнкой, когда Хоуп ждёт меня наверху, и, если мне повезёт, ждёт меня голой.

— Давай по-быстрому, чтобы я мог пойти потереть своей женщине спинку.

Уголок его рта дёргается вверх в знающей ухмылке, но Роф мудро решает не комментировать.

— У нас большая проблема.

— Господи, у нас всегда *большие проблемы*. Что на *этот раз*?

— Брат того ёбаря, о котором мы позаботились в прошлом году, появился и начал задавать вопросы.

— Тебе придётся выразаться конкретней.

— «Вайпер». Но он, похоже, кровный брат, а не брат по клубу.

— И он объявился только сейчас, чтобы найти того дятла?

Роф пожимает плечами:

— Он только что вышел по досрочному.

— Чёрт возьми. Сколько с ним прибыло?

— Не знаю.

— Блядь! Нам это сейчас совсем не в тему. Мы наконец-то заключили мир между тремя клубами.

— Я понял, брат, — соглашается он. — Он хочет встретиться на нейтральной территории.

Я смотрю на потолок, представляя мыльную воду, стекающую по телу Хоуп. Последнее,

что мне нужно, — это ещё один «Вайпер».

— Здесь нет ничего нейтрального, — он пожимает плечами на мою реплику. — Пусть каждый едет в «Хрустальный шар». Позвони кому-нибудь из кочевников и несколькими постоянными ребятами здесь. А я свяжусь с Ульффриком.

— Ты вовлечёшь в это «Волчьих Рыцарей»?

— Блядь, да. Они должны знать, что дерьмо выльется наружу прямо рядом с ними, — останавливаюсь и пропускаю пальцы сквозь волосы, планируя несколько следующих шагов, которые нужно предпринять. — Мне нужно отвезти Хоуп домой.

— Лучше предупреди её.

Блядь.

— О чём предупредить?

Нет, нет, нет.

Но да, Хоуп стоит в дверях, одетая в джинсы и голубой свитер с V-образным вырезом. Влажные волосы обрамляют её лицо.

Роф пялится на неё с восхищением на пять секунд дольше необходимого, вынуждая меня прочистить горло. Чёрт возьми, он никогда не сдаётся.

— Иди, — рычу я ему.

Роф стреляет в меня взглядом, который чётко говорит: он рад не быть тем, кто объяснит эту херню Хоуп.

— Я соберу всех и отправлю проспекта в её дом.

Сраный ублюдок.

Я бросаю ему убийственный взгляд, и он выскакивает за дверь.

Хоуп скрещивает руки на груди и тем самым приподнимает ту, тотчас отвлекая меня.

— Сюда смотри, Рок, — произносит она, указывая на мои глаза средним и указательным пальцами, а потом переводя их в сторону своих.

Хорошо, она не злится. Пока.

— В клубе возникла ситуация, и её необходимо уладить.

— Стрип-клубе или мотоклубе?

Я прыскаю со смеху:

— Мотоклубе.

— Ладно. Что за ситуация?

— Это долгая история.

— Дай мне сокращённую версию.

— Есть конкурентный клуб, с которым у нас были некоторые проблемы около двух лет назад. Я думал, что всё утрясено, но кое-кто не унимается.

— Дело ясное, что дело тёмное.

— Это лучшее, что я могу сказать сейчас.

Её лицо озаряется пониманием, и я боюсь вопроса, который она вот-вот задаст.

— Это имеет какое-то отношение к нападению на Глассмана и к тому, что ты делал в суде Слейтер-сити?

— Типа того.

— Я в опасности?

Убейте меня, иначе эта слишком умная женщина сведёт меня в могилу.

— Я так не думаю.

— Ты *так* не думаешь? — интересуется она, пропитывая недоверием каждое слово.

Проведя рукой по волосам, я поражаюсь, насколько сильно эта женщина уже влияет на меня:

— Ты не должна.

«Потому что шестнадцать месяцев назад я отправил в могилу двух ублюдков, прознавших о тебе», — но я придерживаю эту мысль при себе. Не думаю, что Хоуп оценит благоразумность этого жеста.

— Откуда у Рофа сведения, где я живу?

Я могу солгать, будто он не в курсе, но у меня есть необъяснимое чувство того, что она узнает.

— В то время, когда ты впервые начала помогать мне с юридическими вопросами, у меня была информация о том, что «Вайперы» не на шутку тобой заинтересовались. Поэтому, пока ситуация не была урегулирована, я посылал парней, чтобы убедиться в твоей безопасности.

Хоуп пялится на меня с приоткрытым от шока ртом:

— Ты подверг мою жизнь опасности? Что, если бы один из них приблизился ко мне возле офиса или на парковке, когда я бы уезжала из суда? — её тон повышается с каждым словом, пока не срывается чуть ли не в крик. — Ты не думал о том, чтобы предупредить меня?

— Мне нужно было оценить ситуацию. Лучшим решением было поступить так, как я сделал в тот день в суде.

Её глаза расширяются ещё больше.

— Поэтому ты опозорил меня и разрушил мою карьеру? — спрашивает она с тихой яростью, прячущейся за каждый словом.

Я обхожу островок и кладу руки ей на плечи. Блядь, слава Богу, она позволяет мне это сделать, а не отталкивает, как я того боялся.

— Мне очень жаль, малышка. Ты не представляешь, как сильно я ненавижу каждую секунду. Выражение твоего лица практически убивало меня. Я просто не видел другого выхода. Но ты не была моей, чтобы я мог тебя защитить. Если... Если бы всё было по-другому, я бы изолировал тебя от всех в клубном доме, пока ты бы не была в безопасности.

— Ты мог предупредить меня. Хоть как-то, — она шмыгает носом и прячет голову у меня на груди.

— Чем меньше ты знаешь, тем для тебя безопаснее.

Хоть и неадекватная, но это правда. Гладя её рукой по голове, я думаю, как сделать это правильно.

— Думаю, один из них звонил мне, — говорит она сдавленным голосом, потому что бормочет в мою рубашку. Обняв её за плечи, я мягко отодвигаю Хоуп от себя, дабы она смогла продолжить. — Вскоре после *инцидента* кто-то позвонил мне и назвал твоё имя. Я сказала ему, что мы больше не работаем вместе, а он спросил кто твой... — она резко всасывает воздух и зажмуривает глаза: — Я назвала им имя Глассмана. Я причина того, что в него стреляли?

— Нет. Они бы выяснили это другим путём.

Но выражение её лица даёт понять, что слова её не убедили.

— Что нам теперь делать?

— Я собираюсь отвезти тебя домой. Ты будешь в порядке. Нет ни единой причины для кого-либо связываться с тобой сейчас. Шутник появится там, когда я привезу тебя, или сразу

же после, — она кривит губы, услышав имя проспекта. — У тебя есть оружие в доме?

— Нет! Боже, нет.

— Ты вообще не знаешь, как пользоваться пистолетом?

— Абсолютно.

Блядь. Этого я и боялся. Как она могла жить одна и не быть способной защитить себя? У неё не было даже сраного пса, который предупредил бы её о беде.

— Всё нормально. Мы разберёмся с этим в другой раз. Как только закончу со встречей, я приеду к тебе. Собери вещи, потому что, пока всё не уляжется, ты отправишься на несколько дней в клубный дом, — она открывает рот, чтобы поспорить, но я трясую головой: — Это не обсуждается.

— Хорошо... Но больше никаких секретов, Рок. Я не буду с этим мириться.

— Никаких секретов, — соглашаюсь я, не уверенный в том, что смогу сдержать обещание.

Глава 14.

Хоуп.

Я далеко не удовлетворена ответами Рока, но знаю, что это всё, что от него получу. Он молчит, когда мы уезжаем. Вместо байка мы берём чёрный внедорожник. Взгляд Рока мечется по сторонам, проверяя двор и улицу прежде, чем мы выходим из дома и садимся в машину. Всю дорогу до моего дома он постоянно смотрит в зеркало заднего вида.

Это выводит меня из себя.

Я зла на него.

И я боюсь за него.

Очевидно, случилось что-то серьёзное, и я чувствую себя беспомощной, будучи не в силах предложить ему некую поддержку. Когда мы паркуемся на моей подъездной дорожке, он выходит, огибает капот и открывает для меня дверь. Обхватив мою руку, он помогает мне выбраться из внедорожника и ведёт меня в дом.

— Хочешь чего-нибудь поесть перед тем, как уедешь?

Он проводит рукой по волосам, пока мы стоим на кухне:

— Я бы лучше поехал.

— Ладно.

Не уверенная в дальнейших действиях, я стою, выкручивая пальцы и теребя свою футболку.

— Иди сюда, — Рок притягивает меня в объятия и захватывает мои губы обжигающим поцелуем. Он отстраняется первым. — Всё будет хорошо. Я обещаю.

Я киваю, и он меня отпускает. Ступив за порог, он оборачивается, смотрит на меня в последний раз и потом уходит. Тревога начинает подниматься во мне. Я не могу вынести мысль о том, что потеряю кого-то ещё. Кого-то, о ком забочусь. Как только Рок отъезжает, я беру телефон и набираю номер Софи.

Через час она стоит в дверях моего дома.

Моя проблема в том, что я думаю, будто влюблена в Рока. Это сумасшествие, потому что... Ну, это сумасшествие. Я недавно потеряла мужа. Я самая худшая жена. Неверная и гнилая. Тот факт, что я знала Рока ещё до смерти Клэя, тревожит меня больше всего... Если бы мы только что встретились, не думаю, что во мне было бы столько противоречий.

Глубоко внутри я знаю: у меня были чувства ещё до того, как умер Клэй.

Софи хочет узнать каждую деталь. Я рассказываю ей достаточно, чтоб она заткнулась.

— Так в чём проблема? — спрашивает она.

Я не могу держать это внутри:

— Мне кажется, Клэй умер по моей вине.

— Что? Это безумие!

— Наверное. Но я знала Рока, и мы поцеловались тогда. Я всё равно думала о нём всё это время. Думаю, я стала причиной смерти Клэя, потому что хотела кого-то другого.

О мой Бог. Я действительно только что сказала это вслух? Вместо облегчения чувство вины разрослось, заполняя мою грудь мучительной болью.

Софи не говорит, какая я злая сука. Она оборачивает руки вокруг меня и крепко обнимает.

— Ты один из самых милых и заботливых людей, которых я знаю. Клэй был потрясающим. Кто угодно рядом с вами через секунду мог сказать, как сильно вы любите друг друга. Мне очень жаль, что его не стало. Он не должен был умереть в таком раннем возрасте. Но это не твоя вина.

— Но...

— Нет.

— Но если я...

— Нет. Милая, врачи сказали тебе. Не было ни одного шанса узнать. Это могло настичь его в автобусе, чёрт, на него могло упасть дерево, или он упал бы с моста на работе. Существуют тысячи случайностей, которые могут настичь нас в любое время. Это не означает, что ты больше никогда не будешь счастлива.

— Едва ли прошёл год. Разве это правильно?

— Да. Кто бы сказал? Если ты чувствуешь правильность этого, какая разница?

Оу, я ощущала именно это. Что и было частью моей проблемы. Я не могла вспомнить это чувство прежде, и вот где вина колола сильнее всего. Совет Софи звучал жутко похожим на ответ Рока, когда я задала тот же вопрос ему.

— Ну, вторая часть — это его клуб. Кажется, они занимаются опасными делами, — я не посмела поднимать тему того, с чем столкнулась чуть раньше. Не хотела заканчивать тем, что подвергну подругу опасности. — Ты знаешь, я дала клятву придерживаться закона и всё такое.

Теперь внимание Софи полностью сосредоточено на мне.

— Ладно. Это уже другая проблема. Я не знаю многого про МК. Джонни знаком с ними. Он чётко дал понять, что «Потерянные Короли» не те, кому можно просто так перейти дорогу.

— Джонни знает?

Взгляд Софи ускользает от меня на секунду.

— Конечно. Я упоминала об этом.

— Он хочет, чтобы я научилась пользоваться пистолетом, Софи. Это безумие.

Упс. Она не тот человек, которому стоило озвучивать эту мысль. Софи хмурится:

— Ты же понимаешь, что мой парень — совладелец оружейного магазина, да? И что я стреляю по мишеням с двенадцати лет? Я возьму тебя с собой и смогу дать несколько уроков.

Вообще-то, неплохая идея.

— Ага, а что, если между нами ничего не выйдет? Тогда мне стоит переживать, что клуб придёт за мной? Некоторые из тех ребят выглядят пугающе.

Она издаёт сердечный смех:

— *Некоторые* из ребят выглядят пугающе? Ты же видела Рока, да? Он же самый пугающий ублюдок!

Я хохочу, понимая, что она может видеть его в таком свете.

— Не думаю, что они так сделают. Ты говорила, Рок уже состоял в браке, верно? Его бывшая жена ещё жива. Ты сказала, что и другой из них в разводе, а его жена тоже жива и приносит ему немало хлопот, — об этом я не задумывалась. — Послушай, — продолжает Софи, и я узнаю терпеливый адвокатский тон. — Если бы Клэй не умер, ты бы никогда не стала спать с Роком, так ведь?

— Конечно нет.

— Значит, хватит винить себя. Просто наслаждайся. Он, возможно, и вовлечён в кое-какие тёмные делишки, но, милая, ты знаешь так же, как и я: адвокаты — одни из самых сомнительных личностей на планете.

Я мотаю головой. Она разделяет мою нелюбовь к девяносто девяти процентам наших коллег.

— Он делает тебя счастливой?

Я могу ответить сразу:

— Да.

Глаза Софи наполняются слезами, и она смаргивает их:

— Хорошо. Ты немного напугала меня, знаешь? Я соскучилась по своему задорному лютику. Жизнь не та без твоих маленьких едких дерзостей.

Теперь мне хочется плакать:

— Софи, я не на сто процентов стала такой, какой была. Не думаю, что когда-нибудь стану, будет у меня парень или нет. Я люблю тебя и ценю всё, что ты для меня сделала.

Она тихо шмыгает носом, что совсем не типично для Софи, и до меня на самом деле доходит, насколько я тревожила её последний год.

— Я тоже тебя люблю. А эта фигня с Роком? Самое важное — это то, что он хорошо к тебе относится и действительно заботится о тебе. Попытайся не расстраиваться по поводу всех случайностей.

Спустя час сердечных разговоров мы заказали пиццу, и парень из службы доставки появился на моей подъездной дорожке в то же время, что и Шутник. Он заплатил за нас курьеру и занёс еду внутрь.

— Прости, что так долго, — произносит он, бросая взгляд на Софи.

— Нет проблем, — отвечаю я, будучи всё ещё в смятении от того, что он в моём доме.

Софи вскидывает брови, глядя на меня, но я не уверена, как мне стоит объяснить его присутствие, поэтому говорю ей, что он просто друг Рока.

После ужина она оттаскивает меня в сторону:

— Что-то происходит, ведь так? Зачем ещё кому-то посылать парня, чтобы помянчиться с тобой?

— Он не мянчится.

— Я не хочу знать. Почему бы тебе не поехать ко мне домой?

Мне хочется отклонить её предложение, но что-то останавливает. Меня раздражает, что Рок не сказал мне всей правды. Я в ужасе от того, как быстро всё развивается и я приближаюсь к чему-то гораздо большему, чем смогу выдержать.

— Ладно.

Второй день подряд я оказываюсь в своей комнате, складывая вещи в рюкзак. Посылаю Року сообщение:

«Останусь у Софи».

Жду несколько минут, пялясь на экран, но ничего не получаю. Отсутствие ответа укрепляет моё решение.

Я шагаю на кухню, где меня ждёт Софи с ключами в руке. Она кивает в направлении гостиной, где Шутник занят просмотром телевизора.

— Эй, Шутник, мы с Софи выберемся из дома. Ты можешь возвращаться в клуб.

Он входит в кухню, проводя рукой по волосам.

— Эм, През хотел, чтоб я остался здесь и не спускал с тебя глаз, — отвечает он, а его взгляд мечется между мной и Софи. Очевидно, он не уверен, что ему можно говорить, пока она здесь.

— Ну, я в порядке. Побуду у Софи дома, поэтому тебе нет надобности оставаться здесь.

Я вытаскиваю телефон из кармана. От Рока так и нет ответа. Нахер это.

— Ладно, — Шутник колеблется мгновение, а после набрасывает свою жилетку и придерживает для нас дверь.

Софи хихикает, как только мы оказываемся у неё в машине:

— Надеюсь, Рок не надерёт ему задницу.

Я не задумывалась о том, что мой побег из-под заключения мог создать Шутнику неприятности.

От Рока нет ответа даже когда мы добираемся до дома Софи, и это меня бесит. Выходя из машины, выключаю телефон. Мы проведём девичник, и я наслажусь им. После того, как бросаю свои вещи, мы решаем посмотреть фильм. Я позволяю Софи выбирать, потому что хочу отвлечься и мне на самом деле всё равно. К сожалению, она подумала, будто романтическая комедия станет подходящим выбором. Та всего лишь заставила меня ещё больше скучать по Року и гадать, чем он занимается. Я ускользаю в ванную и включаю телефон, дабы найти отсутствие ответа от него. Я тут же начинаю себя ненавидеть. Теперь вместо того, чтобы злиться на Рока за то, что он не позвонил, я переживаю, как бы с ним что-то не случилось.

Мне не нужно это дерьмо. Я не хочу быть одной из тех раздражающих девиц, которые задалбливают парня по телефону, стоит тому уехать. Но, если с ним что-то произошло, я никогда себя не прощу. Может, мне необходимо закончить это прежде, чем я увязла глубже? Но кого я обманываю? Я уже по горло в этом.

Рок.

— Блядь! Оставайся с ней и продолжай докладывать мне! — я так зол, что бью по рулю, когда проспект кладёт трубку. — Ёбаный ад!

Роф молча сидит рядом. Он слышал доклад по блютусу.

— Она не очень хорошо слушает.

— Закрой рот.

— Злись сколько хочешь, През. Но если ты хочешь сделать её своей старухой, то тебе лучше начать объяснять это дерьмо, — продолжает Роф спокойно, будто не говорил вовсе.

Это правда, только сейчас я не хочу её слышать.

— Ей сейчас действительно лучше побыть в доме подруги. Там нет войны за территорию.

Зед наклоняется через сидение и хлопает меня по плечу.

— Когда мы с этим покончим, езжай и отшлёпай её по попке, чтобы она усвоила урок.

Роф хохочет, а потом бьёт Зеро по руке:

— Господи, ты хочешь убить нас всех, ведь он перевернёт эту тачку, пытаясь убить твою тупую сраную рожу.

Я наблюдаю, как Зед ухмыляется с заднего сидения, и жалею, что у меня нет лишней минутки, чтоб двинуть ему в челюсть.

— Ещё раз посмотришь на её задницу, я скормлю тебе твой же член.

— За что ты на меня злишься? Я слышал, что Роф увидел намного больше, чем её задница, — рычит Зед.

— Спасибо, членоголовый, — бурчит Роф.

— Вы двое планируете прекратить выводить меня из себя? Нам, блядь, нужно сосредоточиться. И кстати, Зед, не думай, будто я не знаю, что ты увёз Большие Сиськи той ночью. Я слышал, она оказалась не такой уж и впечатлительной.

Роф взрывается хохотом и ударяется о дверь.

— Вот чёрт. Он не перестает о ней твякать.

— Это так? — спрашиваю я.

Бросаю ещё один взгляд на своего ВП. Теперь его ухмылка пропала.

— Пошли нахуй. Оба.

— Уже не так смешно, да, Зед?

— Тринни говорила тебе, с кем ходила на свидание? — ни с того ни с сего спрашивает Роф.

Я смотрю на него. Его руки скрещены на груди, и он пялится в окно прямо перед собой.

— Нет. Думаю, она сказала о нём, чтобы просто тебя позлить. Оставь её в покое. Ей не нужно твоё дерьмо.

— Это приказ? — спрашивает Роф.

— Нет. Дружеский совет. Эта девушка мне как сестра, и я устал наблюдать за тем, как ты трахаешь ей мозг.

— Ну, пока она не против предоставлять свою голову, — с сарказмом подмечает Зед.

Никто из нас не смеётся, а Зед ёрзает сзади, бурча себе под нос.

Роф, кажется, ещё никак не угомонится:

— Почему она встречается с кем-то за пределами клуба?

Господи, как будто у меня мало проблем из-за их ебанутости.

— А кто говорит, что встречается?

Когда мы приближаемся к «Хрустальному шару», я ставлю точку в нашей короткой беседе. Минимум тридцать байков находятся на парковке — намного больше, чем я ожидал. Всё может оказаться намного хуже. Слава Богу, я сказал Блу закрыть место и отправить танцовщиц домой.

Осмотревшись, выдыхаю с облегчением. Узнаю большую часть байкеров. «Рыцарские

Волки» тоже решили присоединиться к вечеринке. Это хорошо. Нам необходимо раз и навсегда положить конец этому дерьму.

Когда мы входим, ребята жалуются на нехватку кисок возле пустого бара. Хреново. Я не пушу своих девочек удовлетворять этих дорожных ёбарей. Они мои работники, а не украшение сраной вечеринки.

«Волчьи Рыцари» сидят за угловым столом. Их Президент прислонился спиной к стене. Не уверен, почему он чувствует себя в опасности в этом клубе, но какая разница. Я здороваюсь с «Потерянными Королями», потому что должен сделать это в первую очередь. Наконец-то мы с Рофом подходим к столу Ульфрика. Он, его ВП Мерлин и руководитель службы безопасности клуба, которого зовут Шёпот, встают поприветствовать нас.

Роф находится в полной готовности инфорсера (прим.: человек, приводящий в исполнение требования или приказы, в данном контексте приказы или требования Президента МК), занимая место рядом со мной. Остальные «Волчьи Рыцари» смешались с нашими ребятами, но Роф всё равно начеку. Вот поэтому он ответственный за безопасность моего клуба.

Я открываю рот, чтобы объяснить Ульфрику, зачем притащил его сюда, но он прерывает меня:

— Думаю, я знаю, что ты собираешься мне сказать, — вскидываю бровь, дабы он продолжил. — Кабо? Один из тех ёбанных «Вайперов» из соседнего штата приезжал ко мне сегодня утром после того, как он связался с... — он указывает на Рофа.

— Ладно.

— Он вбил себе в голову, что «Потерянные Короли» причастны к пропаже его брата.

Я пожимаю плечами. Ульфрик знает историю. Нет необходимости подтверждать это.

— Я объяснил этому сраному головорезу, что его брат совершил ошибку, преследуя девушек, связанных с обоими клубами, и сделал акцент на том, насколько неподобающе это было.

Ульфрик иногда убивает меня.

— Он не разделил этих взглядов.

О, блядь.

— Я не в курсе, знаешь ли ты, но тот... Паук? Это тот ёбарь, который... — он делает паузу и отводит взгляд, — ...напал на мою невестку два года назад. Если бы ты не сделал мне одолжение, я бы сам убрал его. Она абсолютно невинна. Мой брат никогда не хотел иметь ничего общего с этой жизнью. Он держал свою семью подальше. Никогда не приводил в клубный дом. Ничего. И им всё равно навредили. Из-за меня. Благодаря этим уродам я больше не могу видеть своих племянниц.

Дерьмо. Я не знал ничего из этого. Лишь случайные рассказы, мелькающие повсюду. Слухи. Паук и его приятель оказались двумя больными, извращёнными ублюдками, и я сплю спокойно, зная, что они гниют в земле.

Подозреваю, что Кабо уже где-то на дне Гудзона.

Я и дальше буду спать спокойно.

— Всё равно мне хотелось, чтобы ты знал: об этом уже позаботились, — он трясёт головой. — В один день ты и я сядем и обсудим этот вопрос с этими змеями (прим.: имеется в виду МК «Вайперы», название переводится как «гадюки», то есть разновидность змей) в Айронворксе. Мы можем организовать их раскол.

— Нет, они погрязли в таком глубоком дерьме, и я не хочу ввязываться. Но не против

избавиться от них раз и навсегда. Я думал, Шегги будет вести их сраные дела лучше, но, кажется, он такая же большая сучка, как и предыдущий лидер.

Ульффрик фыркает:

— Он в ярости из-за того, что ты не позволяешь ему шалить здесь.

Интересно.

— Ага. Нахуй это. Пусть оставит своё гавно в Айронворксе.

— Согласен.

— Блядь. Он даже за собой не может дерьмо убрать, а теперь ещё и заинтересован в моём?

— Он также пытался протиснуться в Слейтер. У подонков нет морали. Чёрт, чувак, даже у незаконников и отпетых воров существуют уважение и честь между собой. Но раз всё это касается крови, у нас нет времени наслаждаться своей свободой.

Мне всегда нравился Ульффрик. В прошлом у наших клубов бывали стычки, зато теперь мы едины. Он старше меня лет на пятнадцать. Он больше относится к старой школе незаконников, если можно так выразиться. Его клуб по колено в нелегальных делах, как и остальные, но он всё равно верит в ведение бизнеса особым образом, и я это одобряю. Также он уважает женщин больше, чем обычный байкер.

К сожалению для нас, сейчас «Вайперы» становятся проблемой. Конкуренция с другим МК — это норма. Типа того. Борьба за территорию всегда существовала. Плохая кровь между клубами не переставала проливаться, но мы боролись по определённым правилам и знали, чего ожидать друг от друга. «Вайперы» были другими. Ни правил. Ни чести. Никто не ценил другого. Казалось, мы убивали одну змею, вторая вырастала на её месте.

Раз я созвал этих парней, то не могу отправить их домой с пустыми руками. Ульффрик звонит некоторым из своих клубных девушек, чтобы те присоединились к нам, что очень помогает.

Я связываюсь с Тринити:

— Можешь собрать девочек и подъехать в «Хрустальный шар»? Ещё мне быгодились твои навыки бармена, если ты не против позависать здесь.

Она не колеблется:

— Конечно. Привезти пиво?

— Блядь. Да. Пожалуйста. Шутник занят. Возьми нового проспекта, Бёрча, чтобы помои тебе.

Один из самых очаровательных заскоков штата Нью-Йорк в том, что мы не можем распространять алкоголь, так как у нас разрешён стриптиз до полного раздевания. Если кто-то решит поймать кого-то, он не продержится здесь и минуты.

Тринити, наверное, прикрыла телефон рукой, но я всё равно слышу её крик:

— Освежи их задницы, и пусть тащатся в «Хрустальный шар», — это вызывает у меня смехок. Она возвращается назад на линию и тоже хохочет: — Свон в восторге. Она хочет потанцевать.

— Не думаю, что парни въедут в её дерьмо из балета «Щелкунчик», Тринни.

— Я тебя умоляю. Эта сучка чертовски гибкая. Ты бы видел, что она умеет делать у шеста, — информирует она.

В голове появляется картинка, в которой я не нуждался.

— Можешь ещё сбегать вниз и прихватить пару пакетов у Спарки? Убедись в том, что травка будет влажная, и не дай ему втюхать тебе какую-нибудь хрень. Раздели между девочками, чтобы у каждой было не больше двух.

— Поняла.

Я кладу трубку и нажимаю на экран телефона. Нахожу два сообщения от Хоуп. Я слегка в ярости из-за того, что она не послушала меня, но пока уверен в её безопасности и разберусь с ней позже.

— Какого хуя ты зовёшь сюда Тринити? — рычит Роф у меня над ухом, пугая меня до охерения.

Для такого большого засранца он двигается весьма тихо, когда захочет. Он скрещивает руки на груди и ждёт моего ответа.

— А как ты, блядь, думаешь? Она приведёт несколько девочек и займётся баром.

— Больше ни с чем она не поможет?

— Это ей решать, тупоголовый. Разве ты хочешь меня во что-то посвятить?

Не ответив, он вылетел вон.

Капризный ублюдок.

Слава Богу, Тринити появляется через тридцать пять минут. Этого времени достаточно для меня, чтобы обойти всех, заключить несколько сделок и собрать некоторую информацию прежде, чем парни пустятся во все тяжкие.

Бёрч следует за ней. Я провожу её в свой офис, где она распаковывает пакеты с пивом.

— Блядь, Трин, это чересчур. Я даже не хочу думать, что бы случилось, тормозни тебя копы.

Уголки её губ дёргаются вниз, и мне хочется хорошенько двинуть себе за то, что я был с ней груб.

— Прости. Ты сказал, здесь почти сорок парней.

Тряхнув головой, я быстро обнимаю её:

— Ты знаешь, как сильно я бы расстроился, если бы с тобой что-то произошло, да?

Это возвращает улыбку на её лицо:

— Ага, но ты бы позаботился обо мне, как и всегда делаешь.

Я упрямо смотрю на неё, стараясь справиться с ухмылкой, что заставляет её закатить глаза.

— Давай становись за барную стойку. О, и кстати. Мне кажется, у тебя сегодня появится телохранитель.

Уголки её губ дёргаются, но она останавливается и закатывает глаза.

— Вот. Я привезла это для тебя, — она достаёт из сумочки маленькую бутылочку моего любимого скотча.

Даже если сегодня я не планировал пить, меня трогает, что Тринити позаботилась об этом.

— Спасибо, конфетка.

Свон действительно гибкая, и я снова обдумываю своё правило о клубных девушках и запрете им танцевать в «Хрустальном шаре», пока наблюдаю, как она залезает на шест, используя только бёдра. Звуки, доносящиеся из задних комнат, говорят мне, что я не хочу даже думать о происходящем там. Просто вызову завтра службу уборки.

Зед приземляется рядом со мной:

— Ты провернул это, През. А могла бы получиться катастрофа.

Я возвращаю ему полуулыбку. Я чертовски устал и раздражён всем этим бардаком.

— Она хороша, да? — произносит он, указывая на Свон.

— Ага, думаю, что позволю ей танцевать здесь на постоянной основе, если она захочет.

— Собираешься оприходовать её?

— Блядь, нет.

— Чёрт, так с Рыжей Вдовой всё серьёзно?

— Перестань называть её так, — шиплю я.

Боковым зрением наблюдаю, как Роф не сводит глаз с Тринити. Чёрт возьми. Помимо вскользь брошенного застенчивого взгляда, кажется, она полностью игнорирует его. Когда я вижу, что ВП «Волчьих Рыцарей» садится у бара и начинает флиртовать с ней, уровень опасности на моём радаре зашкаливает.

Схватив первую попавшуюся девушку, я тяну её вниз. Куки. Хорошо. Для неё не проблема раздвинуть перед кем-нибудь ноги.

— Куки, можешь сделать мне одолжение?

Она неправильно интерпретирует мой вопрос и начинает поглаживать мне бедро. Зед сотрясается от смеха, показывая большой палец.

Я поворачиваю её лицо в сторону бара:

— Можешь отвлечь Мерлина, пока Роф не затянул шнур на его шее?

— Конечно. Они вместе? Потому что она и Сказочник...

Я кладу палец поверх её губ.

— Я не хочу знать, — киваю головой в сторону Мерлин: — Пожалуйста.

Она оставляет влажный поцелуй на моей щеке, поднимается с моих колен и направляется к Мерлину.

— Ты настоящий разбиватель сердец, През.

— На здоровье. Годами этим не занимался.

Зед выгибает бровь, глядя на меня, будто удивлён всякому, кто может удержать себя в штанах более пяти секунд.

Испорченный хрен.

— Эй, поскольку всё улажено, ты не против, если я свалю?

— Нет, езжай. Ты в Лейк-Джордж? — интересуюсь я с ухмылкой.

— Может быть.

— Держи хвост пистолетом, брат, — мы стукаемся кулаками, и он уходит.

Окинув взглядом происходящий вокруг дебош, я начинаю сильно скучать по своей девочке.

Глава 15.

Хоуп.

На следующее утро меня будит звонящий телефон, и я копошусь, пока пытаюсь ответить на него. Первое, что делаю, — это встречаюсь носом с полом.

Какого чёрта?

Открыв глаза, вспоминаю, что я не дома. Я у Софи и, очевидно, уснула на диване.

— Хоуп, что ты делаешь на полу?

Поднимаю глаза на Софи, которая появляется передо мной. Забраться назад на диван занимает минуту. Клянусь, я не самый грациозный человек на планете.

— Забыла, где я.

Она усаживается рядом со мной.

— Эх, это с работы. Мне нужно лететь в Уилмингтон сегодня вечером, чтобы завтра утром попасть на восьмичасовую встречу. Грёбаная фигня, но зато сегодня могу поработать из дома.

— Почему они всегда сообщают тебе подобную хрень в последнюю минуту?

— Сама виновата. Я организовала конференц-звонок в пятницу днём. Они говорили что-то о поездке в Уилмингтон в начале следующей недели. Просто не уточнили, когда именно, — она пожимает плечами. — Зато это лучше Западной Вирджинии.

Не знаю, как Софи удаётся оставаться оптимистом. Её фирма всё время скидывает на неё поездки в последнюю минуту. Да, они щедро платят ей за это, но ещё они относятся к ней как к дерьму. Она считается всего лишь «штатным адвокатом», и они явно дали ей понять, что не повысят до партнёра. Это означает отсутствие крупного бонуса в конце года и никакого уважения. Но Софи выглядит шикарно и не распускает нюни, пока говорит, она достаточно презентабельна, чтобы её можно было послать в офисы клиентов делать работу, которой должны заниматься члены организации или партнёры, но при этом не утруждаются ею. Почему она с этим мирится, я понятия не имею. Софи говорит, ей нравится путешествовать и никогда не заниматься одним и тем же две недели подряд, с чем соглашусь. Но я вижу, что два года подобной жизни, которая постоянно прерывается её работой, начинают сказываться на ней.

— Хочешь подбросить меня домой?

— Не нужно уезжать. Почему бы тебе не остаться здесь, пока всё, что бы там ни было в клубе Рока, не уляжется? Ты можешь отвезти меня в аэропорт и оставить себе мою машину до конца недели.

— А твоего брата не будет раздражать, что я здесь?

Софи пожимает плечами:

— Почему? Он по соседству. Работает всю ночь и спит весь день, так что вам не удастся часто пересекаться. Кроме того, ты ему нравишься, — это приятно знать. Бен хороший парень. Тот тип старшего брата, о котором я всегда мечтала, пока росла. — Подумай об этом.

Я обещаю серьёзно обдумать её предложение. Если останусь здесь, где Рок не найдёт меня, я смогу избежать его общества, а ещё у меня появится время разобраться со своими чувствами. Звучит, будто я струсилла, но мне плевать. Всей этой опасности слишком много для меня. Я уже потеряла одного мужа, который никогда даже скорость не превышал.

А теперь у меня есть парень, ночью передвигающийся с оружием и в пуленепробиваемом жилете. Не думаю, что мой разум или сердце будут в состоянии принять потерю ещё одного любимого человека. Особенно такого, как Рок, который является могущественной силой природы, но который постоянно рискует собой.

Софи хлопывает меня по руке:

— Я сбегая в «Стюарт» за яйцами, кофе и газетой. Тебе что-нибудь нужно?

— Не-а.

Я зеваю и роюсь в своём рюкзаке в поисках зубной щётки. Когда споласкиваю рот, слышу отдалённый шум мотоцикла. Моё сердце начинает биться быстрее от знакомого звука. Как, мать вашу, Рок узнал, где меня найти?

Почему я машинально предполагаю, что это Рок? Он же не единственный парень в мире на мотоцикле. Я спешу к окну гостиной и выглядываю на улицу. Естественно, это он.

А так хотелось спрятаться.

Моя ярость ещё сильна, но злость блекнет, пока я наблюдаю за снимающим шлем Роком. Прежде чем осознаю, я распахиваю дверь и мчусь на улицу, не обращая внимания на то, что я босиком, в ночной футболке и без лифчика.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю я, замедляя шаг.

Он снимает очки и впивается в меня взглядом:

— Не знаю, стоит ли мне отшлёпать тебя или обнять?

Ну, это неожиданно.

— Прости? — произношу я, скрещивая руки на груди.

Он перекидывает ногу через байк и медленно движется ко мне.

— Я сказал тебе оставаться на месте и позволить Шутнику присмотреть за собой. И первое, что ты делаешь, — это срываешься с места?

— Ага, как ты меня нашёл?

Улыбка растягивает уголки его губ.

— У меня свои способы, — после его глаза становятся серьёзными. — Ты заставила меня чертовски поволноваться.

Я опускаю руки:

— О чём? Чего я так должна опасаться?

— Дерзкий рот.

Это единственное предупреждение перед тем, как он закидывает меня на своё плечо. Я пинаюсь, и он оборачивает рукой мои бёдра, дабы успокоить. Мне страшно, что он может уронить меня вниз головой голову, поэтому я шлёпаю его по заднице и ногам. В суматохе понимаю: моя футболка собралась складками на талии, а задница, прикрытая только трусами, торчит вверх.

— Рок, опусти меня на пол. Не хочу, чтоб брат Софи увидел мой голый зад, — шиплю я.

Мы медленно движемся по газону, но Рок останавливается и впивается зубами мне в бедро. Это небольшой засос, но я морщусь, когда воздух разрезает резкий звук шлепка его ладони, опустившейся на мою ягодицу.

— Ой! Ты только что меня шлёпнул?

— Ага. Чувствовалось прекрасно. Собираюсь сделать так ещё раз, когда мы окажемся внутри.

— Чёрта с два. Поставь меня, придурок.

Он протискивается внутрь и опускает меня на пол.

— Где Софи?

— Ушла в магазин за продуктами для завтрака.

— Хорошо. Есть время трахнуть тебя.

Его слова накатывают на меня волнами, и мгновенно появившееся возбуждение увлажняет мои трусики.

— Нет, — шепчу я.

Я наблюдаю за тем, как его взгляд путешествует по комнате, оценивая обстановку. Не

уверена относительно его намерений, но я пачусь и хватаю свой рюкзак.

Он следует за мной.

— Куда собралась?

— Одеться. Ты заставляешь меня нервничать.

Он сокращает дистанцию, выхватывая сумку из моих рук и притягивая меня к своей груди. Его рот приближается к моему, и прямо перед ним я таю. Руки Рока напрягаются вокруг меня, он слегка приподнимает меня над полом. Я не могу сконцентрироваться ни на чём другом, кроме его рта на моём и языка, который ласкает того изнутри. Наконец-то он останавливается и опускает меня на стойку в ванной.

Закрыв за собой дверь с тихим щелчком, он ждёт, а после поворачивается ко мне. Моя сумка падает на пол с глухим стуком.

— Сними рубашку.

— Нет.

Он приподнимает брови, явно не привыкший слышать «нет».

Я выставляю руки вперёд:

— Так. Не подходи ближе. Ты как сексуальный наркотик. Я не могу мыслить трезво, когда твои руки на мне.

Широкая сексуальная ухмылка озаряет его лицо, и кожа вокруг глаз из-за этого морщится. Чёрт, он горяч.

— Я зла на тебя, — хриплю я.

Я не кажусь злой, хотя... Я звучу возбуждённо и отчаянно.

Его голова дёргается, и он скрещивает свои массивные руки на груди.

— Ты зла на меня? — каждое его слово пропитано неверием.

— Да. Ты заставил меня волноваться.

Ухмылка сходит с его лица.

— Почему ты волновалась, куколка?

— Ты не ответил на моё сообщение. Я не хочу быть настырной, постоянно требуя информацию о твоём местонахождении, но ты мог дать мне знать парой слов, что с тобой всё в порядке.

Рок.

Блядь. Почему я такой невероятный кретин? Шутник наблюдал за домом, поэтому я был в курсе, что с Хоуп всё в порядке, но она никак не могла узнать, что происходило со мной. Я настолько привык всё проверять с помощью братьев, и мне даже никогда не приходило в голову, что стоит сообщить Хоуп, в каком я состоянии. Короткое сообщение из пары слов не убило бы меня. Честно говоря, никогда прежде ни одна женщина не волновалась обо мне. Парни, вероятно, надорвут свои задницы со смеху и назовут меня слюнтяем, но мне нравилась забота Хоуп.

— Прости. Меня перехватили прошлой ночью. Ребята из загородных филиалов приехали, чтобы поддержать нас вместе с другим местным МК, и всё превратилось в хаос.

— Всё в порядке?

— Пока да.

— И часто случается драма такого рода?

Чувствую соблазн солгать и ответить ей «нет», потому что знаю: ей не понравится правда. Но я действительно хочу что-то построить с Хоуп, поэтому убеждён, что мне нужно

быть честным и принять все последствия.

— Не особо. Но это в порядке вещей.

Она качает головой и смотрит вниз:

— Чёрт возьми.

Хоуп прикасается ко мне рукой, цепляется за мои джинсы и притягивает меня ближе. Блядь, я так чертовски рад. Она раздвигает колени в стороны, допуская меня прямо к себе, и оборачивает руки вокруг моей талии. Хоуп трётся щекой о мои ребра, отчего мой член подпрыгивает. Она очень милая, и я не хочу разрушить момент.

— Прости.

— Прими со мной душ, — произносит она хрипло, который увеличивает приток крови чуть ниже моего ремня всякий раз, когда я это слышу.

Хоуп снимает жилетку с моих плеч, и в который раз я замечаю, с каким уважением она к ней относится. Я знаю, что клубные девушки брали жилетки парней и бросали их на пол. Но только не моя девочка. Кажется, она понимает её ценность для меня. Или она всего лишь аккуратный и опрятный человек. Но нет, дело не в этом. Я видел её шкаф изнутри: у неё явно нет проблем с тем, чтобы бросить одежду на пол. Я посмеиваюсь от воспоминаний.

Хоуп поднимает голову, и на её лице отражается боль. Нихера. Я беру в ладони её лицо и оставляю мягкий поцелуй на её губах:

— Ничего плохого, малышка.

Через голову снимаю футболку, и тепло расплзается по мне, пока она осматривает меня с очевидным вождением.

— Нравится то, что видишь?

— О, да.

Господи, она такая прелестная. Я люблю то, как меня пожирают её глаза, как она думает, будто я самый сексуальный мужчина на планете. Её женская оценка заставляет меня хотеть рычать от гордости. И кажется, она назвала меня «сексуальным наркотиком» пару минут назад. Мне нужно вознаградить её за небольшое поощрение моего эго.

Дав себе шанс успокоиться, я отхожу и включаю душ. У Софи наверняка шикарный бойлер, потому что за минуты комната наполняется паром. Я высвобождаю Хоуп из её рубашки и трусиков и стягиваю с себя ботинки и джинсы. Разместив руки на её бёдрах, я направляю её в душ. Здесь нет призраков, которые спугнут нас, поэтому я, закончив намыливать её, прижимаюсь к ней своим телом. Мой член скользит по щёлке между её ягодицами, и я стону от грязных картинок, вызванных у меня в голове этим ощущением. Очевидно, мы думаем об одном и том же, потому что Хоуп толкается своей попкой ко мне.

Я шиплю, наклоняя её вперёд и вколачивая свой член в неё. Она делает глубокий вдох и начинает покачиваться напротив меня.

— Блядь, это прекрасно, малышка.

Она согласно хнычет. Потом я понимаю, что забыл надеть презерватива. Блядь, чёрт бы тебя подрал.

— Почему ты остановился?

Блядь, блядь, блядь.

— Нет презерватива.

Она замирает:

— Я не на таблетках или ещё чём-то, Рок.

Сука! Помню, она не горела желанием иметь детей, да и я, будем честными, тоже. Хотя

подсознательно я думаю, что если и есть женщина, от которой мне захочется иметь детей, то это Хоуп.

— Кончи мне на спину, — говорит она так громко, чтобы я услышал её сквозь шум воды.

Её слова почти заставляют меня достичь кульминации. Разве может быть что-то горячее?

Я медленно погружаю свой член в неё и сжимаю зубы. Не могу вспомнить, сколько лет назад последний раз трахал женщину без резинки, но эта пара миллиметров латекса скрывает собой большую разницу. Ощущать каждый дюйм её тела самой чувствительной частью себя — невероятно. Я вполне уверен, что заплачу как младенец, когда мне в следующий раз придётся надеть презерватив. Я медленно скольжу рукой вниз, чтобы поиграть с её клитором, а Хоуп дрожит на грани оргазма. Придвинувшись к её уху, прикусываю его и шепчу:

— Кончи для меня, куколка.

Она взрывается, и мне приходится вытащить член. Я продолжаю потирать её клитор, позволяя ей всё прочувствовать, пока начинаю скользить кулаком вверх и вниз по своему члену. Пялясь на её прекрасный зад в форме сердечка, я движусь быстрее. Её гладкая кремовая кожа подобна незаклеймённому, нетронутому полотну. Никакого ярлыка шлюх, спящих со всеми подряд. Но мне они и не нужны. Над попкой Хоуп есть две идеальные ямочки, которые производят на меня свой эффект.

Я увеличиваю скорость с каждым поглаживанием, фокусируясь только на этих ямочках. Мои яйца подтягиваются, тем самым указывая на скорый оргазм. Желание поглощает меня, и я воспаляюсь, восхищённо наблюдая, как кончаю на её маленькую попку и спину. Я низко и продолжительно стону.

Милосердный боже, она собирается убить меня.

Хоуп подаётся своей задницей в мою сторону, и я снова хочу её трахнуть. Вместо этого снимаю лейку душа, чтобы обмыть её. Когда заканчиваю с этим, поворачиваю Хоуп и захватываю её губы мягким поцелуем.

— Это было горячо, но мне жаль, что пришлось вытащить.

Она опускает голову, и волосы ниспадают на её лицо. Как кто-то в её возрасте может быть таким стеснительным? Решив, что мне плевать, потому что это чертовски мило, я приподнимаю её подбородок пальцами, дабы она посмотрела на меня.

— Ты могла бы принимать таблетки для меня, куколка?

Она колеблется, и её щёки приобретают розовый оттенок.

— В прошлом у меня были проблемы с их приёмом, но я запишусь к врачу и узнаю, можно ли мне попробовать что-нибудь другое.

Блядь. Я никогда не обращал внимания на проблемы со здоровьем у женщины. Теперь она пробуждает во мне интерес, но я не хочу смущать её ещё больше. Через некоторое время я узнаю о своей девочке каждую мелочь.

— Я готов отрезать себе яйца, если это будет означать секс без презерватива с тобой каждый грёбанный раз.

Она резко втягивает в себя воздух и краснеет пуще прежнего от моих грубых слов. Её руки обвиваются вокруг моей талии, и она врезается всем своим телом в моё. Не уверен, что стало тому причиной, ведь я вёл себя как неотёсанный пещерный человек, но всякий раз, когда её тело близко к моему, я чувствую себя хорошо. Я пользуюсь возможностью

пробежаться руками вверх и вниз по её скользким изгибам.

Подождите секунду. Это я только что предложил кастрировать себя, чтобы постоянно трахаться с ней без презерватива?

А незадолго до этого я размышлял о бегущей вокруг мини-версии меня или Хоуп? Вот что она делает. Обвивает меня и вертит мной до тех пор, пока я не знаю, как выбраться.

Я люблю это.

Стук в дверь будоражит нас обоих.

— Хоуп? Ты в порядке? — зовёт Софи.

Хоуп отскакивает подальше от меня:

— Ага.

— Я предполагаю, Рок там с тобой? — произносит Софи смеясь.

Моя девочка трясёт головой. Могу сказать, что она смертельно напугана, и я напоминаю себе не приводить её на наши спонтанные вечеринки в клубном доме. Она наверняка потеряет сознание.

Так как Хоуп не отвечает, я говорю за неё:

— Это я, Софи. Мы в порядке.

Теперь её смех звучит громче и чётче:

— Ладно.

Я выключаю душ и помогаю Хоуп выбраться. Она закрывает своё лицо руками, качая головой из стороны в сторону, поэтому я хватаю полотенце и начинаю её обтирать.

Когда поднимаю взгляд вверх, она всё ещё пунцовая, и я не могу не поддразнить её.

— Не говори мне, что вы, девушки, не рассказываете друг другу всё.

— Рассказывать и стать свидетелем — это разные вещи.

— Куколка, она ничего не видела.

Хоуп выпускает раздраженный выдох:

— Ты преувеличиваешь.

Я подавляю собственный смех.

— Забавно. Я подумал абсолютно так же, когда мы впервые встретились.

— Неправда!

— Правда. Ты пыталась убежать от меня. Не хотела даже пообедать со мной.

Она останавливается, её улыбка исчезает. Блядь, я идиот.

Никто из нас не говорит на протяжении нескольких ударов сердца, но Хоуп наконец-то поворачивается и наклоняется, чтобы порыться в своём рюкзаке, предоставляя мне невероятный вид. Пусть я провалюсь на этом месте, если снова не чувствую желание разрядить себя на неё.

— Милая, если продолжишь вот так нагибаться, Софи действительно может что-то услышать.

Она резко хватается воздух ртом и, вцепившись в одежду у груди, выравнивается.

— Животное, — произносит она со смешком.

Опускаю руку на её зад и останавливаюсь, чтобы сжать мягкую плоть:

— Блядь, так и есть.

Она поспешно одевается, и внутри себя я на прощание машу её сиськам. Прикрывать их — это преступление. Думаю, если она когда-нибудь переедет ко мне, я потребую, чтобы она всё время ходила по дому голой.

Секундочку. Если? Никакого «если». Блядь. Мне стоит попросить её переехать прямо в

эту секунду.

— Хоуп...

— Завтрак стынет, нимфоманы, — кричит Софи.

Я всё ещё стою с голой задницей, как дебил, потерянный в мыслях о том, как каждое утро буду просыпаться с Хоуп в своих руках.

Внезапно она уже полностью одета. Хоуп едва касается губами моей щеки:

— Увидимся там.

И вылетает из ванной.

Какого хера только что произошло?

Хоуп.

Вылетев из ванной Софи, я обдумываю, как объяснить своё поведение. Я больше, чем просто в ужасе, потому что понятия не имею, чему именно из душевой проделки она стала свидетелем. Слышала ли, как я стонала, пока он кончал на мою спину? Слышала ли, как он шлёпнул меня по задку? Мои щёки горят из-за всевозможных вариантов, пока я вспоминаю шум, который мы создали во время секса.

Софи смотрит на дверь с улыбкой Чеширского кота:

— Доброе утро, лютик. Я уходила на двадцать минут, а тебе удалось вызвать секс на дом. Я поражена.

— Софи, мне жаль. Я не хотела...

Она поднимает руку вверх, удерживая лопатку:

— Я тебя прошу. Это не первый и не последний раз, когда над душем так надругались.

Я закрываю глаза, умоляя землю, чтобы та меня поглотила.

Софи давится смешком.

— Эй, Рок. Нагулял аппетит? — интересуется она с ленивой усмешкой.

Шлюшка.

— Ага, если это не проблема, — он пялится мимо неё на плиту и кажется удовлетворённым, когда замечает, что уже есть куча всего на разной стадии готовности.

— Завтра я собираюсь уехать из города по делам, поэтому хотела доесть кое-что из этого, чтобы оно не испортилось, — она указывает на аккуратные стопки нарезанных овощей и хлеба, который ждёт своей очереди, чтобы окунуться во взбитые яйца. — Так что ты сделаешь мне одолжение.

Дверь кухни со стуком распаивается, и Рок реагирует так, будто мы попали в западню. Я кладу руку на его предплечье и приветствую брата Софи:

— Эй, Биг Бен.

— Привет, Хоуп.

Он хватает Софи в медвежьи объятия и с желанием смотрит на плиту.

— Ты только приехал домой? — спрашивает Софи.

— Ага.

— Рок, это брат Софи, Бен. Он живёт по соседству.

Они осторожно пожимают руки, оценивая друг друга.

— Это твой байк снаружи?

— Ага.

— Ты с Хоуп?

— Да.

Он кивает:

— Хорошо. Я боялся, что Софи снова порвала с Джонни.

Софи разворачивается и пронзает его взглядом:

— Заткнись, Бен.

Встревоженная, я переключаюсь с парней на свою подругу:

— Что происходит?

Ударив лопаткой о сковородку, она выдыхает:

— Ничего.

Софи не станет говорить об этом перед ними, поэтому я не развиваю тему.

Пока мы ждём завтрак, Бен и Рок идут наружу осмотреть байк. Я почти уверена, что Бен собирается пригрозить Року, чтобы тот обращался со мной хорошо. Не знаю, как он это переживёт, поэтому мне немного не по себе, когда они находятся на улице так долго. В итоге Софи выбегает и кричит им поднять свои задницы, если они хотят есть.

Бен издаёт громкий зевок, появляясь на кухне.

— Иди спать, большой болван, — кривится Софи.

— Неее. Есть пара дел на улице, требующих моего внимания.

Софи закатывает глаза. Её брат не может сидеть без дела. Это относится и ко сну.

Когда мы моем посуду, кто-то стучит во входную дверь. Счастливые крики подруги можно услышать через весь дом, поэтому я выглядываю из-за угла и вижу прилипшую к Джонни Софи. Она обхватила его руками и ногами, а он поддерживает её под попку. Между поцелуями он говорит ей, как сильно соскучился, и чтобы она больше никогда не бросала трубку.

Я откашливаюсь, потому что знаю: через минуту сюда войдёт Бен, найдёт свою сестру в виде возбуждённой паукообразной обезьяны, отчего ему сорвёт крышу. Джонни разрывает поцелуй и смотрит на меня:

— Привет, Хоуп.

— Привет, Джонни.

Он ставит Софи на пол, но не отпускает её:

— Прости, я не хотел мешать. Просто соскучился по своей девочке.

Из-за его постоянных туров мы встречались всего пару раз. Но я уверена, что он с ума сходит по Софи, и ещё знаю, что она готова на стенку из-за него лезть, если судить по её безумным рассказам.

— Давай, мы только закончили готовить завтрак. Здесь парень Хоуп. И Бен тоже, — добавляет она с предупреждением.

Кулаки Джонни сжимаются при упоминании имени её брата, и мне интересно, что у них за история. Чёрт, я много пропустила.

— Эй, Рок, правильно? Рад снова тебя видеть, — говорит Джонни, минуя угол комнаты.

Он кивает Бену и берёт себе тарелку, а потом садится с нами. Подождите, когда это они встречались?

Софи и Рок обмениваются странными взглядами.

Есть какая-то история, и я гадаю, как мне её выведать.

Глава 16.

Хоуп.

Поскольку в прошлый раз спа изрядно поднял мне настроение, несколько недель спустя я решила повторить такой день. Из-за того, что записываюсь в последний момент, они не могут отправить меня прямо сейчас на процедуры, и я убиваю время в зале ожидания. Кресла у них удобные. Здесь куча материалов для чтения, доступны полезные напитки, поэтому я не против подождать.

Узнав сладкий цветочный аромат, который начинает щекотать мой нос, смотрю вверх. Есть что-то странно знакомое в женщине напротив меня, но я отмахиваюсь от этой мысли.

Она скользит глазами в мою сторону и замечает, что я пялюсь. К счастью для меня, она привыкла к такому, поэтому просто одаривает меня холодной улыбкой.

— Вы выглядите знакомо, — произносит она вопросительно.

— Вы тоже.

Она протягивает руку:

— Инга Марч, — я уже слышала это имя прежде. Оно не очень распространённое. — Вы адвокат Рока и Брикса, правильно?

И будто по щелчку память возвращается.

«Стриптизёрша, которая отсасывала моему парню в раздевалке. Фантастически, мать вашу».

— Эм, ага, была.

— Я не видела Рока около года или больше.

«Хорошо. Ты уже достаточно на него насмотрелась».

Но её признание вызывает у меня интерес, и я не могу отрицать, что хотела бы узнать, встречались ли они недавно.

— Нет? — спрашиваю я, сохраняя обычный тон и, вероятно, проваливаясь в этом.

— Не-а. Его больше не бывает в клубе, когда я там, — моя бровь дёргается вверх, поэтому она продолжает: — Оу, я просто особая танцовщица. Прихожу раз в две недели или где-то так. Но мы всегда — я имею в виду *всегда* — трахались, когда я была в городе.

Тошнота грозит подняться по моему горлу от картинки, которая всплыла в моей голове после её слов, но она, кажется, не обращает на меня внимания:

— Постоянные девушки говорят, что его там больше не бывает. Они думают, будто последний год Рок серьёзно с кем-то встречается и ей не нравится, когда он крутится вокруг голых цыпочек, — Инга хохочет и закатывает глаза.

В моём желудке камнем оседает тяжесть. Пульс грохочет в ушах. Рок встречается с кем-то ещё. Это поражает меня и разбивает сердце. Я предупредила его, что не стану с этим мириться, если он не будет серьёзным, но он, видимо, уже серьёзен с другой женщиной.

Все эти ночи, когда он уезжал «по делам клуба», внезапно обретают новый смысл. Я была такой дурой. Боже, я взрослый человек, но настолько бестолковая в выборе мужчин, что это кажется жалким.

Придерживаясь беспечного тона, я продолжаю:

— Почему бы вам не позвонить ему? Вы, ребята, казались весьма близкими.

Она выгибает идеально выщипанную, тонкую бровь:

— Милочка, я тебя умоляю. Я имею в виду, не пойми меня неправильно, он горяч как ад и охеренно трахается, но Рок не тот тип парней, который когда-нибудь осядет с одной женщиной.

Чёрт, она прямая.

— Оу.

— Из того, что я слышала: он привык трахать половину постоянных девушек. Такой парень, как Рок, никогда не оставит молоденькие, горячие, свободные киски. А ещё у меня есть некоторые замашки порноактрисы... Да, с этим бы у нас срослось.

— Я понимаю, что вы имеете в виду.

Она кивает, будто преподавала мне какой-то важный урок.

Может, и преподавала.

— Извините меня, — бурчу я.

Я говорю девушке за столом, что передумала. Она уговаривает меня записаться на следующую неделю, но я не могу дышать одним воздухом с Ингой больше ни секунды. Как только сажусь за руль, достаю телефон и пишу сообщение Року. Если я позвоню ему, начну плакать в ту же секунду, как услышу его голос.

«Нужно поговорить. Наедине».

Ответ приходит чуть ли не мгновенно:

«Подъезжай к моему дому. Я в гараже».

Я очень рискую, превышая скорость. Это чудо, что меня не остановила полиция, пока я летела по Эмпайр. Руки трясутся, и я кричу каждый раз от разочарования на сраный красный сигнал светофора.

Я не могу сделать этого. Не могу быть чьим-то куском на стороне. Я просто не способна на это. Чувства, которые я питаю к Року, готовы меня поглотить. Если он скажет мне, что я одна из многих, мне нужно подготовиться к тому, что мы разойдёмся прежде, чем это всё станет ещё более запутанным.

Как он и обещал, я нахожу его в гараже. Обе входные двери открыты настежь, и музыка оттуда слышна на подъездной дорожке. Та самая дверь, в которой я увидела Рофа, наблюдающего за нами, тоже широко распахнута. Этого сегодня не случится. Может, и никогда больше.

— Эй.

Когда он встаёт поприветствовать меня, я не могу не восторгаться его силой и грациозностью. Он двигается как большая сексуальная пантера или кто-то в этом роде. Рок выпускает инструмент из рук и вытирает их тряпкой.

— Привет, куколка.

Его голос заставляет меня растаять, но до того, как я позволю ему подойти к себе, мне нужно объясниться с ним раз и навсегда. Кажется, он чувствует моё настроение, особенно когда сгибает палец и манит ближе к себе. Я отрицательно мотаю головой:

— Сегодня я наткнулась на Ингу.

Его брови взметнулись вверх, но лицо не выражает никаких эмоций. Ясно: он ждёт продолжения.

— Она говорит, что ты почти не появляешься в клубе.

— Это правда, — медленно отвечает Рок.

— Почти весь прошедший год.

Он вздыхает, и его глаза вспыхивают на мгновение. Вина. О Боже мой. Я настояла на этом, но внезапно не хочу слышать ответ. Думаю, мне лучше быть этим куском на стороне, нежели никогда не быть с ним, и я ненавижу себя за свою слабость.

Рок.

Вот он. Момент, которого я так боялся. Хоуп стоит передо мной, требуя ответов, а я не

готов дать ей их.

Она делает долгий дрожащий вдох:

— Ты встречаешься с кем-то ещё? — совсем не этот вопрос я ожидал. Прежде чем мне удаётся ответить, она срывается: — Инга сказала, что все девушки в клубе думают, будто ты прекратил вести дела в «Хрустальном шаре», потому что последний год с кем-то встречаешься.

— Есть только ты, Хоуп, — откровенно отвечаю я. Её злость слегка утихает, но я вижу, что она не до конца верит мне. — Я всегда буду честным с тобой. Я, может, и не скажу всего, потому что не хочу подвергать тебя опасности, но то, чем с тобой делюсь, правда.

Она трясёт головой, и я знаю, что Хоуп не понимает моих слов. Она взбудоражена из-за херни, которую наговорила ей Инга.

— Ладно. Она сказала мне, что были другие танцовщицы, с которыми ты спал.

Ёбаная Инга и её болтливый рот.

Правда. Я пообещал говорить Хоуп правду.

— Да, я спал с другими танцовщицами из клуба и с девушками из МК. Я не буду тебе врать. Я никогда не относился к ним, будто они дерьмо, и не собираюсь начинать сейчас, чтобы доказать мои чувства к тебе. Но, хоть тебе и не нравится, что я говорю это, они были всего лишь куском задницы.

Её глаза вспыхивают от раздражения, но я знаю, что это из-за её несогласия с таким отношением к женщине, даже если та была случайным трахом из прошлого. Небеса, помогите мне, но я даже больше люблю её за это.

— Для меня ты *не* кусок задницы. В ту минуту, когда у меня появился шанс, я знал, что заклею тебя, поэтому оборвал все отношения и отошёл от дел в «Хрустальном шаре», потому что не хотел, чтоб ты волновалась об этом дерьме, когда я бы приехал.

Ну, плюс ещё то, что не хотел соблазнов, но эту часть я оставляю при себе.

Она не выглядит убеждённой, так что я решаю быть откровенным:

— Малышка, я не совал свой член ни в одну киску с момента, как решил, что ты будешь моей.

Её глаза расширяются, румянец приливает к щекам. Но это шок, а не недоверие. Боже, мы куда-то движемся.

— Когда именно ты это решил?

В этих словах нет злости, но я всё равно отвечаю с осторожностью:

— Когда привёз тебя домой после того, как ты впервые побыла в моём клубном доме.

Я избегаю слова «похороны», потому что не желаю ворошить бывшее дерьмо снова и хочу, чтобы она поняла.

Улыбка зарождается в уголках её губ, и она качает головой:

— Ты ожидаешь, будто я поверю, что ты продержался без секса последний год? Когда вокруг было множество девиц, которые постоянно готовы скинуть для тебя свои трусики?

Из меня вырывается короткое хихиканье во время такого описания от Хоуп, но по выражению её лица я могу понять, что ей отнюдь не смешно.

— Да, милая, именно так и случилось.

— Значит, у тебя на выбор была любая доступная киска, но ты хранил себя для отношений, которых однажды я *могла захотеть* построить с тобой?

Я прыскаю со смеху, услышав, как она произносит «киска», и когда успокаиваюсь, мой мозг осмысливает остальные её слова.

— «Хранить себя» звучит немного экстремально.

— То, что ты мне говоришь, само по себе экстремально.

Я пожимаю плечами:

— Это длилось лишь год. Некоторые люди находятся под «сухим заклинанием» и дольше.

Она щурится, и я понимаю, что открылся ей. Я такой конченный идиот. Одно из моих любимых качеств в ней — это то, насколько она проницательна. Но я не наслаждаюсь им, когда Хоуп использует свою проницательность на мне.

Может, она отпустит ситуацию.

Она говорит очень медленно и обдуманно, поэтому я не пропускаю ни единого слова:

— Откуда ты знал, что это будет всего лишь год?

Не-а. Чёрт, она не даст мне передохнуть.

Её глаза убивают меня, так что я фокусируюсь на своих ботинках.

— У меня хреново со словами, Хоуп, но я хочу, чтоб ты поняла. Однажды я ушёл от тебя. И не думал, что ещё когда-нибудь увижу снова. Я был полным отморозком почти всю свою жизнь, и, казалось, наказание свалилось мне на голову, когда я встретил правильную женщину, а она оказалась замужем. Я ненавижу быть рядом с тобой, зная, что ты принадлежишь кому-то другому. И если бы я считал, будто он не относится к тебе так, как ты того заслуживаешь, не думаю, что меня можно было бы остановить от того, чтобы сделать с ним что-нибудь. Ты не нуждалась в такого рода драме или стрессе.

Рискнув поднять на неё взгляд, я обнаруживаю её с закрытыми глазами. Она выкручивает пальцы и кусает губу. Я не могу перестать чувствовать себя так, будто готов броситься со скалы вниз. Я начал это — мне и расхлёбывать. Ей необходимо знать.

— Когда всё... Изменилось... Да, я поклялся, что сделаю тебя своей, как только ты разберёшься со всем, — её глаза распахиваются, и она тарашится на меня, будто я сумасшедший. — Я не мог продолжать жить без тебя, если мне уже не нужно было.

Она сужает глаза и фокусируется на мне:

— А что, если бы я начала встречаться с кем-то ещё? Что бы ты тогда сделал?

Теперь пора толкнуть Софи под автобус:

— Я бы думал о тебе. Если бы Клэй не умер, я бы оставался в стороне, неважно как сильно ненавижу бы это.

— Рок...

Я перебиваю её:

— Ты заслуживаешь быть счастливой. Заслуживаешь хорошей, тихой, пригородной жизни и заслуживаешь, чтобы к тебе относились как к сокровищу, которым ты и являешься. Я не хочу, чтоб опасное дерьмо моей жизни касалось тебя. Ты достойна нормальности, мира и отсутствия проблем.

— Ты и есть проблема, — шепчет она.

— Да. В глубине души ты это знаешь, куколка. Ты заслуживаешь кого-то хорошего, честного и чистого. Во мне нет ничего подобного. Я не могу дать тебе это.

— Это неправда.

— Неправда? Подумай хорошо, Хоуп.

Она дважды моргает:

— Ты хороший со мной.

Я вздыхаю как жалкий неудачник:

— Малышка, я такой эгоистичный ублюдок из-за попытки втащить тебя в мой мир. Я не хочу, чтоб это уродство тянулось в твою жизнь.

— Ты сделал меня счастливее, чем я была задолго до этого.

— Насколько задолго, куколка? Я никогда не буду человеком, который носит костюм и галстук и водит тебя на адвокатские конференции. Я смешиваюсь с обычным миром, когда это необходимо. У меня нет терпения для коротких разговоров и херни.

Она сразу мотает головой:

— Но мне плевать на всё это. Всегда было.

Мой взгляд бродит по её прекрасному лицу, упиваясь её красивыми чертами:

— Но я буду ожидать, что ты будешь проводить время в моём мире, в МК. Это моя семья, моя жизнь. Это нечестно, но так сложилось. Я буду защищать тебя ценой своей жизни, а мои братья в клубе? Они тоже будут заботиться о твоей безопасности. Только потому, что ты моя, — слёзы блестят в её глазах. Блядь, я не хотел заставлять её плакать. — Хоуп? Ты со мной?

— Я с тобой.

— Почему ты плачешь, куколка?

— Мне страшно. Ты говоришь так, будто собираешься меня отпустить.

Это то, где я должен сказать ей, насколько, блядь, сильно в неё влюблён. Я хочу сделать это. Я так близок к словам, но пока не могу заставить себя произнести их. Поэтому просто говорю ей правду:

— Милая, я никогда бы не смог позволить тебе уйти. Я не смог отпустить тебя, даже когда должен был. Если ты хочешь этого, я это сделаю. Если ты решишь, что я не подхожу тебе. Это убьёт меня, но я отпущу тебя, — она трясёт головой, и ещё больше слёз скатывается по её щекам. — Ты знаешь, что прямо сейчас я говорю правду, так ведь?

Она однократно кивает:

— Да.

— Хорошо, потому что так же, как я заклеил тебя, ты заклеила меня. Я твой, как и ты моя. Я говорю серьёзно. Не хочу быть вдали от тебя дольше секунды, но, поверь мне, каждую минуту, когда мы порознь, единственная киска, в которую я хочу вколачиваться, — твоя.

Я говорю это дразняще, но Хоуп резко набирает воздух ртом и плачет ещё сильнее.

— Почему я? — она икает и шмыгает носом. — Что во мне такого, что заставляет тебя быть настолько непреклонным?

Я вскидываю голову. Она серьёзно?

— Тебе действительно надо спрашивать?

— Да. Ты мог бы иметь любую женщину, которую захотел бы. Гораздо более красивых девушек, танцовщиц. Девушек, зависающих в клубе и страдающих по тебе. Они понимают тебя лучше...

— Хоуп, остановись. Во-первых, ты самая красивая женщина, которая когда-либо попадалась мне на глаза, — она морщит нос, думая, серьёзно ли я говорю, и выражение её лица восхитительно, но я сопротивляюсь своей улыбке. Ей нужно услышать это: — Во-вторых, да, вероятно, было бы проще остаться с клубной сучкой. Не думай, будто я не пытался, — её передёргивает при упоминании другой девушки, но я справляюсь с этим. — Как бы хорошо те девушки не понимали клуб, они не могли понять *меня*. Твоя честность и преданность поражают каждый грёбаный раз. Ты не ожидаешь от меня *чего-то*. Ты так

чертовски умна. В тот день в зале суда ты была напугана, когда судья попросил тебя представлять меня. Я мог видеть, как дрожат твои руки. Но ты всё равно сделала это. Полностью отдалась делу. Ты без подготовки выпалила то красноречивое заявление от моего имени. Большинство людей выложились бы наполовину. Ты была доброй, хотя, видимо, думала, что я испорченный уголовник. Потом ты начала бороться за меня, когда попросила пристава снять наручники с моих запястий. Ты не должна была делать этого. Никто другой бы не парился по этому поводу. Искренняя доброта — это то, что я искал всю свою проклятую жизнь. Я знал это, когда мы стояли на тротуаре и разговаривали. Ты была так восхитительно возмущена мной. И случайно ослепила меня прелестным видом на своё декольте, ещё и понятия не имела, насколько сексуальной выглядела.

Хоуп откровенно краснеет от моего признания.

— Когда ты сказала мне, что замужем, я не мог в это поверить. Будто у меня и без того не было достаточно препятствий. Я наконец-то нашёл женщину своей мечты, но она не только оказалась адвокатом, ради Бога, она ещё была и замужем. Поэтому, малышка, тебе даже не стоит волноваться о том, что меня заинтересует кто-то ещё. Ты именно то и та, что и кого я хочу во всех смыслах. Никто другой с тобой не сравнится.

Она позволяет себе хихикнуть, и я слегка расслабляюсь.

— Я могу раскрыть тебе секрет?

— Что такое, куколка?

Она кладёт руку мне на затылок и притягивает ближе мою голову:

— Я дрожала потому, что ты был чертовски сексуален даже в своём оранжевом комбинезоне.

И снова ей удаётся меня удивить. Это не может быть правдой.

— Ты не могла дожидаться момента, когда избавишься от меня. Мне чуть ли не пришлось тащить тебя на ланч.

Её улыбка исчезает:

— Я объясняла тебе, что не изменница. Я любила своего мужа. У нас были хорошие отношения, — она делает паузу и вытирает свою щёку, убирая слезу. Я ненавижу, что заставил её вернуться в этот болезненный переулочек памяти. — Я не говорю, будто никогда не замечала других мужчин, но после нашей встречи с Клэем мне никогда не хотелось никого другого. А нахождение рядом с тобой пугало меня до чёртиков, потому что я *хотела* тебя. Моё тело реагировало на тебя таким образом, что это пугало меня до смерти.

Из всех слов, которые я ожидал от неё услышать, эти не входили даже в первую десятку.

Хоуп.

«Ого» было бы неадекватным ответом, но это всё, что у меня есть. Я так поглощена тем, что говорит Рок. Мне нужно остановиться на минутку и перевести дыхание. Сумасшедшее притяжение, которое я к нему чувствую с того дня, как мы встретились, не было плодом моего воображения. И он тоже в курсе этого. Рок живёт и дышит им.

Я хмурюсь, вспоминая другие свои вопросы:

— Подожди, а что с «Хрустальным шаром»? Я думала, ты был его владельцем.

— Технически им владеет МК, но я не руковожу им ежедневно. Передал его Зеду и Дексу.

Я шокирована, и очевидный вопрос слетает с моего языка:

— Почему?

Он пожимает плечами и ухмыляется мне:

— Голой мне нужна только одна женщина.

Вот чёрт. Он меня убивает.

— Но Инга сказала, что ты пропадаешь больше года. Ты оставил его ещё до того, как мы стали встречаться?

Ему действительно неуютно из-за моего допроса, но я не могу сдержаться. Его улыбка блекнет, превращаясь в нечто более серьёзное, но не менее сексуальное.

— Да. Мне приходится время от времени ездить туда, чтобы присмотреть за некоторым дерьмом. Но каждый день? Я лучше поработаю здесь руками.

Конечно, он не хочет, чтобы я неправильно всё поняла. Рок пожертвовал этим ради меня. Я понимаю.

— Ты знаешь, что у меня не было бы проблем с этим? Это твоя работа. Я бы не совала свой нос в твои дела.

— Знаю. Но так будет лучше.

Да, лучше. Очень плохо, что я продолжаю рушить всё своим большим ртом:

— Ты скучаешь по нему?

Он фыркает, будто мой вопрос абсурден. Рок притягивает меня к себе:

— Ты закончила со своим допросом?

Я вскидываю голову и пытаюсь не захохотать:

— Да.

— Получила свои ответы?

— Думаю, да.

— Хорошо.

С этими словами он проводит костяшками пальцев по моей челюсти, мягко поворачивая мою голову для поцелуя. Его рот накрывает мой сладчайшим, самым мягким поцелуем, который можно только представить. Не имеет значения, насколько ласковым он был сначала; мне не нужно долго стараться, чтобы воспламениться под прикосновениями Рока. Мои руки путаются в его футболке, отчаянно ища его кожу.

Что-то принимается вибрировать у моего бедра.

Рок выпускает поток ругани, вытягивая телефон из кармана, но по-прежнему удерживая меня.

— Что? — его взгляд скользит в моём направлении. — Вообще-то, она прямо рядом со мной.

Я склоняю голову набок, молча пытаюсь собрать информацию. Он замечает это, и уголок его рта дёргается вверх.

— Когда? Сейчас? Возможно.

Он завершает звонок. Вместо объяснений Рок целует меня, пробираясь медленно и глубоко. Я покачиваюсь, а его руки обнимают меня. В итоге он отпускает меня, а я после этого поцелую витаю в облаках.

— Брикс везёт свою девушку. У неё есть какой-то юридический вопрос, который она хочет обсудить с тобой.

Подождите, что?

— Но в настоящее время я не работаю.

— Знаю. Но ты всё равно в курсе дел. Просто поговори с ней. Пожалуйста.

Это наименьшее, чем я могу помочь после того, что Рок сделал сегодня. Хотя Брикс мне

безумно нравится. Мы палимся друг на друга, и между нами можно буквально ощутить жар. Мне хочется спросить, сколько у нас есть времени, но позади нас хлопает дверь автомобиля.

Я сразу же вижу Брикса.

— Хоуп, я так рад, что ты здесь, — кричит он.

Брикс тащит высокую худощавую блондинку за собой. Я выравниваюсь и скромно потираю руки. До сих пор ощущаю прикосновение Рока. Я бросаю на него взгляд, а он дарит мне мягкую улыбку, которая согревает и даёт мне силы.

Повернувшись к паре, я выдаю широкую улыбку:

— Что случилось?

Я узнаю блондинку. Кажется, её имя Винтер. Брикс уже некоторое время зависает исключительно с ней. Даже представил её своим детям неделю назад или около того, если не ошибаюсь.

Рок присаживается на землю, ковыряясь в том, с чем работал прежде, пока я не влетела сюда и не прервала его.

Брикс подначивает Винтер:

— Скажи ей.

Винтер смущённо смотрит, а затем достаёт из заднего кармана сложенный листок бумаги и передаёт его мне.

— Мой бывший хочет тест на отцовство. Он пытается избежать алиментов.

Я быстро просматриваю листок. Вполне обычная процедура. Я возвращаю его Винтер и смотрю на них:

— Брикс, ты же знаешь, я не занимаюсь...

Винтер обрывает меня:

— Пожалуйста. Элиас сказал, что вы проделали для него прекрасную работу. Я не имею права на бесплатного адвоката. У меня немного денег, но я могу вам заплатить.

— Клуб об этом позаботится, — бурчит Рок.

Я смотрю на него вниз, потому что он совсем не помогает ситуации. Я не хочу этим заниматься. Даже если это и простое дело, я покончила с практикой.

— О, мистер Норт, я не смею просить вас об этом, — произносит Винтер, являясь поражённая его предложением.

— Ты серьёзен на её счёт, Брикс? — встаёт Рок, вытирая руки о тряпку, свисающую из его кармана.

Брикс усиливает свою хватку на руке Винтер:

— Да, През.

— Она станет твоей старухой?

Взгляд Винтер мечется между ними.

— Ага. Мы скоро об этом поговорим.

Бедная Винтер. Она понятия не имеет о делах клуба, как по большей части и я.

— Значит, это забота МК, и мы заплатим за неё. Не имеет значения, будет ли Хоуп или кто-то другой заниматься её делом.

Наконец-то, какое-то понимание того, что я не должна делать что-то против своей воли.

— Хотя моя девочка лучшая в своём деле, — продолжает Рок, глядя на меня.

Чёрт возьми. Моё разгорячённое лицо вспыхивает от вопиющей манипуляции перед Бриксом и Винтер. Блядь! Красный. Я вижу красный, поэтому вдыхаю поглубже, дабы успокоиться.

Полностью повернувшись к Року спиной, я спрашиваю Винтер:

— Ты можешь принести мне остальные документы? Дата суда уже скоро, так что мы можем встретиться у Рока дома, скажем, во вторник в два?

Если он собирается предложить мои услуги, при этом прекрасно зная, что у меня сейчас даже офиса нет, тогда я собираюсь разобраться с этим в его грёбаном доме. Я бросаю на него взгляд через плечо, а у него хватает смелости улыбаться.

— У меня немного времени на подготовку, поэтому, вероятно, мне придётся попросить об отсрочке.

— Без проблем, мисс Кендалл. Спасибо вам огромное за то, что берётесь за это. И мистер Норт. Правда, спасибо вам, — краснеет Винтер.

Она такая милая, что мне тяжело продолжать злиться. Кроме того, я злюсь не на неё.

После их ухода я вылетаю из гаража и следую к своей машине.

— Подожди, ты уходишь? — спрашивает Рок, выходя вслед за мной.

Обернувшись так быстро, что волосы не успевают за мной, я шиплю:

— А ты как думаешь? Или хочешь заставить меня работать ещё над чем-то?

— Заставить тебя? Малышка, о чём ты говоришь?

— Ты в курсе, что у меня нет офиса.

У него хватает наглости невинно пожать одним плечом:

— У тебя и раньше его не было.

Я поднимаю руку перед ним:

— Хватит! Я не ступала в зал суда больше года. Мне нужно сделать некоторые исследования, наверстать упущенное. Я не могу просто войти туда неподготовленной.

Схватив за предплечья, Рок удерживает меня прямо.

— Малышка, дыши. По большей части в тебе говорят нервы.

Стряхнув его руки, я открываю дверь машины.

— Ты просто не понимаешь этого. Это тебе не байк паять! — чем злее я становлюсь, тем спокойней он кажется, и это злит ещё больше. — Мне необходимо ехать. Я собираюсь заглянуть в офис Адама и посмотреть, смогу ли использовать его аккаунт в консультанте судебных решений и прецедентов. Своего у меня уже нет.

— Детка, я не хочу, чтобы ты вела машину в таком состоянии. Дай мне секунду вытереть руки.

Только из-за того, что он всемогущий Роклан Норт, которому нужно подчиняться, он принимает моё молчание за согласие и забегает в дом. Я срываюсь с места, потому что я в ярости, а Рок мне не нужен в качестве няньки.

Хотя мне стоило подумать лучше, потому что он догоняет меня на парковке Адама. Сраные выхлопные трубы Харлея. Я слышу его за милю, поэтому жду в своей машине. Последнее, что мне нужно, — это сцена ревности в офисе моего друга.

Он глушит байк рядом со мной. Первым делом мне приходит в голову обыграть всё так, будто я его не поняла. Но мне не шестнадцать. Я взрослая женщина, так что вместо этого пусть разбирается со всем сам.

С этими мыслями я резко распахиваю дверь машины и встречаю его на полпути.

— Почему ты так сорвалась? — он не зол, но явно на пороге ярости.

Слишком плохо, потому что я уже перешла эту грань.

— Мне не нужна нянька, — шиплю я в ответ.

— Какого хера? Может, я хотел провести с тобой время, когда ты закончишь здесь.

Оу. Ну, разве я не сука?

Рок хватает меня за плечи и ловит взглядом в ловушку:

— Прости, если ты думаешь, что я перешёл черту...

Я обрываю его:

— Это дерьмовое извинение.

Рок вскидывает голову к небу, вероятно, вопрошая Бога о терпении. После он смотрит вниз, и намёк на улыбку поигрывает на его губах.

— Теперь ты надо мной смеёшься?

— Эй, всё в порядке? — выкрикивает знакомый голос.

Я поворачиваюсь, чтобы дать Адаму знать, что всё нормально.

— Занимайся своими делами, — рычит Рок.

Адам не сравнится размерами с Роком, но он и не отступит ни перед кем.

— Ты припарковался на моём месте — это моё дело.

Я выворачиваюсь из хватки Рока:

— Адам, всё в порядке.

Он подходит ближе, окидывая Рока недоверчивым взглядом.

— Святые небеса, Хоуп, я едва ли узнал тебя, — он сметает меня в объятия.

Выражение лица Рока говорит мне, что он с трудом старается не пришить Адама к земле.

Рок.

Нахер это дерьмо! Она сейчас шутит? Руки этого женоподобного парня сейчас на моей девушке. Она всё ещё зла на меня по неизвестной причине. Если позволите, после того, как я вывернул ей свою сраную душу, у неё случается истерика, а затем она сбегает. И теперь какой-то придурок в тройке (прим.: костюм) лапает её. Прямо передо мной.

Если бы мы были в моём мире, я бы выбил все его зубы за один раз. Но я не могу сделать подобное здесь.

Наконец-то он её отпускает. С тем количеством крови, которая шумит у меня в ушах, я не слышал ни единого слова за время их объятия.

— Адам, это мой... Эм... — она шутит? — Парень, — выплёвывает Хоуп.

Серьёзно? «Парень» кажется крайне неуважительным словом, чтобы описать мои чувства к ней, особенно когда менее часа назад я вывернул наизнанку всего себя перед ней.

Адам, который либо невероятно смелый, либо невероятно тупой — я ещё не понял — смотрит на неё с сомнением.

После он поворачивается ко мне и, к моему беспредельному изумлению, насилует меня глазами так, как не смела самая отчаянная клубная девушка:

— Расслабься, страшный байкер, ты больше *мой* тип, чем её.

Какого? Хуя?

Хоуп настолько сбита с толку, что прыскает со смеху. Они оба склоняют головы, будто передо мной два конспиратора.

— Серьёзно, девочка, а он аппетитный. Это он причина, по которой я не видел тебя больше грёбаного года?

Странная ухмылка искривляет её губы:

— Есть немного.

— Мило. Так что тебе нужно? Кроме файлов, отправленных посылкой в офис Мары, я

оставил здесь всё, как и было.

Она снова обнимает отморозка. Прямо, блядь, перед моими глазами.

Я очень стараюсь забыть, что я вроде бы его тип. Поэтому, да, их очередное объятие заставляет валить пар из моих ушей.

Она хлопает ресницами перед ним в фальшивой, кокетливой манере, чего я никогда — я подчеркиваю, *никогда* — не видел. Сегодня моя девочка буквально полна сюрпризов. Между дерзостью, обманом, флиртом и дерьмом я чувствую, будто прямо сейчас не знаю её.

— Ну, я могла бы использовать твой пароль от ЛексЛоу (прим.: юридическая база данных правил и ограничений) для поиска информации по семейным судам, которая мне нужна, — отвечает она с ещё одним взмахом ресниц.

Адам поворачивается, и она следует за ним в здание. Я присоединяюсь к ним, потому что, блядь, какого хера мне ещё делать? Мои поджаренные мозги до сих пор заняты разгребанием этого дерьма.

Пока они общаются, я удобно устраиваюсь в комнате ожидания отморозка. Я подслушиваю, как он рассказывает ей о новом судье, который управляет судом по семейным делам и является «полным придурком», но у него глубокие карманы. Адам объясняет ей некие изменения в процедуре внесения залогов, выдвинутые округом, и некие правила, и другую хрень. Ничего из этого не имеет для меня смысла, но я начинаю понимать, почему Хоуп была в такой ярости.

Я до сих пор уверен в своей правоте. Она должна вернуться к работе. Ей определённо нравится помогать людям, и она хороша в этом. Я волнуюсь за неё. И мне нравится идея того, что Хоуп будет работать на клуб. Я говорю себе, что в следующий раз постараюсь не быть таким властным. Видит Бог, я слечу с катушек, попытайся она сказать мне, какой банде продавать «Искушённого Ублюдка». Мысль об этом заставляет меня подавиться смешком.

Когда Хоуп поворачивается, у неё в руках коробка, которую она неосознанно пихает мне в живот — думаю, всё ещё обижена — и стопка папок, которую она прячет в сумку. С милой улыбкой она прощается с Адамом. Я рычу в его направлении, и мы уходим.

— Получила то, что было необходимо?

— Да, на данный момент.

Я ставлю коробку на заднее сидение её машины и захлопываю дверь.

— Прости, что перешёл черту. Теперь я понимаю.

— Прости, что бурно отреагировала. Ты прав. Я нервничаю.

Она смотрит прямо на меня своими честными зелёными глазами.

Вот она. Это моя девочка. Женщина, которую я люблю.

Глава 17.

Хоуп.

— Малышка, ты будешь потрясающей, — Рок уже пятый раз за сегодня говорит мне это.

— Спасибо. Я просто нервничаю.

Разгладив юбку ладонями, я верчусь перед зеркалом, дабы убедиться, что всё заправлено как надо. Пучок завязан не очень туго, так что я добавляю ещё несколько шпилек. В конце я провожу по губам кисточкой с блеском и наношу на ресницы тушь.

Странное чувство — быть снова в деловой одежде. Не в плохом смысле странно. Но и не в хорошем.

Рок прижимается к моей спине, скользая руками по моей талии и притягивая меня к себе. В зеркале наши глаза встречаются, и он целует меня в макушку.

— Ты сексуальна в этом наряде.

— Не начинай, — его глаза расширяются от невинности. — И не смотри на меня глазами типа «Кто? Я?».

Его губы подрагивают в ответной улыбке, когда он отступает назад и шлёпает меня по заднице.

— Засранец, — бурчу я.

Прежде чем он снова сможет приложиться к моей заднице, я выскакиваю из комнаты и спешу в холл.

— Малышка, ты кое-что забыла, — кричит мне Рок из спальни.

Я смотрю вниз на свои босые ноги. Чёрт возьми.

— Ты знаешь, что я опаздываю, да? У меня нет времени на игры с тобой, — кричу я в ответ.

Я раскрываю свой файл и пробегаюсь по нему ещё раз. Всё должно быть легко. Я это знаю. Тест на отцовство оказался положительным. Бывший Винтер на самом деле отец её ребёнка, но мы и были уверены в этом. Только пока я была занята данным делом, заметила, что он не платил полную сумму алиментов, предназначенных Винтер, поэтому я подаю ходатайство сразу же после того, как мы покончим с делом об отцовстве. Глупый мудака не должен был лезть в это.

Я ненавижу работать с алиментами. Слишком много грёбаной математики.

Рок заходит на кухню с моими туфлями в руках:

— Ты готова?

— Я не поеду на твоём байке, — шиплю я, выхватывая туфли и надевая их.

— У тебя всегда такой дерзкий рот перед заседанием?

Я знаю: на самом деле он хотел сказать «сука», но сдержался.

— Да, Рок. Это настоящая я. Рад, что говоришь сейчас со мной?

Его челюсть напрягается, но я могу сказать, что он снова пытается не улыбнуться:

— Мы берём твою машину, — я киваю, потому что это правда. Я не могу оседлать его байк в юбке-карандаше, и мне лучше не появляться возле здания суда на Харлее. — Но поведу я.

Это, вообще-то, идеально мне подходит, потому что я нервничаю. Если там не будет места для парковки, он сможет просто высадить меня перед входом.

Я слишком нервничаю, чтобы поесть, но Рок набирает ложку йогурта с нарезанными бананами и пихает мне в рот. Я глотаю содержимое, находясь у раковины. С ним лучше не спорить.

□□□

Брикс и Винтер ждут на тротуаре перед зданием суда, когда мы подъезжаем. На Винтер простое платье синего цвета. Она выглядит молодо и презентабельно, и мне становится легче благодаря тому, что она последовала моему совету и оставила дома свою облегающую футболку, которую обычно предпочитала носить.

Парни следуют за нами, и я останавливаюсь. Повернувшись к ним лицом, спрашиваю:

— Подождите, вы тоже планируете идти?

Все трое смотрят друг на друга.

— Да, малышка, — в итоге отвечает Рок. — Разве людям запрещено присутствовать на заседании суда по семейным делам?

Я колеблюсь:

— Ну, разрешено, только если это не закрытое слушание, полагаю. Там просто очень маленький зал. Судья может спросить, кто вы такие, — я указываю на кожаные жилеты, которые ни один из них не оставил дома: — Не знаю, как сильно это поможет.

Я уже вижу, как пристав полностью обыскивает ребят перед входом, задерживая нас ещё больше.

Рок выпячивает губы, а Брикс стреляет в него взглядом. Мы все стоим за линией тротуара на нейтральной территории. Наконец-то Рок кивает головой в сторону моей машины, и они вдвоём отходят. Возвращаются они уже без жилеток.

— Лучше? — интересуется Рок.

— Да.

Мы входим в здание суда, минуем охрану и направляемся в зал заседания, где проводится слушание.

Я нервничаю только от одного присутствия Винтер здесь, но то, что Рок и Брикс тоже наблюдают, буквально выводит меня из себя. Я копошусь и роняю файл, отчего бумаги разлетаются повсюду. Бывший Винтер выходит вперёд, чтобы поднять их и передать мне, что совсем не помогает. Это странно. Я выхватываю папку и произношу поспешное «спасибо», а потом занимаю место за столом.

Более паршивой ситуация стать не может.

Рок.

Не сочти я наше присутствие важным, сказал бы Бриксу, что мы можем подождать на улице. Но Винтер получала некоторые угрозы в сообщениях от своего отморозка-бывшего, и я хотел, чтобы он понял: если он перейдёт ей дорогу, то напросится на полную задницу неприятностей, чего точно не захочет. Конечно, я не объяснял это Хоуп. Она так напряжена, будто вот-вот взорвётся. Мне не особо нравится оставлять наши жилетки в машине, но у Хоуп был убедительный довод, а я не хотел, чтобы она взбесилась перед зданием суда.

Притом мы с Бриксом весьма пугающие сами по себе.

Места для зрителей находятся прямо за столом Хоуп. Если захочу, я могу всего лишь потянуться и схватить её за попку, но мне удаётся контролировать себя. Едва ли. Всё же я сжимаю её плечо перед тем, как судья начинает говорить. Она дарит мне скромную улыбку через плечо.

Хоуп произносит свою речь, её аргументы чёткие и конструктивные. Гордость переполняет меня. Моя женщина по-прежнему фантастическая.

— Ваша Честь, поскольку ребёнок был рождён в браке, отцовство предполагается. Имя отца вписано в свидетельство о рождении ребёнка, и он признавал ребёнка своим последние два года. Он не сомневался в этом до того момента, пока мисс Вилкес не начала встречаться с другим. Он не имел права на тест согласно закону, но мы уступили, дабы поставить на этом точку раз и навсегда. Как вы можете видеть в докладе, мистер Вилкес определённо является отцом. Мы убедительно просим отклонить данное ходатайство с запретом подачи аналогичного иска.

Судья поворачивается в сторону Вилкеса и продолжает отчитывать его. Чёрт, старый козёл на скамье взбешён и чрезвычайно самоуверен. Он высказывается по поводу

использования судебной системы в качестве орудия мести и стыдит парня за попытку отказаться от собственного ребёнка, дабы поквитаться с его матерью. Это безжалостная лекция, и парнишка практически сравнялся с полом к тому моменту, как судья завершает её.

Это было весело.

Не так, как предпочёл бы я, но всё равно весело.

Хоуп.

Ну, я, возможно, слишком бурно отреагировала. Не то чтобы дело было лёгким. Оно всё ещё представляет собой вызов моему запылённому мозгу, но то, как судья отчитал бывшего Винтер, было весьма увлекательно. Как только судья выходит из зала заседания, Винтер крепко меня обнимает. Могу сказать, что она умирает от желания что-нибудь сказать своему бывшему. Я задерживаю её на минуту.

— Ничего не говори. Ты победила. Игнорируй его, — шепчу я ей на ухо.

Её губы подёргиваются, но, оценив мою серьёзность, она кивает. Вместо разговора она устраивает шоу, беря Брикса за руку и выходя с ним из зала суда.

Упаси меня Боже от драматичных клиентов.

Я трясую головой и собираю свои вещи. Я могу почувствовать, как Рок ждёт позади меня. Уголкем глаза замечаю, что бывший Винтер глазееет на меня. Если бы он только знал о моём намерении подать прошение о повышении суммы выплачиваемых алиментов. Пристав ждёт, пока мы все выйдем, пристально наблюдая за нами тремя. Когда я наконец-то заканчиваю сборы, поворачиваюсь к Року:

— Идём, — он кладёт руку мне на спину и выводит меня в коридор. — Мне нужно подать эти бумаги. Младший мировой судья располагается вниз по коридору и налево, — говорю я Року, указывая в том направлении, куда мне нужно уйти.

— Я буду снаружи и отдам Бриксу его жилетку, чтобы они могли уехать. Винтер нужно на работу.

— Да, конечно. Я буду в порядке.

Рок быстро целует меня в лоб и следует за Бриксом на улицу. Не являясь поклонником выражения симпатии на публике, я трясую головой. Женщина-пристав ловит мой взгляд и подмигивает мне:

— Повезло тебе, — шутит она.

Ну, это заставляет меня улыбнуться. Мне очень даже повезло, и до меня начинает доходить, что Рок был очень терпеливым ко всей моей дерзости. С улыбкой я направляюсь вниз по коридору, дабы разобраться с бумажной волокитой.

Хорошо, что больше никого нет, поэтому я оплачиваю судебный взнос, заполняю бумаги и иду наружу. Используя запасной выход, решаю обойти здание с торца и шагаю к месту нашей парковки.

К сожалению, я наталкиваюсь прямо на бывшего Винтер.

— Ты ёбаная сука, — рычит он. — Не такая смелая без своих телохранителей, а?

Мы на стоим на пешеходной дорожке, так что мне не страшно, но и не спокойно.

— Мистер Вилкес, я понимаю ваше расстройство, но вы сами всё начали запросом на тест на отцовство.

Серьёзно, почему мне нужно объяснять это людям? Хотя, кажется, без придурков вроде него у меня бы не было работы, так ведь?

— Эта сраная шлюха изменяла мне месяцами ещё до того, как мы разошлись. Нет ни

единого грёбаного шанса, что этот ребёнок мой. Он, очевидно, отпрыск этого латиноса.

Вот теперь с меня хватит. Парень испытал последнюю каплю моего терпения. Я не терплю людей с замашками расистов.

— Сэр, наука утверждает другое, и из того, что я знаю: Винтер познакомилась с Бриксом лишь спустя год после вашего разрыва. Если вы так отчаянно пытаетесь не платить алименты, почему не откажетесь от своих родительских прав? — мило интересуюсь я.

Наверное, предлагать подобное непрофессионально с моей стороны, но отношение этого парня выводит меня из себя. Как ужасно для ребёнка расти с отцом, который продолжает сомневаться в их родстве

Мужчина явно лишается рассудка, потому что хватает меня за плечи и приближается довольно близко к моему лицу. Теперь мне, блядь, страшно. Мой взгляд мечется по сторонам в поисках помощи. Конечно, на улице нет ни единого человека.

Серьёзно? Даже контролёра на платной стоянке?

— Отпустите меня, — произношу я самым спокойным голосом.

Он пялится на меня, но я не вырываюсь, хоть от страха сердце и пытается выскочить из груди. Плечи болят от того, как его пальцы впиваются в них, и я знаю, что завтра там появятся синяки. Надеюсь, это останется единственной травмой данной встречи. Почему у меня нет с собой перцового баллончика? Или пистолета?

— Отъебись от неё!

Позади меня слышатся тяжёлые шаги. Из меня вырывается громкий выдох, когда до меня доносится голос Рока. Слава Богу.

Глаза парня расширяются, и он отскакивает от меня. Я вскидываю руки, пытаюсь удержать равновесие. В последнюю секунду сильные руки удерживают меня за талию.

Вилкес начинает убежать. Рок ставит меня на ноги. Положив пальцы на мой подбородок, он приподнимает мою голову и смотрит мне в глаза:

— Тебе больно?

— Нет. Я просто напугана.

Рок устремляется за Вилкесом.

— Рок, нет!

Дерьмо, боюсь, он убьёт парня. Хотя они не уходят далеко. Вилкес в своей спешке, должно быть, споткнулся, и Рок уже поднимает его с земли. Желая покончить с этой ситуацией, я направляюсь к ним обоим. Честно, мне насрать, что случится с Вилкесом. Я просто не хочу, чтобы Рока арестовали.

— Ещё хоть раз прикоснёшься к моей женщине, я нахер убью тебя, — рычит он убийственным голосом байкера.

А вот и копы. Замечательно.

Они разнимают Рока и Вилкеса. Естественно, увидев жилетку Рока, полицейские тут же трактуют всё неправильно.

Пригладив волосы и юбку руками, я одариваю их обоих тем, что можно назвать профессиональной улыбкой.

— Офицеры, этот человек, — указываю на Вилкеса, — повисил на меня голос и почти уложил на землю. Мой парень всего лишь защищал меня.

Копы переглядываются.

— Мы можем увидеть ваши документы, мисс?

— Конечно, — руки слегка трясутся, пока я открываю свой кейс и передаю им своё

удостоверение адвоката, водительские права и визитку. — Я представляю интересы его бывшей жены, и мы только что закрыли дело, закончившееся не в пользу мистера Вилкеса.

Моя информация бьёт прямо в цель, и копы теряют интерес к Року, полностью сосредотачиваясь на Вилкесе.

— Хотите выдвинуть обвинения, мисс Кендалл?

— Нет, я в порядке. Я понимаю, что после суда эмоции иногда зашкаливают.

Они смотрят на Рока, который пожимает плечами:

— Это ей решать.

— Ок, но после никакого возмездия, мистер Норт.

Ха, кажется, они знают Рока. Мило.

Рок непоколебим:

— Пока он держится подальше от неё, у нас не будет проблем.

Копы поворачиваются к Вилкесу. Один из них кладёт руку на его плечо, где должен был остаться ушиб.

— Вам лучше пойти своей дорогой. Мы хотим увидеть, как вы уйдёте. И вы будете держаться подальше от молодой леди. Разбирайтесь со своим дерьмом на территории суда, а не на тротуаре.

Вилкес взглядом мечет в меня кинжалы и затем уходит. Мы наблюдаем, как он уезжает. Когда его машина исчезает из поля зрения, один из копов направляется в здание суда.

Тот, который сжимал плечо Вилкеса, бьёт Рока по плечу:

— Какого хера? Как дела, Рок?

Что??

Рок наблюдают за машиной Вилкеса, пока та не скрывается из виду, а затем поворачивается лицом к офицеру:

— Хорошо, Дэнни. Сам как?

— Прекрасно. Тот байк, что ты сделал для меня, невероятный. Моя девушка хочет ещё один.

Рок выдыхает со смехом:

— Мерцающий розовый, так?

— Ты ведь знаешь, — его глаза устремляются ко мне, и он вскидывает бровь. — Хорошо, что ты был здесь со своей девочкой. Тот парень выглядел грёбаным психопатом.

Медленная улыбка расплзается по губам Рока, и он обнимает меня за талию:

— Ага, никуда нельзя её отпустить, — шутит он.

Дэнни смотрит так, будто у него есть много вопросов, но он оставляет их при себе. Он поднимает руку и перед уходом напоминает, чтобы я была осторожна.

Рок.

Моя злость понемногу утихает. Увидев руки того сраного ублюдка на Хоуп и то, как он толкает её и как она почти падает — я поймал её чуть ли не в последнюю секунду — я захотел выбить из него всё дерьмо. Однажды, очень скоро, я нанесу ему визит.

— Подними свою челюсть, куколка. У меня есть друзья и в правоохранительных органах тоже, — я подмигиваю ей.

Хоуп кривится.

Я люблю это лицо. Такое же у неё было в день нашей встречи. Как и сегодня, это случилось на тротуаре перед зданием суда. Безумие, но в таких странных ситуациях я могу

находить счастье.

Я прижимаю руку к её щеке, потирая мягкую кожу на скуле. Я не мог сделать этого в день нашей встречи, даже если отчаянно хотел. Я всегда знал, что с правильной женщиной всё не будет так легко, но никогда не прекращал бороться за Хоуп.

Притянув её в поцелуе, я чувствую, как она тает в моих руках, издавая краткий всхлип.

— Спасибо за то, что был здесь, — бормочет она в мой рот.

Мою грудь будто сдавливает. Я люблю эту женщину так чертовски сильно и всё ещё не сказал ей об этом. Моё сердце ревёт при этой мысли.

Она отстраняется через мгновение:

— Мне жаль, что я была в таком дурном настроении всё утро. Я действительно рада, что ты здесь, — она опускает голову. — Я просто не хотела опозориться перед тобой, — добавляет Хоуп мягко.

— Малышка, ты бы не смогла. Ты была невероятной.

Она поднимает на меня глаза и дарит мне милый, печальный взгляд. Я узнаю этот взгляд. Удивлён, что она так смотрит на меня сейчас, при свете дня. Боже, мы проделали долгий путь. Я встречаю её немую просьбу глубоким поцелуем, подтверждая нашу связь и длинную дорогу за нашими плечами.

Хоуп вздыхает, когда мы отстраняемся друг от друга. У неё урчит живот, и она отскакивает назад. Достав телефон из кармана, я вижу, что уже почти полдень.

— Мне лучше покормить свою малышку, да? — интересуюсь я, забирая кейс из её рук.

— Думаю, да, — она переплетает свои пальцы с моими, когда мы оставляем портфель в машине.

Заметив ресторанчик через дорогу, она говорит:

— Я бы съела *половину* сэндвича с индейкой.

Тёплое чувство наполняет мою грудь, и губы растягиваются в улыбке. Она тоже думает о дне нашей встречи.

— Слышал, у них потрясная сладкая картошка-фри, куколка.

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net